

Ю. А. Виноградов

par
vus
libellus

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

е в р а з и я

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Ю. А. Виноградов

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 94(47).045

ББК 63.3(2)43

В49

Рецензенты:

д. и. н. В. А. Горончаровский к. и. н. А. Е. Терещенко

Виноградов, Юрий Алексеевич.

В49 Боспор Киммерийский и Великая степь / Ю. А. Виноградов ; ИИМК РАН. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 322 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0692-6

Боспор Киммерийский (современный Керченский пролив) — один из главных центров греческой колонизации Северного Причерноморья. Здесь приблизительно на рубеже V и IV вв. до н. э. сложилось крупное, монархическое государство, включавшее в свой состав не только ранее независимые города-государства, но и варварские племена Прикубанья. В монографии впервые освещены важнейшие аспекты многовековой истории Боспора в ее взаимосвязи с миром кочевников Северного Причерноморья. В хронологическом отношении она охватывает период от появления здесь первой греческой колонии — города Пантикапей (конец VII в. до н. э.) до времени раннего Средневековья (вторжение гуннов). Книга рассчитана на всех интересующихся древней историей нашей родины.

УДК 94(47).045

ББК 63.3(2)43

Электронное издание на основе печатного издания: Боспор Киммерийский и Великая степь / Ю. А. Виноградов ; ИИМК РАН. — Санкт-Петербург : Евразия, 2023. — 320 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0594-3. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0692-6

© Виноградов Ю. А., 2022

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2023

© Оформление,
ООО «Издательство
«Евразия», 2023

Введение

Название книги, которую читатель держит в руках, может показаться несколько странным, поскольку в нем обозначены две стороны взаимодействия, — Боспор Киммерийский, с одной стороны, и кочевники Евразийских степей, с другой. Вполне очевидно, что они принадлежат к совершенно различным мирам и ничего общего между ними нет. Действительно, цивилизация Древней Греции, к которой принадлежит Боспор, в нашем сознании предстает как мир отважных мореходов, замечательных художников (при этом во всех сферах искусства), великих философов, историков и т. д. А кочевники (номады) — это сообщества скотоводов,двигающихся со своими стадами по бескрайним степным просторам и всегда готовых совершить нападение на соседей, при этом вне зависимости от того, являются ли те оседлыми земледельцами или такими же кочевниками, как и они сами. Казалось бы, взаимодействия двух чуждых друг другу миров абсолютно невозможны, естественно, за исключением встреч на поле боя. Тем не менее, такие взаимоотношения существовали, и они длились более тысячелетия, будучи не только враждебными, выливавшимися в военные конфликты, но и вполне конструктивными.

Областью таких взаимодействий стал северный берег Черного моря. Здесь, т. е. на краю грандиозного пояса Евразийской степи, в результате Великой греческой колонизации VII–VI вв. до н. э. появились три центра эллинской цивилизации — Ольвия, расположенная на западном берегу Бугского лимана, Херсонес Таврический на месте Севастополя и Боспор Киммерийский — район Керченского пролива с прилегающими территориями. Последний представляет особый интерес¹. Греческие поселения здесь особенно многочисленны — нет ни одного мыса, на котором не сохранились бы остатки какого-нибудь древнего городка. Наиболее важной боспорской колонией сразу стал Пантикапей (на месте современной Керчи). К рубежу V–IV вв. до н. э. все ранее независимые *полисы* (города-государства), а также некоторые из соседних варварских племен были объединены в государство, которое обычно называют Боспорским царством. Относительно этого политического образования следует отметить пять важнейших моментов: во-первых, это было самое крупное античное государство в Северном Причерноморье; во-вторых, оно было монархическим; в-третьих, по составу это было полиэтничное (по современным меркам, многонациональное) образование; в-четвертых, объединение оказалось очень жизнеспособным, просуществовав почти 1000 лет. Наконец, следует сказать и о пятом моменте, — это было евразийское государство. По представлениям древних географов граница между Европой и Азией проходила совсем не там, где ее

¹ Гайдукевич 1949; Виноградов 2000; Gajdukevič 1971.

проводим мы. Она шла по реке Дон (древний Танаис), Азовскому морю (Меотида) и по Керченскому проливу (Боспор Киммерийский). Соответственно, Восточный Крым можно считать европейским Боспором, а Таманский полуостров — азиатским. Нетрудно понять, что по обозначенным формальным параметрам Боспорское царство можно сопоставить с единственным государственным образованием более позднего времени — Россией. Конечно, различие масштабов здесь вполне очевидно и бесспорно, но все-таки есть смысл в рассуждениях некоторых современных исследователей (Д. А. Мачинский и др.), считающих Боспор первым «проектом» на пути к России.

Роль степей в истории Руси — особый предмет специального изучения. Очень много в этой области сделал замечательный ученый Л. Н. Гумилев². Стоит отметить и исследование И. В. Пьянкова, посвященное Средней Азии и Великой степи в древности³. В истории северопричерноморских греческих государств значение степного фактора было не менее существенным. Всего отчетливей оно проявилось в исторической судьбе Боспора — самого восточного из античных государств региона. Многие отечественные и зарубежные исследователи немало сделали для его всестороннего изучения. В их ряду следует выделить академика М. И. Ростовцева, 150-летие со дня рождения которого научная общественность отметила в 2020 г. В его научном наследии особое место принадлежит монографии «Скифия и Боспор»⁴.

² Гумилев 1992.

³ Пьянков 2013.

⁴ Ростовцев 1925; Rostowzew 1931.

Название этой книги в высшей степени показатель-но, поскольку хорошо выражает один из феноменов культурно-исторического развития Северного Причерноморья в античную эпоху, заключающийся в особой роли Боспора в формировании культурного облика степной и лесостепной зон региона. Скифия и Боспор, как представлялось М. И. Ростовцеву, являли собой некое единство, при этом единство в различии — эллинство Боспора при всех очевидных варварских влияниях на его культуру, с одной стороны, и варварство Скифии при сильнейшем воздействии на нее греческой цивилизации, с другой⁵.

К сожалению, в научной литературе роль кочевников в боспорской истории раскрыта еще в недостаточной степени. Более того, если говорить о влиянии варварских народов на историческое развитие Боспора в доримскую эпоху, то до недавнего времени специалисты обсуждали по существу один вопрос: какие из них, скифские (кочевые) или синдо-меотские (оседлые), имели здесь особое, главенствующее значение. Вопрос, конечно, очень важный, и от правильного ответа на него в понимании боспорской истории зависит чрезвычайно многое; смущает лишь излишняя категоричность в его постановке. Исторический процесс всегда является результатом сложения самых разнообразных, зачастую противоречивых сил и тенденций, поэтому трудно ожидать, чтобы на протяжении столетий не происходило никаких перемен в политических и экономических устремлениях любого государства, и принципиальные сторонники концепции о синдо-меотском преобладании

⁵ Виноградов 2015.

на Боспоре⁶, и последователи традиционной скифской концепции⁷, на мой взгляд, недооценивают этого исторического динамизма. В общетеоретическом плане гораздо более перспективной представляется подход Т. В. Блаватской, которая в истории Боспора выделяла периоды синдского, скифского и сарматского преобладания⁸.

Тем не менее, мир степей — это явление особое и для человека современной цивилизации, до предела перегруженной вещами, непонятное, в чем-то пугающее. Кочевничество, по выражению А. Дж. Тойнби, было цивилизацией, родившейся в результате ответа на вызов природной среды⁹. «Засушливую степь мог освоить только пастух, но, чтобы выжить там и процветать, кочевник-пастух должен был постоянно совершенствовать свое мастерство, вырабатывать и развивать новые навыки, а также особые нравственные и интеллектуальные качества»¹⁰. Ужасные условия окружающей среды, по выражению английского исследователя, сделали кочевников «не хозяевами, а рабами степи»¹¹. Они, по образному выражению А. Дж. Тойнби, стали обществом, у которого нет истории. Лишь набеги на оседлые цивилизации включали номадов в поле исторических событий, но военные победы приводили к тому, что «пастыри

⁶ См.: Блаватский 1959: 15, 18, 47; Артамонов 1974: 120 сл.; Масленников 1981: 12.

⁷ См.: Жебелев 1953: 117; Гайдукевич 1949: 5, 70 сл.; 1959; Яковенко 1985.

⁸ Блаватская 1959: 97 сл., 111, 131.

⁹ Тойнби 1991: 181, 183.

¹⁰ Там же: 185.

¹¹ Там же: 186.

скоро превращались в трутней, которые живут эксплуатацией подчиненного населения»¹². Современный исследователь номадизма Н. Н. Крадин признал, что «эта формация являлась тупиковой в общественной эволюции»¹³. В исторической перспективе она не выдержала конкуренции с глобальной индустриальной цивилизацией европейского образца¹⁴. Ни в коей мере не оспаривая этого утверждения, стоит отметить, что у столь крайне выраженной точки зрения, естественно, имеются противники¹⁵. Л. Н. Гумилев, к примеру, считал, что степные народы, перейдя к кочевому скотоводству, включились в «круговорот Всемирного исторического процесса»¹⁶. Ученые споры по этому вопросу, однако, могут слишком далеко увести от боспорской истории. Наша задача заключается в попытке взглянуть на нее, так сказать, со стороны степей, что уже в той или иной степени предпринималось ранее¹⁷, но сделанное никак не исчерпывает всей проблемы. Для приближения к ее пониманию на страницах книги большое внимание уделено общим вопросам функционирования кочевнических сообществ, характере их взаимоотношений с оседлыми народами и т. п. На мой взгляд, такие параллели в ряде случаев позволяют лучше уяснить некоторые особенности исторического развития Боспора, хотя многие (слишком многие!) его моменты еще не вышли из тумана гипотез, предположений и догадок.

¹² Там же: 187.

¹³ Крадин 1991: 320.

¹⁴ Мордкович 2014²: 152.

¹⁵ Железняков 2009; Базаров 2012; Жамбалова 2017.

¹⁶ Гумилев 1968: 269.

¹⁷ Виноградов 2009.

Глава I

Степь, варвары, эллины

Своеобразие Северного Причерноморья в античной ойкумене

Великая Евразийская степь вытянута с востока на запад (от Забайкалья до Закарпатья) на 7500 км, ее ширина в центральной части достигает 600 км, а к краям уменьшается до 150–400 км (рис. 1)¹. С юга она ограничена горами и пустынями, а в западной части — Черным морем; на севере предел ей положен лесами, в которых развитие кочевого скотоводства было абсолютно невозможно. Возникновение номадизма на этих просторах, как считают специалисты, относится к концу II — началу I тыс. до н. э.², т. е. задолго до начала греческой колонизации северного берега Понта. Расцвет его, по заключению Н. Н. Крадина, пришелся на середину I тыс. до н. э. — середину II тыс. н. э.³, и время существования античных государств вполне укладывается в этот период.

¹ Мордкович 2014²: 19.

² Жданко 1968: 275; Марков 1973: 105; 1976: 15; 1980: 22; Хазанов 1973а: 5; 1975: 10; 2002: 46; Бруяко 2001: 12–15; Барфилд 2009: 32–33; ср.: Barfield 1992: 28.

³ Крадин 1991: 320.

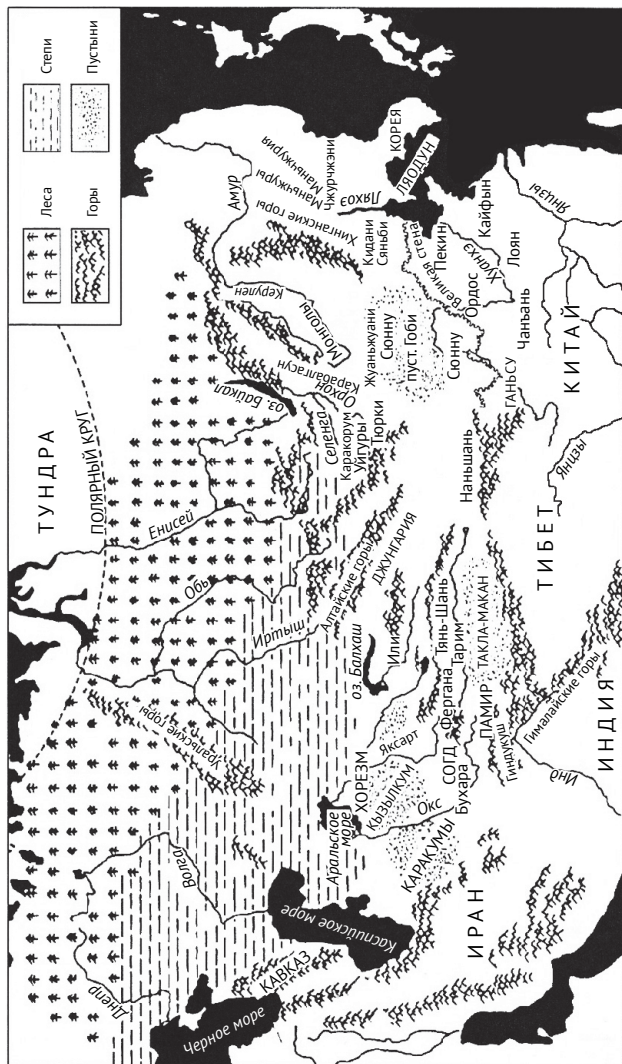

Рис. 1. Евразийская степь (по: Барфилд 2009)

Этнографы и историки определяют кочевничество как тип производящей экономики, для которого характерно господство экстенсивного скотоводства с круглогодичным выпасом скота и участием в передвижениях вместе со стадами большей, или даже подавляющей, части населения⁴. В. М. Массон не без основания считал, что переход к кочевому скотоводству в степях по социальной значимости сопоставим с городской революцией в зоне оседлых обществ Древнего Востока⁵, и это действительно так, поскольку в истории мировой цивилизации кочевым народам принадлежала чрезвычайно важная роль.

В научной литературе уже давно признано, что греческие колонии на северном берегу Черного моря существовали в весьма своеобразном этническом и культурном окружении, поскольку их соседями оказались не только племена оседлых земледельцев, но и подвижных скотоводов, кочевников (рис. 2). Принято считать, что из древнегреческих авторов на номадов Северного Причерноморья обратил внимание уже Гомер, написавший в «Илиаде», как Зевс увидел

...дивных мужей гиппемологов
Бедных, питавшихся только млеком,
справедливейших смертных.
(Hom. Il. XIII. 5–6; пер. Н. И. Гнедича).

Этот далекий от действительности идеализированный образ, для нас, конечно, не имеет особого

⁴ Хазанов 1975: 6; Плетнева 1981: 50; Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 206–207; Барфилд 2009: 60 сл.; Barfield 1992: 20 ff.

⁵ Массон 2003: 82, 94.

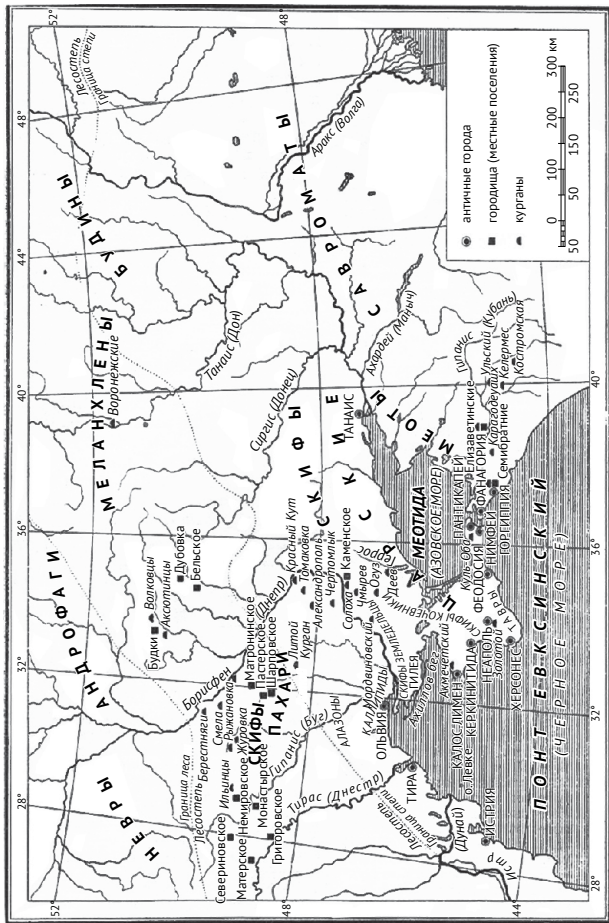

Рис. 2. Северное Причерноморье по Геродоту с обозначением важнейших археологических памятников скифской эпохи (по: Гайдукевич 1955)

значения⁶. Классическое описание особенностей жизнедеятельности номадов оставил Геродот, посвятивший четвертую книгу своей «Истории» Скифии и скифам. По его словам, скифы-кочевники «не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота» (Herod. IV. 46. 3; пер. В. А. Шишовой). С некоторыми изменениями этот пассаж повторен в другой части труда «отца истории», касающейся событий войны скифов с персами во главе с царем Дарием. Во время этой войны скифы, как известно, осуществили стратегический план, сочетавший заманивание противника вглубь территории и уклонение от крупных сражений с «тактикой выжженной земли». Когда Дарий обратился к скифскому царю Иданфирсу с вопросом, почему тот отступает и не пытается сразиться с персидскими войсками, то получил ответ, что он и раньше никогда не убегал из страха, и сейчас не бежит от персов; «ныне я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делают в мирное время; а почему я не тороплюсь сражаться с тобою, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни засеянной земли, из-за которой мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты или опустошены» (Herod. IV. 127; пер. В. В. Латышева). Из сказанного нетрудно понять, что Иданфирс попытался убедить Дария в том, что скифское отступление являлось совсем не отступлением, а чем-то вроде обычного для кочевников передвижения к новым пастбищам.

⁶ Иванчик 2005: 18–52.

Римский историк Аммиан Марцеллин, описывая быт аланов, нарисовал сходную картину: «Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они ни зашли, там у них родной дом» (Amm. Marc. XXXI. 2. 18).

Действительно, именно эти передвижения представляют собой одну из важнейших особенностей экономической системы номадизма. Кочевники, передвигавшиеся вместе со своими стадами по бескрайним степям, для древних греков представлялись народами загадочными и в немалой степени опасными. Чисто экономическим своеобразием дело, конечно, не ограничивалось, и кочевникам был присущ особый, резко отличный от земледельческого, образ жизни, характер материальной и духовной культуры, общественный строй и т. д. Это были племенные объединения, идеальный лидер которых являлся благословленным небесами героическим воином с его удачей и харизмой, щедро одаривающим своих последователей различными благами⁷. Для греков времени колонизации все эти традиционные ценности мира номадов, конечно, были необычными, чуждыми, возможно, даже враждебными. Тем не менее,

⁷ Барфилд 2009: 34–35; Barfield 1992: 3

эллинам с такими народами на протяжении многих веков приходилось не просто жить рядом, но и пытаться наладить более-менее нормальные взаимоотношения⁸. Влияние такого своеобразного окружения на исторические судьбы северопричерноморских *апоийки*, как можно полагать, было весьма существенным. Развитие этих взаимоотношений, само по себе очень непростое, в значительной степени осложнялось тем, что для степей Северного Причерноморья характерна периодическая смена кочевнических этносов. Приблизительно один раз в 200–300 лет по степному коридору из глубин Азии на запад устремлялись новые и новые кочевые народы, миграции которых кардинальным образом меняли этническую и военно-политическую обстановку в регионе. В древности это были скифы, аорсы, сираки, роксоланы, языги, аланы и др., в Средние века — хазары, печенег, половцы, татаро-монголы и др.

Древние греки, как представляется, воспринимали пришельцев из глубин Азии, по крайней мере, на начальном этапе их передвижений, чуть ли не как выходцев с «того света». В какой-то мере их мироощущение в этом отношении можно уподобить взглядам населения раннесредневековой Европы, для которого вторжения варваров (венгров, норманнов, арабов и др.) казались предвестниками прихода Антихриста⁹. По той же самой причине татаро-монголы в Западной Европе поначалу осмысливались как выходцы из Тартара, т. е. из преисподней¹⁰.

⁸ Андреев 1996: 7; Андреев, Марченко 2005: 403.

⁹ Дюби 1994: 13.

¹⁰ Дробинский 1948: 126; Матузова 1979: 137, 148, 151, 157, 207.

Наш замечательный историк и эпиграфист В. В. Латышев еще в конце XIX в. прекрасно понимал сопричастность судеб греческих колоний Северного Причерноморья к этим ритмам Евразии. Он отмечал, что периодически возникавшая враждебность варваров по отношению к греческим колониям обыкновенно была следствием передвижений народных масс, пришельцы оттесняли дружественных соседей греков и либо совершали хищнические набеги на эллинские поселения, либо «под страхом таких нападений, вымогали с них ежегодную дань»¹¹. Сходную мысль хорошо выразил М. И. Ростовцев, указывая, что степи Северного Причерноморья служили широко открытой дорогой, по которой передвигались крупные массы населения с востока на запад и с запада на восток. На этой дороге периодически возникали варварские этнополитические образования, существовавшие иногда на протяжении нескольких веков, но они не были прочными и, как правило, рушились под натиском новых волн миграций кочевников с востока¹².

Динамичный мир Евразийских степей, связанный с периодическим продвижением с востока на запад новых и новых кочевнических народов, вызываемая этим смена этносов и культур создавали, как справедливо считал В. Д. Блаватский, «своеобразные условия существования северопричерноморских полисов в отличие от окраинных греческих государств в Сицилии, Великой Греции, Фракии и т. д.»¹³. Там,

¹¹ Латышев 1897: 13.

¹² Ростовцев 1918: 4–6; Rostovtzeff 1922: 8–9.

¹³ Блаватский 1960: 78.

как известно, древние греки столкнулись с намного более стабильным миром оседлых, земледельческих племен. Е. С. Голубцова и Г. А. Кошеленко также подчеркивали, что тип взаимоотношений греческих колонистов с кочевниками был иным, нежели с земледельцами, при этом движения номадов «неоднократно меняли этническую и политическую ситуацию в Причерноморье, разрушали сложившиеся системы контактов как внутри мира местных племен, так и между ними и греками»¹⁴.

Ситуацию, существовавшую в Северном Причерноморье, разумеется, нельзя считать абсолютно уникальной для античной ойкумены. Всем известно, что греки-колонисты столкнулись с кочевыми народами также и в Северной Африке. В. П. Яйленко попытался даже сопоставить особенности развития греческих *апоийки* Северного Причерноморья, в частности, Боспора, и Кирены (Северная Африка), объясняя определенные черты сходства в их пространственной организации воздействием кочевнического фактора¹⁵. С ним в этом солидарен И. М. Безрученко¹⁶. Действительно, соседями греческих переселенцев в Северной Африке оказались племена номадов, и сопоставление этих двух регионов с теоретической точки зрения вполне оправданно. Правда, ситуация в поясе Евразийских степей, как представляется, была значительно сложнее по причине периодических продвижений на запад новых и новых этносов, о чем уже частично было сказано и о чем подробнее речь

¹⁴ Голубцова, Кошеленко 1980: 2.

¹⁵ Яйленко 1983: 135, но ср. С. 140.

¹⁶ Безрученко 1999: 131.

пойдет ниже. Северная Африка таких кардинальных этнических перемен была лишена, вероятно, вплоть до арабских завоеваний.

Из сказанного нетрудно понять, что важная роль кочевых народов в истории греческих государств северного Понта признается всеми исследователями. Однако, как показывает практика, общепризнанность, общеизвестность какого-то факта в научной литературе совсем не означает его всесторонней изученности. По моему глубокому убеждению, влияние номадов на исторические судьбы греческих колоний региона может быть адекватно понято только в том случае, когда наше антиковедение сумеет избавиться от традиционного недостатка, связанного с использованием археологических данных как сугубо иллюстративных или, в лучшем случае, дополнительных материалов к сведениям, известным из письменной традиции¹⁷. Недооценка информативных возможностей «молчаливой» археологии, безусловно, снижает надежность исторических интерпретаций многих современных исследователей. Столь же традиционным в антиковедческой литературе можно признать невнимание к теоретическим и этнографическим разработкам. В частности, здесь даже не утвердилось понятие хозяйственно-культурного типа, одно из важнейших в современной этнографии¹⁸. Его игнорирование не позволяет в должной мере оценить своеобразие связей эллинов с земледельческими племенами, с одной стороны, и ко-

¹⁷ Геннинг 1982: 65; ср.: Cunliffe 1988: 1.

¹⁸ Левин, Чебоксаров 1955; Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 177 сл.

чевыми, с другой. Складывается впечатление, что многих исследователей до сих пор вполне удовлетворяет довольно наивная точка зрения И. Я. Златкина, высказанная им почти 70 лет назад. Она сводится к тому, что различия между кочевыми скотоводами и оседлыми земледельцами не так глубоки, поскольку и у земледельцев имелся домашний скот. По его мнению, несхожесть можно проследить лишь в количестве стад и площади пастбищ¹⁹. В действительности же кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы относятся к особым хозяйственно-культурным типам, различающимся способом ведения хозяйства; по образному выражению Л. Н. Гумилева, «земледельцы организуют флору той территории, которая их кормит, а кочевники — фауну»²⁰. Кроме того, эти общества различаются социальной структурой, образом жизни, особенностями материальной и духовной культуры. По словам А. Дж. Тойнби, обитатели степей выработали «особые нравственные и интеллектуальные качества»²¹. Разумеется, между кочевниками и земледельцами нельзя проводить непреодолимую границу, но затушевывание различий также абсолютно недопустимо.

Что касается изучения кочевников Евразии, то в этой области знания этнографическая наука накопила очень большой опыт, при этом именно отечественной этнографии принадлежит здесь ведущая роль²². Этот богатейший опыт, безуслов-

¹⁹ Златкин 1955: 74.

²⁰ Гумилев 1968: 268.

²¹ Тойнби 1991: 185.

²² Златкин 1971; Бромлей 1981: 132 сл.; Васютин, Крадин, Тишкин 2005: 10.; ср.: Lattimore 1962: 146.

но, должен быть использован для реконструкции процесса исторического развития древнегреческих государств Северного Причерноморья, в особенности Боспора, поскольку в их ряду тот лежал первым на пути передвижений кочевников с востока. Принято считать, что варварские влияния проявились в наиболее рельефном, концентрированном виде именно на Боспоре, и это положение, в общем, невозможно оспаривать. Есть основания полагать, что такой вектор развития в немалой степени был стимулирован обозначенным географическим фактором, но подробнее об этом речь пойдет ниже.

Эллины и варвары. Проблемы сосуществования

Временно отвлекаясь от истории греческих колоний Северного Причерноморья и развития греко-варварских взаимоотношений в этом регионе, необходимо заметить, что само слово «варвар» вошло в современные языки именно из древнегреческого (βάρβαρος), хотя понятия «варвар» и «варварство» появились гораздо раньше, с возникновением первых цивилизаций на Древнем Востоке, тогда же возникло и противопоставление «цивилизация» — «варварство»²³. Принадлежность к «варварам» определялась не какими-то расовыми особенностями, а, скорее, образом жизни, при этом для большей

²³ Джоунс 1987: 156. Следует отметить, что некоторые исследователи выводят это слово из удвоенного шумерского *bar*, означавшего «наружный», «внешний» с вероятным дополнительным значением «чужой», «иностранный». См.: Potts 1983: 127.

части Евразийского континента концентрированным выражением такого понимания стали как раз кочевники Центральной Азии²⁴. Понятно, что вторжения этих народов были очень опасны для цивилизованного мира, в самом слове «варвар», как казалось, была скрыта немалая угроза. Совсем не удивительно, что у защитников цивилизации на такой почве сложилось предвзятое, высокомерное отношение к культурам «дикарей», отличие которых от культур цивилизованных государств стало считаться абсолютным. Борьба против «варварства» даже была декларирована как одна из задач, стоящих перед «цивилизацией».

Вернемся, однако, к Древней Греции, которая, как говорилось, подарила миру слово «варвар». В связи с этим зададимся вопросом, соответствовало ли его значение привычному для нас пониманию — «враг цивилизации», или же оно означало нечто иное? Географ Страбон предложил, на мой взгляд, вполне приемлемую концепцию происхождения термина «варвар». По его мнению, это слово возникло в силу подражания грубому для греческого уха произношению иноземцев и лишь позднее стало названием всех негреческих народов (Strab. VII. 4, 6). Иными словами, для греков варварами были все другие народы вне зависимости от их экономического, социально-политического или культурного развития, к примеру, это были и кочевники-арабы, и кельты, населявшие в то время бескрайние пространства европейских лесов, и египтяне, создавшие грандиозную цивилизацию, перед которой греки не скрывали своего восхищения. Любопытно, но Гомер в своих поэмах

²⁴ Ср.: Брумяко 2001: 12–15; Массон 2001: 34–36.

ни разу не употребил этого термина, хотя и сказал о карийцах, как о «говорящих наречием варварским» (Ном. II. II. 867; пер. Н. И. Гнедича). Историк Фукидид посчитал, что это произошло «оттого, что эллины тогда еще не отделились от них (варваров. — Ю. В.) и не объединились под одним именем» (Thuk. I. 3, 3; пер. Г. А. Стратановского и др.). Такая трактовка представляется весьма странной, поскольку трудно понять, каким образом могло существовать «варварское наречие» без наличия самих «варваров». Еще более удивительно, что все древнегреческие авторы до 480 г. до н. э. употребили этот термин не более пяти раз²⁵.

Надо признать, что древние греки оценивали варваров совсем не однозначно и часто не вкладывали в это слово того негативного смысла, который оно имеет в современной нам культуре. Известно, что Геродот достаточно взвешенно оценивал достоинства и недостатки негреческих народов. Описывая на страницах своей «Истории» начальный период Греко-персидских войн, он неоднократно с похвалой отзывался о многих варварских народах и даже о персах, к примеру, высоко оценил персидскую систему воспитания детей (Herod. I. 137). Такая симпатия по отношению к персам (мидянам) в Древней Греции называлась μηδισμός (*медисмос*)²⁶. Во вступлении к «Истории» Геродот, как известно, даже отметил, что его произведение написано для того, чтобы «великие и удивления достойные дела как эллинов, так и варваров (выделено мною. — Ю. В.) не остались в неизвестности» (Herod. I; пер. Г. А. Стратановского).

²⁵ Tuplin 1999: 54.

²⁶ Доватур 1957: 81.

Более того, уже у Гомера, т. е. задолго до Геродота, можно найти корни «идеализирующей» традиции в освещении жизни негреческих народов; в частности, это относится к приведенному выше его пассажу о справедливейших среди смертных — млекоедах и доителях кобылиц (Hom. Il. XIII. 6–7), коими, как было сказано, вероятнее всего, являлись кочевники. В эпоху эллинизма, когда греческая цивилизация отчетливо почувствовала симптомы приближающегося кризиса, «идеализирующая» традиция получила новый импульс для развития в литературе и историографии. В соответствии с ней варвары рисовались свободными и счастливыми скотоводами и земледельцами, живущими в гармонии с природой, противопоставляясь при этом грекам, то есть людям городской цивилизации, погрязшей во всевозможных пороках — лени, сутяжничестве, стяжательстве и т. д. Основоположником такой традиции, как считается, стал историк Эфор, взгляды которого нашли заметный отзвук как в современных ему, так и в более поздних сочинениях²⁷.

В древнегреческой литературе, однако, прекрасно известна и совсем иная традиция, в отношении которой приведу лишь некоторые примеры. Взгляд Платона на проблему греко-варварских взаимоотношений сводится к тому, что греки и варвары — враги по природе (Plato. Republ. 470 c). Эврипид в трагедии «Ифигения в Авлиде» трактовал эту проблему несколько иначе, указывая на то, что грекам прилично властвовать над варварами (Eurip. Iphig. 1400–1401).

²⁷ Ростовцев 1925: 6, 88–90; Широкова 1979: 124–138; Иванчик 2005: 33–40.

Его полностью поддержал Аристотель, подведя под эту концепцию научную базу: «Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков недовольствия» (Arist. Polit. 1285a 20–24; пер. С. А. Жебелева). Более кратко эту мысль он выразил словами — «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Ibid. 1252b 9). По свидетельству Диогена Лаэртского известно также, что один из знаменитейших мудрецов (Фалес или Сократ) был благодарен судьбе за три вещи: «во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар» (Diog. Laert. I. 33; пер. М. А. Гаспарова). Геродот, который, как было сказано выше, пытался проявить объективность во взглядах на негреческий мир, был обвинен в легковерной болтливости и сознательной лжи²⁸. Плутарх даже написал по этому поводу целый трактат «О злокозненности Геродота» (Plut. Moral. 854e–874c), в котором «отец истории» наряду с прочим обвинялся в излишних симпатиях к варварам (мидянам) и нелояльности по отношению к эллинской цивилизации (Plut. Moral. 857a), т. е. в том самом *μηδισμός* (*медисмос*)²⁹.

Стереотип восприятия варваров как грубых, распущенных, деспотичных, рабских, коррумпированных и т. п.³⁰, как видим, активным образом насаждался некоторыми виднейшими деятелями греческой

²⁸ Мищенко 1888: IV–V; Pearson 1959: 275.

²⁹ Борухович 1972: 494–498.

³⁰ Coleman 1997: 200.

культуры и науки. Все приведенные выше высказывания позволяют в полной мере убедиться в существовании, так сказать, греческого этноцентризма, если не сказать большего. Л. П. Маринович в отношении этого явления предпочитает такие определения, как «шовинизм» и «ксенофобия»³¹, но это не меняет сути дела. Многочисленные и разнообразные связи с иноземцами как будто совсем не мешали распространению подобных представлений, а, вероятно, в чем-то даже стимулировали их. Следует оговориться, правда, что такая крайняя точка зрения, скорее всего, сложилась лишь в начале V в. до н. э. в результате событий Греко-персидских войн, создания Делосского (Афинского) морского союза, в котором афиняне пытались осуществить свою гегемонию, активным образом противопоставляя мир эллинский и мир варварский. В известном смысле, есть резон в утверждении, что именно афиняне, разыгрывавшие тогда свой политический пасьянс, «изобрели варваров»³².

Этот этноцентризм, однако, совсем не был результатом развития в Древней Греции каких-то расистских идей³³. Таких здесь не существовало никогда! Свое физическое и умственное превосходство греки объясняли климатическими условиями Эллады и, в целом, благоприятной средой обитания. По мысли Аристотеля, в холодной Европе обитают люди мужественные, но не наделенные умом, а в жаркой Азии — обладающие умом, но лишенные мужества.

³¹ Маринович 2006: 11.

³² Hall 1989; 1995: 108; Coleman 1997; ср.: Маринович 2006: 11.

³³ Tuplin 1999; Маринович 2006: 11.

«Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми...» (Arist. Polit.1327b 18–32; пер. С. А. Жебелева).

В реальной жизни греческих колоний, расположенных в гуще варварских племен, такая «демонизация» образа варвара, впрочем, как и его идеализация, вряд ли могла стать продуктивной. Жизнь чаще всего требовала иных подходов и оценок, что уже не раз продемонстрировано в научных исследованиях в отношении различных частей античного мира³⁴. Возвращаясь к ситуации в Северном Причерноморье, следует признать, что главной военной силой здесь были племена кочевников, именно с их стороны, как представляется, для эллинов исходила основная угроза. Тем не менее, Страбон, оценивая их взаимоотношения с колонистами, нарисовал почти идиллическую картину. Приведу его текст с некоторыми сокращениями:

«Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну. Вот почему поэт (Гомер. — Ю. В.) назвал этих самых людей и справедливыми, и вместе не имущими

³⁴ См.: Постовцев 1918; Minns 1913; Rostovtzeff 1922; Wells 1980; Cunliffe 1988.

средств. Действительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению <...>. Земледельцы же, хотя и слынут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению» (Strab. VII. 4, 6; пер. В. В. Латышева).

По мнению М. И. Ростовцева, в данном месте «Географии» Страбон опирался на труд Посидония, использовавшего, в свою очередь, более ранние источники³⁵. С. Р. Тохтасьев признал идею М. И. Ростовцева крайне сомнительной, отмечая, что этот «весьма грубо скомпилированный Страбоном отрывок» отражает философскую идею, вошедшую в арсенал идеализаторов варварства³⁶. Вопрос об источниках знаменитого географа древности, конечно, очень непрост, но в данном случае он не имеет особого значения. Важно подчеркнуть, что из его слов следует, что в военных конфликтах, имевших место в Северном Причерноморье, были виноваты, прежде всего, алчные земледельцы, вероятно, и греки, но совсем не «справедливые» кочевники. На деле же ситуация, конечно, была значительно сложнее, и масштабные войны, которые время от времени потрясали весь регион, происходили совсем не только из-за жадности земледельцев.

³⁵ Ростовцев 1925: 101; Rostowzew 1931: 92; ср.: Граков 1954: 21; Дашевская 1981: 219–220; Столба 1993: 58.

³⁶ Тохтасьев 1984: 140.

Глава II

Евразийская степь

Восток и запад степного коридора. Сходство в различии

Великая Евразийская степь, протянувшаяся от границы Монголии с Китаем на востоке до венгерской равнины на западе, или, другими словами, от Хингана до Карпат, несмотря на разнообразие населяющих ее народов в этническом и языковом отношениях, представляет собой некое единство. Кочевники и на востоке, и на западе демонстрируют немало сходных или даже очень близких явлений в культуре и, вообще, в способе своей жизнедеятельности. При чтении китайских хроник, в которых содержатся описания быта хуннов, их контактов с великой империей и прочими, порой невольно возникает удивление, насколько эти описания схожи с картиной жизни скифов, обрисованной Геродотом несколькими веками ранее. В принципе, можно считать, что за долгую историю взаимоотношений кочевников с оседлыми земледельческими народами и государствами выработались сходные механизмы их реализации, которые, несмотря на известные территориальные или хронологические различия, в конце концов приводили к близким результатам.

Для того чтобы нагляднее объяснить сказанное, вполне логично, на мой взгляд, обратиться к существующим сейчас научным концепциям, трактующим основные закономерности контактов кочевников с оседлыми цивилизациями в двух противоположных концах степей Евразии, т. е. на границах с Китаем, с одной стороны, и в Северном Причерноморье, с другой. Конечно, на получение тождественности реконструкций надеяться никак не приходится, хотя бы по той причине, что на востоке кочевники соседствовали с одной из величайших земледельческих цивилизаций Древнего мира, обладающей огромными экономическими, демографическими и военными ресурсами, а на западе цивилизация была представлена сравнительно небольшими греческими государствами: Боспором, Херсонесом Таврическим, Ольвией и некоторыми другими, еще более мелкими. Несмотря на обозначенное весьма существенное различие, история взаимоотношений кочевников с оседлыми цивилизациями в обоих случаях демонстрирует ряд в высшей степени важных и схожих явлений¹.

Л. Н. Гумилев в свое время заметил, что «победы кочевников сменялись поражениями, подъемы культуры и экономики — упадками, и вообще история кочевых народов была не менее богатой коллизиями, чем история их оседлых соседей»². С этим заключением, разумеется, невозможно поспорить, однако современные исследования демонстрируют гораздо более любопытную и показательную картину. Что касается античного Северного Причерноморья,

¹ Lattimore 1962: 25, 148, 504.

² Гумилев 1972: 45.

то М. И. Ростовцев уже более ста лет назад обратил внимание, что в истории этого региона можно выделить периоды яркого экономического и культурного развития, проявлявшиеся одновременно и в греческих государствах, и на территориях местных варварских племен³. На смену процветанию в мире степи и в мире эллинов столь же синхронно и практически повсеместно приходили периоды кризиса, экономического и культурного упадка. Идея М. И. Ростовцева о ритмичности, однонаправленности в развитии греческого и варварского миров региона представляется в высшей степени важной, актуальной для современной науки. Она была положена автором этих строк в сотрудничестве с К. К. Марченко в основу периодизации истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху⁴. В дальнейшем эта идея нашла свое развитие в схеме исторического развития Боспора Киммерийского в VI–I вв. до н. э.⁵, о которой подробнее речь пойдет несколько позднее (см. гл. 3, раздел «Ритмы Евразии и периодизация истории Боспора Киммерийского»). Сейчас же еще раз следует подчеркнуть, что мир кочевников степей северного Понта и греческие государства региона демонстрируют ритмичность и однонаправленность развития, когда на смену периодам процветания приходили периоды, которые можно определить как кризисные.

³ Ростовцев 1912a: 103 сл.

⁴ Marčenko, Vinogradov 1989a; 1989b; Виноградов, Марченко 1991; 1995; 2005.

⁵ Виноградов 2006a; Виноградов, Горончаровский 2009: 16–17.

С точки зрения здравого смысла такое положение может показаться несколько непонятным или даже надуманным, поскольку привычной полагать, что доминирующие в регионе кочевнические объединения всей своей мощью должны были давить на греческие государства, разорять их набегами и всевозможными поборами, лишая возможности поступательного экономического развития. Казалось бы, периоды смут среди кочевников, отсутствия единства в степях, точнее, отсутствия преобладания одного из кочевнических племен над другими, должны были способствовать свободному, не отягощенному внешними факторами развитию греческих колоний Северного Причерноморья⁶. В действительности же все, скорее всего, было как раз наоборот: относительное единство и процветание степей совпадало с периодами процветания в мире греческих колоний.

На востоке Великой степи, как представляется, можно проследить ту же самую картину развития контактов двух миров, что удалось продемонстрировать современному американскому исследователю Томасу Барфилду⁷. Его основной вывод заключается в том, что в те времена, когда Китай существовал как могучая империя, такие же империи возникали и в степях. Для обозначения последних автор использует очень удачное определение — «тенивые империи»⁸. Действительно, они являлись своего рода тенями великого соседа, возникая вместе

⁶ Кутайсов 2002: 294.

⁷ Barfield 1992; 2001; Барфилд 2002; 2009.

⁸ Barfield 2001: 10; Барфилд 2002: 75 сл.; ср.: Latimore 1962: 69.

с утверждением централизованной власти в Китае и разрушаясь, когда Китай погружался в пучину политической анархии и экономической депрессии. Раздробленная степь для Поднебесной была не страшна, поскольку ни одно из отдельно взятых племен кочевников не могло вести с ней эффективную политику, но степную империю Китай уже никак не мог игнорировать⁹. Парадокс истории, однако, заключается в том, что эти империи, формировавшиеся как конфедерации степных племен, возникали лишь тогда, когда имелась возможность поддерживать связь с китайской экономикой, когда посредством набегов или специальных договоров номады получали от южных соседей всевозможные платежи. Такие платежи, жизненно необходимые для поддержания «теневой» степной империи, мог предоставить только единый, централизованный и, в общем, процветающий Китай.

Император Китая, конечно, мог организовать масштабную военную акцию против кочевников и примерно наказать беспокойных соседей, но такая акция, во-первых, совсем не гарантировала успеха, а во-вторых, стоила огромных затрат. Альтернативное направление китайской политики по отношению к кочевникам очень хорошо выразил историк Оуян Сю, писавший, что «нельзя упускать возможности *держатъ варваров на привязи* (выделено мною. — Ю. В.) и случаев проявления к ним милости и величия»¹⁰. Этот автор продолжал также: «Подчинение варваров не всегда приносит пользу,

⁹ Barfield 2001: 12, 14.

¹⁰ Материалы по истории 1984: 185; пер. В. С. Таскина.

но утрата их может привести к тому, что они станут источником бедствий...»¹¹. Император Сяо-чжун (528 г.) заметил, что для удержания кочевников в повиновении Поднебесная располагает немалыми средствами, при этом «для совершивших крупные подвиги существуют щедрые награды, для проявивших высокие добродетели имеются блестящие титулы»¹².

В общем, для того, чтобы «не потерять варваров», а «держат их на привязи», империи было выгодней не вести с ними боевые действия, а платить вождям номадов, пытаясь направить политику контролировавшихся теми объединений в сравнительно безопасное или даже выгодное для Китая русло¹³. Китайские хроники буквально пестрят описаниями всякого рода даров, которые направлялись из империи в степь; в их списке представлены: хлеб, вино, деликатесы, шелковые ткани, украшения из золота и нефрита, дорогая посуда, оружие и т. д.¹⁴ От китайского двора в степь посылались даже принцессы, предназначенные в жены вождям кочевнических объединений¹⁵. Мир для Китая,

¹¹ Там же.

¹² Там же: 288.

¹³ Ср.: Бернштам 1951: 40.

¹⁴ См.: Бичурин 1950а: 52, 59, 60, 69, 76, 89–90, 97, 101, 118–19, 123 и др.; Материалы по истории 1984: 283.

¹⁵ См.: Бичурин 1950а: 52, 69, 76; 1950б: 157; Материалы по истории 1984: 288. Известен рассказ об императорской семье, пожалевшей свою единственную дочь и решившей спасти ее от брака с варваром. Вследствие этого в степь была послана дочь титулованного лица,

как можно видеть, стоил очень дорого, но война могла обойтись еще дороже.

Предводитель номадов, к примеру, шаньюй хуннов, получив столь большие дары от Китая, немалую их долю оставлял в своем распоряжении, но, естественно, был обязан делиться со своими приближенными, те в свою очередь — с собственными вассалами и т. д. Только с помощью постоянно функционирующего механизма перераспределения китайских даров можно было сохранить единство степи. Существование кочевой империи, таким образом, поддерживалось совсем не трудом скотоводов-кочевников, а откровенной эксплуатацией китайской экономики. Падение династии в Китае являлось не только причиной политической анархии в стране, но одновременно и фатальным ударом по кочевнической государственности. Империя номадов быстро разваливалась на отдельные племена, часто враждующие друг с другом. Они, эти племена, были просто неспособны к новому объединению до тех пор, пока не восстанавливался порядок в Северном Китае¹⁶. По мнению Т. Барфилда, за 2000 лет в истории взаимоотношений Китая с номадами этот цикл можно проследить три раза.

В отечественной науке концепция американского исследователя встречена довольно сдержанно. Весьма критично ее оценил Е. И. Кычанов¹⁷, он даже

но этот обман был раскрыт и к ожидаемому результату не привел. См.: Кюннер 1961: 204.

¹⁶ Barfield 1992: 8–16; Барфилд 2002: 76; 2009: 43–45.

¹⁷ Кычанов 2010: 46–48.

заявил, что позиция Т. Барфилда — «это известный флюс, переоценка одного из факторов, возведение его в роль фактора решающего»¹⁸. Н. Н. Крадин, правда, признает, что на среднекитайской равнине и в степи происходили синхронные процессы роста и упадка¹⁹, а вот С. А. Васютин, напротив, считает идею о синхронности процессов роста и упадка не совсем верной, поскольку полной синхронности здесь нет, а имеются лишь односторонние процессы, проявляющиеся к тому же с временными разрывами в 20–30 лет²⁰. В подобных замечаниях, разумеется, есть свой резон, но они вызывают целый ряд вопросов, ответы на которые вряд ли могут быть столь же простыми. Действительно, большое ли значение имеют эти 20–30-летние разрывы для глобального процесса взаимодействия двух миров, о котором пишет Т. Барфилд? Неужели эти взаимодействия могли реально проявляться абсолютно синхронно, чуть ли не по сигналу стартового пистолета или по звонку будильника? Конечно, в столь сложных процессах, о которых идет речь, абсолютной синхронности быть не может, и имеющиеся хронологические разрывы, как представляется, отнюдь не являются проявлением общей неверности гипотезы Т. Барфилда.

А. М. Хазанов в этой концепции склонен видеть как сильные, так и слабые стороны. Среди последних он опять же указывает на определенные хронологические несоответствия. К примеру, исследователь

¹⁸ Кычанов 1997: 277.

¹⁹ Крадин 2001: 23.

²⁰ Васютин 2002: 93–94.

пишет, что государство хунну возникло в 206 г. до н. э., когда Китай находился на грани гражданской войны²¹. В остальном же его рассуждения о том, что долговременные исторические процессы в Поднебесной в большей степени определялись внутренними, нежели внешними факторами, тогда как характер кочевой государственности в Центральной Азии очень во многом зависел от развития Китая²², практически не отличаются от построений Т. Барфилда.

Подводя итоги этой небольшой дискуссии, следует признать, что известная синхронность процессов роста и упадка в истории Китая с аналогичными процессами, происходившими в среде кочевых народов Центральной Азии, скорее всего, является исторической реальностью. Т. Барфилд, на мой взгляд, вполне убедительно показал, что «теневые» кочевые империи могли складываться лишь тогда, когда Китай был единым, хорошо организованным государством со стабильно функционирующей экономикой. Зададимся, однако, другим вопросом — применима ли концепция «теневых» империй к истории античного Северного Причерноморья? Казалось бы, это вполне возможно, поскольку, как было сказано выше, и в этом регионе в истории развития мира цивилизации (греческих государств) и мира варваров (прежде всего, кочевых народов) можно наблюдать известную синхронность и однонаправленность процессов роста и упадка. Тем не менее, в данном случае ответ на поставленный вопрос, вероятнее всего, должен быть отрицательным.

²¹ Хазанов 2002: 49.

²² Там же: 50.

Концепция «теневых» империй к истории Северного Причерноморья, по всей видимости, не применима или же применима лишь в ограниченной степени. Такое положение следует связывать, во-первых, с тем бесспорным фактом, что экономический потенциал греческих государств региона был несопоставим с китайским и вряд ли мог стать надежной базой для сложения и долговременного существования соседних, по существу паразитических кочевых империй. Конечно, не может быть сомнения в том, что эллины вынуждены были платить предводителям номадов определенную дань, возможно, в форме подарков. Более того, значительная часть дорогих предметов торевтики, происходящих из курганов варварской элиты степей северного берега Понта, по всей видимости, никогда не вовлекалась в торговый обмен, а входила в состав дипломатических даров, которые греки направляли владыкам степей. Почти нет сомнения, что северопричерноморские эллины, подобно китайцам, «покупали» себе мир у кочевников, но в отличие от китайцев, цена им могла быть назначена сравнительно скромная.

Во-вторых, трудно представить, чтобы в истории Ольвии, Херсонеса Таврического или Боспора подобно Поднебесной были моменты крушения политической власти, разгула сепаратизма и анархии. В этих маленьких государствах кризисные периоды время от времени случались, но масштабные дезорганизации, сопоставимые с последствиями падения династии в Китае, здесь вряд ли могли иметь место.

В-третьих, есть все основания считать, что периоды расцвета в истории Северного Причерноморья

сменялись периодами упадка совсем не по причине дезинтеграции в мире цивилизации, как это имело место на границах с Китаем. Основная причина здесь, как можно полагать, находится в плоскости дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, вызванной продвижением на запад из глубин Азии новых кочевнических этносов. Дестабилизация в степях северного берега Понта, как правило, самым пагубным образом отражалась на сопредельных территориях, в том числе и в греческих государствах региона, но об этом подробнее речь пойдет ниже.

В-четвертых, в Северном Причерноморье имеется еще один (третий) немаловажный элемент системы политических, экономических и культурных взаимодействий. Первые два уже были названы, это греческие государства и кочевники; третьим элементом являются оседлые и полuosедлые народы, населявшие лесостепные области Северного Причерноморья, а также Прикубанье²³. Влияние этого фактора на развитие греко-варварских взаимоотношений и, в известном смысле, на общий баланс сил в регионе, конечно, нельзя недооценивать.

О. Латтимор, сопоставляя степи Северного Причерноморья и Центральной Азии, отмечал существование здесь двух различных исторических моделей, подразумевая под этим местную этнокультурную и социокультурную специфику²⁴. Продолжая это сопоставление в плоскости изучения процессов синхронного роста и упадка, имевших место на востоке

²³ Виноградов, Марченко 1991: 146; 2005: 28.

²⁴ Lattimore 1962: 152.

и западе великого пояса степей, можно признать, что при очевидном сходстве они все-таки в немалой степени различны, поскольку определялись различными причинами. Очень кратко это различие можно определить следующим образом: на востоке все зависело от положения в Китае, а на западе — от ситуации в степях. Вполне возможно, что на всем протяжении пояса Евразийских степей при специальном изучении взаимодействий кочевников с цивилизованными странами будут открыты какие-то модификации двух обозначенных моделей, условно называемых нами китайской и северопричерноморской, но это дело будущего.

Кочевые империи

Обсуждение концепции Т. Барфилда о существовании на границах Китая «теневых» кочевых империй заставляет обратиться к более подробному рассмотрению самого феномена кочевнических (кочевых) империй и шире — кочевнической государственности. В связи с этим следует подчеркнуть, что одной из важнейших закономерностей истории Евразийских степей, безусловно, является периодическое возникновение здесь грозных военных объединений кочевников, подчинявших себе огромные пространства, населенные как кочевыми, так и оседлыми народами. В их числе можно назвать Великую Скифию, Гуннскую империю, Хазарский каганат, Монгольскую империю и некоторые другие. В отечественной литературе, по большей части относящейся к советскому периоду, основное внимание концентрировалось на недолговечности этих

образований, которые быстро распадались на составные части под действием центробежных сил, исчезали с политической арены в результате внутренних усобиц или под ударами других кочевнических орд²⁵. В последние годы в изучении кочевых империй имеется немало серьезных достижений, общий прогресс наших знаний позволяет взглянуть на проблему в несколько ином ракурсе.

В современной научной литературе господствует точка зрения, что кочевники сами по себе, внутри своего общества создать государство не могли, они в нем просто не нуждались²⁶. Их догосударственные образования обычно относят к категории вожеств. Эту мысль еще в конце XIX в. прекрасно выразил В. В. Радлов, писавший о тюркоязычных кочевниках Сибири, что звание хана у них не давало его обладателю реальной власти над своими подданными. Далее приведу цитату: «Вообще звание хана имело значение лишь до тех пор, пока отдельные роды и племена получали прямую выгоду от военных походов хана, захватывая хорошие зимние стойбища или военную добычу, или, с другой стороны, пока власть хана гарантировала им защиту от нападений вражеских отрядов и обеспечивала сохранность их имущества. Пока эта выгода была очевидной, они

²⁵ Артамонов 1977: 13; Марков 1976: 312; Плетнева 1981: 55; 1982: 41, 47.

²⁶ Ахинжанов 1998: 274; Крадин 1995а: 55–56; 2001: 23; Хазанов 2002: 48. У любого правила, естественно, имеются исключения. Так, трудно сомневаться, что у монголов государство существовало, начиная с Чингис-хана. См.: Сандаг 1977; Таскин 1984: 31; Крадин 1995а: 50, 61–62.

мирились с необходимостью подчиняться чужому приказу и нести расходы по содержанию хана. Если же это больше не сулило народу выгод, племена, роды и родовые подразделения тотчас же распадалась на отдельные группы, стремившиеся кочевать и содержать свой скот независимо друг от друга. Однако любая угроза извне немедленно вызывала к жизни новый конгломерат племен, который, по-видимому, больше всего соответствовал таким периодически возникавшим обстоятельствам»²⁷. В общем, следует признать, что для кочевых народов устойчивые формы административного управления, по большей мере, оставались совершенно невозможными. Н. А. Масанов в этом отношении справедливо указывает, что верхние ступени социальной организации кочевников Евразии отличались наименьшей устойчивостью и «нередко носили аморфный и незавершенный характер»²⁸.

Главным богатством кочевников, как хорошо известно, является скот, но это «четвероногое богатство», как его называл Л. Н. Гумилев²⁹, весьма специфично. Скот — это не зерно³⁰, такой прибавочный продукт невозможно накапливать практически до бесконечности, что, если немного пофантазировать, допустимо с зерном в земледельческих обществах. К тому же после самых благоприятных для скотоводства лет в климатическом отношении могут наступить неблагоприятные времена, грозящие полной потерей

²⁷ Радлов 1989: 340.

²⁸ Масанов 1985: 26.

²⁹ Гумилев 1972: 50.

³⁰ Barfield 2001: 15.

стад³¹. Материальная база для создания прочной системы классового подчинения, как видим, в этом мире была очень ненадежной. Немного повторяясь, еще раз стоит обратить внимание, что кочевника очень трудно заставить подчиняться насилию, платить налоги и т. д., в ответ на притеснение он может просто откочевать на другую территорию³². К примеру, при Екатерине II часть калмыков, недовольная тяжелым для них налоговым обложением, ушла в Китай, где была принята китайским императором³³. Известно также, что часть кочевых татарских орд после подчинения Крыма России покинула эту страну и ушла на Кубань³⁴.

Альтернативную точку зрения лучше всех из современных исследователей выразил Е. И. Кычанов³⁵, по мнению которого государство у кочевников было результатом «сословно-классового расслоения кочевых обществ, не только орудием обороны и ограбления соседей, но и той формой организации общества, которая позволяла аристократии и зажиточной части лично свободных людей осуществлять свою власть, свой контроль и влияние для того, чтобы эксплуатировать своих неимущих и малоимущих соплеменников и рабов»³⁶. Однако вооруженный номад, как удачно заметил Н. Н. Крадин, «не очень удобный объект для эксплуатации»³⁷.

³¹ Крадин 2001: 23; 2002: 112.

³² Крадин 2001: 23; 2002: 120; Barfield 2001: 15.

³³ Россия XVIII в. 1989: 385

³⁴ Там же: 452.

³⁵ Кычанов 2010: 7–10.

³⁶ Кычанов 1997: 273.

³⁷ Крадин 2001: 26.

Только в очень редких случаях, как признает А. М. Хазанов, кочевническое государство могло возникнуть без завоевания и подчинения оседлого населения, но без таких завоеваний оно являлось не более чем недолгоживущим историческим эпизодом³⁸. Т. Барфилд, возражая ему, заметил, что такие государства все-таки имелись, и они были совсем не «однодневками». По мнению американского исследователя, кочевники создали особый тип государства, нацеленного на эффективное взаимодействие с более крупными и в социально-экономическом отношении более высокоорганизованными соседями, прежде всего земледельцами. Этот тип государства соединяет в себе и государственную, и племенную иерархию, при этом каждая из них служит выполнению особых функций: государственная нацелена на внешнюю политику, ведение войн и пр., а племенная сосредоточена на внутренней жизни общества. В рамках империи последняя была редуцирована до исполнения внутренних дел, но в случае крушения всей этой структуры она получала свободу, и степь погружалась в пучину анархии³⁹. Вполне очевидно, что такое понимание кочевнической государственности самым тесным образом связано с концепцией «теневых империй», о которой речь шла выше.

Кратко резюмируя эту дискуссию, можно признать, что подчинение земледельцев или выгодное соседство с ними делало кочевнические государства более прочными и устойчивыми. С другой стороны,

³⁸ Khazanov 1984: 295; см. также: Лашук 1967а: 34; 1967б: 115; Хазанов 1973б: 9; 2008а: 251.

³⁹ Barfield 1992: 7–8; Барфилд 2009: 42–43.

в научной и популярной литературе многократно повторялась мудрая сентенция, приписываемая киданьскому чиновнику Елюй Чу-цаю, которую тот высказал Великому монгольскому хану: «Хотя [вы] получили Поднебесную сидя на коне, но нельзя управлять [ею], сидя на коне»⁴⁰. Кочевники, конечно, не «заимствовали» государство, но для эффективного управления завоеванными территориями вынуждены были использовать опыт побежденных, местную администрацию и т. д.

Вполне логичной представляется точка зрения Н. Н. Крадина, что кочевнический этнос в рамках такого политического организма превращался в господствующий этнос-класс⁴¹. В отличие от этого, его идея о трансформации кочевнического этноса в государство⁴² выглядит весьма и весьма спорной. Еще раз можно повторить, что государства, созданные номадами, чаще всего выступали таковыми лишь во внешних проявлениях. Внутри же они базировались на прежних племенных связях, власть правителя при этом основывалась не на легитимном насилии, а на умении организовывать военные походы и перераспределять полученные таким образом доходы, равно как и доходы от взимания дани или торговли, среди своих соплеменников⁴³.

Широко бытующее в современной исторической науке понятие «кочевая империя» самым тесным

⁴⁰ См.: Мункуев 1965: 19; Хазанов 1973б: 12; Крадин 1995б: 167; Lattimore 1962: 508.

⁴¹ Крадин 1991: 309; 2001: 27.

⁴² Крадин 2001: 24.

⁴³ Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002: 21.

образом связано со сказанным выше. Это были «имперские конфедерации», выступавшие как авторитарные и централизованные объединения во внешней политике, но по своей внутренней сущности являвшиеся консультативными и гетерогенными⁴⁴. С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов отмечают, что понятие степных или кочевых империй распространяется «только на политические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи»⁴⁵. Завоевательный импульс во время создания империи, как правильно отмечают авторы, был направлен не столько на расширение пастбищных территорий, сколько на подчинение территорий с иными хозяйственно-культурными типами. Столь же справедливо их заключение, что государства, созданные кочевниками, можно именовать империями не на стадии консолидации племен под властью одного племени и одного вождя, а на стадии установления даннической зависимости или формы непосредственного политического подчинения областей и государств с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью⁴⁶. В общем, кочевые империи, не обладавшие ни регулярной армией, ни административным аппаратом, осуществлявшим власть в отношении самих кочевников, но вместе

⁴⁴ Barfield 1992: 8; Барфилд 2002: 74; 2009: 43; ср.: Марков 1980: 29; Крадин 2002: 114–115.

⁴⁵ Кляшторный, Савинов 1994: 6.

⁴⁶ Там же: 7.

с тем хорошо организованные и сильные в отношениях с соседями или с завоеванными народами, представляли собой весьма специфическую форму политической централизации⁴⁷.

В сходном ключе этот феномен трактует Н. Н. Крадин. Он рассматривает кочевые империи как мощные военно-политические структуры для отношений с крупными оседло-земледельческими цивилизациями⁴⁸, как тип социального организма, основанного на внешнеэксплуататорской деятельности⁴⁹. Империи, по его мнению, представляли собой сложные общественные системы, занимавшие обширные территории; все они состояли из «кочевого ядра», имевшего военно-иерархическую организацию, и из зависимых, эксплуатируемых областей, занятых чаще всего земледельческими народами⁵⁰. Если суммировать все сказанное выше, то кочевая империя представляется Н. Н. Крадину как «кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и эксплуатирующее соседние территории, как правило, посредством внешних форм эксплуатации»⁵¹. Эти внешние формы эксплуатации могли выражаться в откровенных грабежах, периодических набегах, вымогательстве «подарков», наложении дани и т. д.⁵²

⁴⁷ Марков 1982: 82.

⁴⁸ Крадин 1991: 309; 1992: 167.

⁴⁹ Крадин 1993: 198.

⁵⁰ Крадин 1991: 309; 19956: 175.

⁵¹ Крадин 2001: 21–22.

⁵² Крадин 1991: 310; 1992: 169–170; 19956: 175.

Организация политической и экономической системы империи могла быть различной, как различались и способы эксплуатации. Для конкретного понимания сущности функционирования механизма эксплуатации принципиальное значение имеет характер территориального сосуществования ядра империи с ее периферией. Н. Н. Крадин выделяет три типа такого сосуществования:

1. Кочевники и земледельцы занимают различные территории (к примеру, хунны и Китай).

2. Народы находятся в составе единого политического организма (Золотая Орда и Русь).

3. Расселение кочевников на территориях зависимого населения (Парфия, Кушанская империя и др.)⁵³.

Такое разделение, в общем, вполне логично, однако Н. Н. Крадин признает типичными лишь империи, включенные им в первую категорию⁵⁴. Империи третьей категории, как нетрудно убедиться, не вполне соответствуют приведенному выше определению, поскольку в них осуществляется эксплуатация отнюдь не соседнего населения, а того, которое находилось внутри государства, созданного кочевниками, разделяя с ними одну территорию. Еще одно обстоятельство, вызывающее определенные сомнения, заключается в том, что автор, декларируя для империй обязательность обладания крупными территориями, на практике это требование почти игнорирует. Любопытно, что типичной кочевой империей он признает Крымское ханство, на протяжении веков досаждавшее своими набегами России и Польше. Однако от-

⁵³ Крадин 1992: 169 сл.

⁵⁴ Крадин 2001: 25.

носителем небольшое грабительское государство крымских ханов вряд ли уместно ставить в один ряд с империей гуннов. Спору нет, последняя является хорошим примером империи первого типа, но насколько ее вообще можно считать типичной? Т. Барфилд, как об этом говорилось выше, называл ее «теневой», и в этом определении заключен немалый исторический смысл. Действительно, для того, чтобы империи, подобные гуннской, могли возникнуть и долгое время существовать, рядом с ними непременно должно находиться земледельческое государство, подобное Китаю. Только грандиозные ресурсы такого соседа могли дать средства, необходимые для поддержания единства в степи. Но много ли на границах степи мы знаем таких земледельческих государств? При непредвзятой оценке, очевидно, придется ограничиться лишь Китаем, Ираном и, возможно, Русью. Экономические ресурсы других земледельческих государств и народов были намного скромней, поэтому они могли поддержать существование лишь сравнительно небольших кочевнических объединений, которые по своим масштабам никак не могли соответствовать уровню империй. Более правы те исследователи, которые, в отличие от Н. Н. Крадина, не стараются все проявления государственности у кочевников накрыть одним понятием «империя», но выделяют различные типы государств, некоторые из которых в силу масштабности и исторической роли можно признать империями⁵⁵.

⁵⁵ См.: Khazanov 1984: 231 ff.; Хазанов 2008a: 250 сл.; Васютин 2002: 94–96.

В исторической перспективе периферия кочевой империи неизбежно развивалась быстрее центра, и в конечном итоге это вело к ее крушению под действием центробежных сил⁵⁶. Большинство кочевых империй просуществовало не более 100–150 лет, но, как стали считать современные исследователи, такова судьба всех держав такого рода, которым имманентно присуща недолгая история⁵⁷. Кочевые империи на обрисованном ими общем фоне как будто даже выглядят несколько предпочтительней, а господствовавшие в них династии — более стабильными. Т. Барфилд обратил внимание, что потомки Модэ, основателя гуннской империи, правили степью 600 лет, а потомки Чингис-хана — около 700⁵⁸, но по существу это были уже императоры без империй. В сопоставлении Т. Барфилда, возможно, имеется определенный смысл, если кочевые державы сравнивать с империями Карла Великого, Наполеона или Третьим рейхом, которые следует рассматривать как своего рода «империи ностальгии»⁵⁹. Если же обратиться к истокам и вспомнить об империях, которым названные новообразования в значительной степени пытались соответствовать, т. е. о Риме и Византии, то все предстанет совсем в ином и, конечно, более объективном виде.

⁵⁶ Буровский 1995: 160; Рябова 2012: 7.

⁵⁷ Буровский 1995: 162; Крадин 2001: 31.

⁵⁸ Barfield 1992: 28; Барфилд 2002: 70; 2009: 48–49; ср. Кляшторный 2005: 29.

⁵⁹ Ср.: Barfield 2001: 39.

Динамика степей Евразии

Выше уже говорилось, что степи Северного Причерноморья являются частью великого пояса степей Евразии, по которому периодически происходили перемещения кочевников с востока на запад. Эти периодические выплески связываются с Внутренней Азией, главным образом монгольской степью, которую Л. С. Клейн удачно назвал «генератором народов»⁶⁰. Д. А. Мачинский определил это явление как «закон степей», заключающийся в том, что кочевые орды неуклонно двигались с востока на запад, при этом восточные соседи имели военное преобладание над западными⁶¹. Он также первым среди исследователей обратил внимание на то, что периодичность этих передвижений может быть связана с хронологическими отрезками, охватывающими 200–300 лет⁶². Надо признать, что его наблюдения не нашли должного понимания у коллег-археологов, а они, на мой взгляд, имеют принципиальное значение для понимания исторических судеб не только кочевых этносов, но и оседлых народов Северного Причерноморья, приходивших во взаимоотношения с номадами, в том числе и греческих колонистов.

Причины, побуждавшие племена кочевников покидать родные места и передвигаться на запад, все еще остаются не вполне ясными. Даже специалисты, изучающие эту проблему, порой трактуют ее по-разному. Для материалистической науки, казалось

⁶⁰ Клейн 1974: 126.

⁶¹ Мачинский 1989а: 21; 1993: 9.

⁶² Мачинский 1971: 50.

бы, бесспорным должен быть примат экономики. В связи с этим важно обратить внимание на то, что скотоводческое общество при той же численности населения, что и земледельческое, требует несравнимо больших территорий для своего жизнеобеспечения⁶³. Такое положение, разумеется, в немалой степени должно объяснять известный элемент экспансионизма в истории номадов. Стремление к максимальному расширению территории для выпаса стад, как считала С. А. Плетнева, толкало кочевников на путь завоеваний⁶⁴.

Нетрудно понять, что в приведенной концепции весьма существенное значение имеет климатическая составляющая. Нельзя спорить с тем, что экономика номадов сильно зависела от природно-климатических колебаний⁶⁵, а это означает, что важная причина миграций кочевников заключалась в изменении, точнее в ухудшении климата, ведущего к усыханию степных пастбищ. В отношении Монголии отмечено, что большие засухи здесь происходили 4–6 раз в столетие, а маленькие повторялись через 3–5 лет⁶⁶. Такие негативные изменения среды обитания, как можно полагать, в кочевнических обществах закономерно вызывали необходимость поиска новых, более пригодных для ведения скотоводческой экономики территорий. О. Латтимор, к примеру, видел основную причину цикличности кочевнических миграций именно в этой сфере⁶⁷. Тем

⁶³ Буровский 1995: 158.

⁶⁴ Плетнева 1981: 51; ср.: Михайлова 2006: 9.

⁶⁵ Быков, Быкова 2007.

⁶⁶ Жамбалова 2017: 31.

⁶⁷ Lattimore 1951: 329; 1962: 63–64.

не менее, приведенные цифры заставляют считать, что не все даже большие засухи выталкивали кочевников из родных земель, в противном случае их переселения были бы значительно более частым явлением.

Прекрасно известно также, сколь впечатляющие картины исторического развития Великой степи рисовал Л. Н. Гумилев⁶⁸, при этом одним из важнейших элементов его концепции было выделение периодов увлажнения/усыхания аридной зоны, точнее гетерохронности периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон, идею о которых высказал В. Н. Абросов⁶⁹. Ритмы Евразии, как полагал Л. Н. Гумилев, были связаны с периодическими меридиональными сдвигами прохождения с запада на восток антициклонов. Такие сдвиги, приводившие к увлажнению степей и, соответственно, к увеличению травяного покрова, численности поголовья скота и т. д., являлись важной причиной возрастания активности кочевых объединений. Часто забывается, правда, что Л. Н. Гумилев не считал ухудшение природных условий в степи неизменным условием масштабных завоеваний кочевников. Как раз напротив, по этому поводу он писал: «Успешные внешние войны кочевников и их вторжения в Китай, Иран или Европу совершали не скопища голодных людей, искавших пристанища, а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на

⁶⁸ Гумилев 1966: 94 сл.; 1967: 55 сл.; 1993: 271 сл., 285 сл., 299 сл., 314–319; 320 сл.; ср.: Буровский 1995: 161.

⁶⁹ Абросов 1962.

богатый тыл»⁷⁰. Такие вторжения могли иметь место только в условиях увлажнения аридной зоны. Ее усыхание становилось причиной не военных походов, а «выселения кочевников мелкими группами, обычно оседавшими на степных окраинах»⁷¹. Иными словами, Л. Н. Гумилев выделял два типа передвижения номадов на запад (завоевание и выселение), коррелируя их с увлажнением или усыханием степной зоны.

Экономическая система кочевников действительно весьма своеобразна, она демонстрирует особый тип взаимоотношений между человеком, животным и растительным миром степей⁷². Как справедливо считает А. М. Хазанов, она основана на балансе трех переменных:

1. Природные ресурсы, т. е. растительный покров степей, наличие водных источников и т. д.
2. поголовье скота.
3. Численность населения.

Обозначенные переменные, по мысли исследователя, находились в состоянии динамического баланса, подвергаясь колебаниям в сторону увеличения или уменьшения, но эти колебания происходили отнюдь не синхронно. Возникающая в результате этой асинхронности хроническая нестабильность кочевнической экономики, вероятнее всего, являлась одной из причин периодически возникающих миграций⁷³.

⁷⁰ Гумилев 1966: 85.

⁷¹ Гумилев 1966: 85; 1993: 311–314.

⁷² Bonte 1981: 34

⁷³ Хазанов 2002: 40.

Экономико-климатическая гипотеза, вне всякого сомнения, имеет немалое рациональное зерно, однако ее безусловное признание может завести нас в тупик. Дело в том, что кочевники обычно устремлялись с востока на запад, а это, если трактовать проблему с обозначенных позиций, может означать лишь то, что климат на западе степного коридора всегда или почти всегда был лучше, чем на востоке, с чем вряд ли можно безоговорочно соглашаться. Теоретически можно допустить, что кочевники, покинув свою родину из-за катастрофического изменения климата, могли вернуться назад, узнав, что положение там изменилось к лучшему. Однако о движении номадов с запада на восток история оставила совсем немного свидетельств.

По сообщению Прокопия Кесарийского известно, к примеру, что гунны-утигуры «решили вернуться домой» (Проскр. BG. IV. 5. 16–17). Историки Нового времени рассматривают это сообщение как указание на то, что после смерти Атиллы и развала его державы часть гуннов вернулась на свое прежнее местожительство на берегах Черного моря⁷⁴. Другой пример такого рода относится к очень позднему времени и поэтому известен более детально, он связан с калмыками. В конце XVI в. Джунгарию покинули ойраты, предки современных калмыков, направившиеся по степному коридору на запад. Причиной переселения, как нетрудно догадаться, была нехватка пастбищ, а также внутренняя борьба, разразившаяся

⁷⁴ Грот 1881: 36; ср.: Айбабин 1999: 81; Артамонов 2002²: 107–108; ср.: Обрушански 2013: 307.

между ойратскими феодалами⁷⁵. Любопытно отметить, что до этого события от времени вторжения монголов в Восточную Европу в XIII в. прошло более трех веков, но все-таки можно считать, что обозначенный выше «ритм Евразии» — 300 лет — имеет место и здесь; это был последний его всплеск.

Как полагают специалисты, в начале XVII в. к границам России прикочевало около 280 тыс. выходцев из Джунгарии⁷⁶. На этом пути калмыки вели почти непрерывные войны с бухарцами, хивинцами, туркменами, казахами, башкирами, русскими и др. «Особенно ожесточенная борьба за кочевья, продолжавшаяся много лет, велась с ногаями. Постепенно продвигаясь на запад, калмыки сбили ногаев с Эмбы, потом с Яика и, наконец, загнали их за Волгу, а сами натолкнулись на астраханские земли»⁷⁷. Как раз этот период, т. е. первая половина XVII в., в истории России был очень трудным временем (Смута и последующие события), поэтому в Москве отношение к появлению новых номадов было весьма настороженным. Русское правительство даже не допускало в столицу калмыцких послов, не желая, чтобы те узнали дорогу на Москву⁷⁸, — все-таки военный потенциал калмыков был весьма серьезным. Тем не менее, они были приняты в состав России, к началу 60-х гг. XVII в. определилась территория, выделенная переселенцам царским правительством, и было создано Калмыцкое ханство⁷⁹. По свидетельству С. П. Палласа,

⁷⁵ Очерки истории 1967: 71.

⁷⁶ Бурчинова, Гоголданова 1993: 24.

⁷⁷ Богоявленский 1939: 87.

⁷⁸ Там же: 95.

⁷⁹ Очерки истории 1967: 136.

зимой калмыки со своими стадами кочевали «в полуденной стороне Волжской степи и вдоль берега Каспийского моря, но всегда в отдалении от реки Яик, при котором тогда кочуют киргизы, их вечные неприятели»⁸⁰.

Вопрос, обозначенный выше, однако, заключается в ином, а именно — в возвращении подавляющей части калмыков в Джунгарию. Случилось это в 1771 г.⁸¹, число ушедших оценивается приблизительно в 125 тыс. человек⁸². Причина переселения была вызвана усилением контроля царской администрации над калмыками, боязнью правящей верхушки потерять автономию, наплывом русских переселенцев и т. д.⁸³ Приняв решение вернуться в Китай, калмыки ввели военные порядки, окружили себя военными отрядами и двинулись на восток, преодолевая враждебное окружение⁸⁴. Их путь оказался очень нелегким, потери оцениваются в 100 тыс. человек. Тем не менее, своей цели беглецы достигли, китайские власти встретили калмыков вполне дружелюбно, предводители переселения получили щедрые награды и пр.⁸⁵ Для нас же важно обозначить одно обстоятельство, а именно то, что два переселения калмыков не были связаны с какими-либо климатическими изменениями.

Н. Н. Крадин вообще признает экономико-климатический подход к изучению миграций кочевников

⁸⁰ Паллас 1809: 481.

⁸¹ Бурчинова, Гоголданова 1993: 26.

⁸² Жуковская (составитель) 2003: 6.

⁸³ Очерки истории 1967: 212–216.

⁸⁴ Грот 1881: 191.

⁸⁵ Там же: 218.

неперспективным⁸⁶. Нет, он не отрицает влияние климатического фактора на историю, а, напротив, подчеркивает зависимость экономики кочевников от природно-климатических колебаний⁸⁷, но вот влияние этого фактора на историю миграций как будто отрицает полностью. Во всяком случае, по его мнению, «жесткая корреляция глобальных периодов усыхания/увлажнения степей с временами упадка/расцвета кочевых империй сейчас не подтверждается»⁸⁸. Сказанное выше по данному вопросу заставляет в чем-то признать правоту этого исследователя, хотя все-таки трудно вообразить, чтобы мощные кочевнические объединения возникали в условиях полной засухи в аридной зоне.

Вместе с тем признание или непризнание влияния климатических колебаний на миграции кочевников не мешает нам согласиться с мнением А. М. Хазанова, что их передвижения на запад почти всегда сопровождались войнами⁸⁹. Крупные передвижения при этом, вероятнее всего, осуществлялись, так сказать, по принципу «падающего домино», когда один народ теснил другой, тот, в свою очередь, третий и т. д. Первым картину такой миграции поведал сам «отец истории», рассказывая одну из версий появления скифов в Северном Причерноморье: «Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войн массагетами, ушли, перейдя Аракс, в Киммерийскую землю; именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят,

⁸⁶ Крадин 1992: 63.

⁸⁷ Крадин 1991: 302; 1992: 52.

⁸⁸ Крадин 2001: 22.

⁸⁹ Khazanov 1984: 173; Хазанов 2008а: 255.

она принадлежала киммерийцам» (Herod. IV. 11. 1; пер. А. И. Доватура и др.). Весьма показательно, что в более позднее время Страбон назвал аорсов и сираков, т. е. два сильных кочевых этноса, обитавших в степях между Каспием и Понтом, беглецами «из среды живущих выше народов» (Strab. XI. 5. 8). Эти «беглецы», однако, обладали весьма крупными военными силами — сираки при боспорском царе Фарнаке выставили 20 тыс. всадников, царь аорсов Спадин — 200 тыс., «а верхние аорсы еще больше, так как они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья» (Strab. XI. 5. 8; пер. В. В. Латышева). Эпоха Великого переселения народов дает примеры движения кочевников, когда один народ буквально подгонял другой. С. М. Ахинжанов с полным основанием отметил, что книга III «Алексиады» содержит отголоски великих передвижений кочевников с востока⁹⁰.

Из российских исследователей принцип «падающего домино» хорошо продемонстрировал В. В. Григорьев, писавший в 1875 г., что вторжения кочевников «происходили вследствие толчков, которые вторгавшиеся получали сами <...> от других соседних и почему-либо более сильных кочевников». Он же обозначил еще один важный принцип — «между кочевниками гонимые и преследуемые тотчас же обращаются в победителей и преследователей»⁹¹. В ряду крупных современных ученых эту концепцию разви-

⁹⁰ Ахинжанов С. М. 1989: 3; см.: Анна Комнина 1996: 131; III. 8.

⁹¹ Григорьев 1875: 11.

вает Т. Барфилд, подчеркивающий, что масштабные миграции, как правило, не были следствием голода и поиска новых пастбищ; они, скорее, были вызваны давлением более сильных соседей, когда кочевникам легче было найти «новый дом», нежели воевать за «старый»⁹². Рассматриваемая концепция подкупает своей простотой и, так сказать, глубиной корней, но она не объясняет двух «проклятых» вопросов: чем вызывались «первотолчки» и почему они происходили с известной периодичностью? Проблема, как видим, очень сложна.

Нетрудно заметить также, что при изучении миграций кочевников исследователи по большей мере обращают внимание на факторы, которые выталкивали их с «родных» территорий (ухудшение климата, нападения врагов и т. п.). Д. Энтони назвал их *push factors*, но ведь существовали и *pull factors*, притягивавшие переселенцев на новые земли⁹³. Нет сомнения, что люди вряд ли согласятся переселиться в абсолютно неведомые края, необходимую «соблазнительную» информацию о далеких землях, достаточную для организации масштабной миграции, могли приносить «пионеры»⁹⁴, участники разведывательных походов, в которые отправлялись по большей мере молодые, неженатые мужчины, но об этом речь пойдет ниже (см. гл. 2, раздел «Миграции кочевников и археология»).

Каждая волна кочевнических миграций, как уже говорилось, не приходила на пустое место, и поэтому

⁹² Barfield 1992: 24; Барфилд 2002: 64–65; 2009: 66.

⁹³ Anthony 1997: 22–23.

⁹⁴ *Op. cit.*: 27.

совсем не удивительно, что вторжения на новые территории обычно сопровождались войнами с их обитателями, то есть кочевниками, продвинувшимися сюда ранее. После утверждения гегемонии пришельцев ситуация в степях постепенно стабилизировалась вплоть до нового вторжения восточных номадов, когда начиналась очередная серия войн. Обозначенная цикличность чрезвычайно характерна для истории кочевнических этносов степей северного Понта, являясь одной из важнейших закономерностей в развитии этого региона. Надо признать, что в изучении этой цикличности, отражающей очевидную схожесть исторических судеб различных кочевнических народов Северного Причерноморья, отечественная историческая наука накопила немалый опыт, более того — на этом пути, по моему глубокому убеждению, достигнуты весьма серьезные успехи. Первым на обозначенную закономерность указал С. И. Руденко⁹⁵, позднее его идеи были развиты С. А. Плетневой на материалах эпохи Средневековья⁹⁶. В истории номадов Северного Причерноморья исследовательница выделила три периода, или этапа, которые можно определить как *вторжение*, *стабилизация* и *кризис*. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Первый период — вторжение. На этом этапе кочевники, продвинувшиеся с востока, активно захватывали новые территории для обитания. Несколько драматизируя ситуацию, С. А. Плетнева писала:

⁹⁵ Руденко 1961: 3–4.

⁹⁶ Плетнева 1967: 180 сл.; 1981: 50 сл.; 1982: 13 сл., 36 сл., 77 сл.

«Кочевники надвигались, как туча, уничтожая все на своем пути»⁹⁷. Задолго до нее более правдоподобную картину вторжения номадов нарисовал К. Я. Грот: «Степные кочевники, никогда не бывшие особенно многочисленными, делавшие свои нападения всегда конными полчищами и побеждавшие быстротою и неожиданностью своих наездов, могли действовать только на открытых и ровных местностях, а равно располагаться своими кочевьями в удобных для их образа жизни степных равнинах и низменностях»⁹⁸. Иными словами, для своего обитания номады занимали привычную для них экологическую нишу.

Во время вторжения они перемещались без четких маршрутов кочевания, не имели строго определенных районов летних и зимних пастбищ, четко локализованных некрополей и т. д.⁹⁹ Неудивительно, что этот период, охватывающий 25–30 лет в истории кочевников, практически не находит отражения в археологических источниках, за исключением следов пожаров и разрушений на земледельческих поселениях, запустения некоторых территорий и т. д.; в степи с ним могут быть связаны лишь отдельные погребения номадов. С. А. Плетнева определяла этот период как время «нашествия»¹⁰⁰, другие исследователи склонны называть его «периодом завоевания» или «обретения родины»¹⁰¹. Такие определения

⁹⁷ Плетнева 1981: 51.

⁹⁸ Грот 1881: 49.

⁹⁹ Ср.: Хазанов 1973а: 7; Марков 1976: 282.

¹⁰⁰ Плетнева 1982: 14.

¹⁰¹ Понятие «период обретения родины» сложилось в венгерской археологической литературе первой

вполне оправданны, поскольку пришельцам приходилось вести борьбу за обладание районом с прежними его хозяевами. Г. Е. Марков обоснованно считает, что во время больших переселений общество кочевников закономерно переходило в «военно-кочевое» состояние¹⁰².

Вполне очевидно, что передвижение кочевников на запад, их вторжение в Северное Причерноморье, как правило, приводило к дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, накладывало заметный отпечаток на последующее развитие всех территорий, прилегающих к поясу степей. Можно предполагать, что во время вторжения основная цель пришельцев заключалась в уничтожении власти старой кочевнической аристократии и утверждении новой; рядовое кочевническое население, возможно, тоже частично уничтожалось, но, скорее всего, просто обладалось данью или инкорпорировалось в состав орды пришельцев, постепенно растворяясь в ней¹⁰³. Войны кочевников, однако, совсем не ограничивались лишь степными территориями, в них так или иначе включались соседние земледельческие народы (в древности, разумеется, и греческие колонии), над которыми новые хозяева степей стремились установить свой контроль. Именно тогда, как представляется, дестабилизация

половины XIX в. в отношении памятников, оставленных кочевниками-венграми времени их продвижения в Карпатский бассейн в IX в. н. э. См.: Археология Венгрии 1986: 331–332. Сейчас его используют и в отношении истории других кочевых народов.

¹⁰² Марков 1976: 311–312; 1980: 28–29.

¹⁰³ Першиц 1994: 201.

военно-политической обстановки в регионе достигала максимальной степени напряжения.

Номады в своих отношениях с оседлыми народами и государствами на этом этапе могли придерживаться весьма жесткой линии поведения, которую прекрасно выразил один из монгольских аристократов после завоевания Китая. Обращаясь к Чингисхану, он заявил: «Хотя завоеваны ханьцы, но [от них] нет никакой пользы. Лучше уничтожить их всех! Пусть [их земли] обильно зарастут травами и деревьями и превратятся в пастбища»¹⁰⁴. Весьма показательно, правда, что великий хан не поддержал столь радикальной точки зрения.

«Новые номады», как уже было сказано, полностью утверждали свою гегемонию приблизительно через четверть века после вторжения, тогда им удавалось установить «нормальную» систему эксплуатации подвластных территорий, взимание дани с подчиненных земледельцев и т. п. На этой стадии кочевники уже не были однозначно заинтересованы в дальнейшем продолжении войн, по крайней мере, на «своей» территории, и, таким образом, военно-политическая ситуация в степях постепенно стабилизировалась, что знаменовало начало нового исторического этапа¹⁰⁵.

Второй этап в истории кочевников можно именовать этапом стабилизации. Для него в первую очередь характерно то, что у номадов уже были выработаны правила взаимоотношений с соседними земледельческими народами, сложились стабильные

¹⁰⁴ Мункуев 1965: 73.

¹⁰⁵ Ср.: Марков 1976: 311–313.

маршруты сезонных передвижений, постоянные районы летних и зимних пастбищ, сформировались родовые кладбища и т. д. Как правило, такие перемены достаточно благотворно сказывались на положении земледельцев, поскольку фиксированная дань, которую те вынуждены были выплачивать номадам, конечно, была лучше откровенного грабежа. Разумеется, этот этап нельзя считать подобием некой идиллии. Кочевая аристократия по вопросу эксплуатации подвластных племен вряд ли всегда имела единую, тем более удовлетворяющую эксплуатируемых, точку зрения. К примеру, среди Чингизидов одна группа рассматривала земледельческое население как объект периодических грабительских походов, другая предпочитала более цивилизованные методы поборов¹⁰⁶. В последнем случае очень многое зависело от форм и размеров взимаемой номадами дани¹⁰⁷. Однако при всей сложности и неоднозначности возникавших ситуаций этап «завоевания родины» в истории взаимодействий кочевников с земледельцами можно назвать конфликтным, а этап стабилизации — относительно конструктивным.

Третий этап определяется как кризисный. Кризисные явления проявлялись в прогрессирующем разрушении экономической системы и социальной структуры кочевнических обществ степей Северного Причерноморья. Усиление имущественной диффе-

¹⁰⁶ Мункуев 1965: 65; Федоров-Давыдов 1966: 236; 1973: 29.

¹⁰⁷ Об этом см.: Першиц 1973; 1994: 208; Крадин 1992: 60; 1995б: 174; 2001: 28; Хазанов 2008а: 246 сл.; Khazanov 1984: 224 ff.

ренциации приводило к тому, что часть кочевников (обедневшая) начинала оседать на землю и переходить к занятию земледелием, а другая (богатые семьи) продолжала кочевать. Об оседании кочевников на землю (седентаризации) необходимо сказать особо¹⁰⁸. Дело в том, что в обычной ситуации кочевник порой был вынужден браться за плуг, но, получив урожай, он стремился немедленно обменять его на скот и вернуться к кочеванию¹⁰⁹. Если же седентаризация приобретала большие масштабы, т. е. значительная часть кочевников, занявшихся земледелием, в силу ряда причин уже не могла возвратиться к ведению скотоводческого хозяйства, то это свидетельствовало о системности кризиса в степях.

О масштабах седентеризации на этом этапе можно судить по рассказу арабского автора ал-Омари о Дешт-и Кыпчак (половецкой степи): «До покорения (этой страны) татарами она была повсюду возделана, теперь же в ней (только) остатки этой возделанности»¹¹⁰. Некоторые исследователи считали эту оценку не более чем пессимистическим преувеличением¹¹¹. Действительно, преувеличение здесь, скорее всего, присутствует, но не слишком большое. Г. А. Федоров-Давыдов показал, что половцы действительно знали временную оседлость¹¹², все проявления которой были уничтожены

¹⁰⁸ Хазанов 2008а: 225–228; Khazanov 1984: 198–202.

¹⁰⁹ Марков 1976: 139; Бациева 1982: 318; Крадин 1991: 314–315; 1995б: 166; Khazanov 1984: 83; 198–202.

¹¹⁰ Тизенгаузен 1884: 235.

¹¹¹ Греков, Якубовский 1937: 45.

¹¹² Федоров-Давыдов 1966: 206–207.

монгольским завоеванием¹¹³. Такая ситуация в истории степей Северного Причерноморья, как представляется, была достаточно типичной и проявлялась неоднократно¹¹⁴.

Кризисные явления в степях, вне всякого сомнения, стимулировались влиянием на кочевников цивилизованных стран. По этому поводу китаец-перебежчик в 174 г. до н. э. поучал хуннского шаньюя, подчеркивая, что «численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области, но они (хунны. — Ю. В.) потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные (от китайских. — Ю. В.) и не зависят в этом от Китая»¹¹⁵. Распространение в среде кочевников моды на китайские шелковые одежды, китайскую пищу, напитки и т. д., по мнению этого перебежчика, ослабляло их силу. Такое нравоучение, необходимо признать, не лишено смысла¹¹⁶. При этом оно справедливо отнюдь не только в отношении хуннов, те же самые процессы с той же самой направленностью можно проследить и в других частях Великой степи, где она граничила с земледельческими цивилизациями. Различия проявлялись разве что в наборе и облике предметов цивилизованного быта, поставлявшихся для кочевников.

В такой кризисной ситуации, как правило сопровождавшейся внутренними раздорами, кочевники Северного Причерноморья встречали угрозу с востока, связанную с появлением новых кочевых этносов. По

¹¹³ Федоров-Давыдов 1966: 234; ср.: Плетнева 1981: 56.

¹¹⁴ Ср.: Lattimore 1962: 150.

¹¹⁵ Бичурин 1950а: 57.

¹¹⁶ См.: Бернштам 1951: 39; Васютин 2002: 92.

большей мере, они не могли оказать пришельцам адекватного сопротивления, и новый цикл развития начинался с обозначенной выше исходной точки. Таким образом, прерывание культурно-исторической и этнической традиции в степях региона происходило неоднократно¹¹⁷. Более того, по мнению А. М. Хазанова, в Евразийских степях на протяжении трех тысяч лет социальные процессы характеризовались обратимостью, движение в этой сфере осуществлялось по кругу, а процесс поступательного развития в значительной мере оказывался фикцией¹¹⁸.

Охарактеризованная последовательность основных циклов в развитии кочевнических этносов Северного Причерноморья, как частично говорилось выше, основывается в первую очередь на материалах, относящихся к эпохе Средневековья. Но можно ли ее применять к более ранним временам? М. П. Грязнов в свое время предостерегал от механического переноса форм быта и хозяйства, характерных для поздних кочевников, на древность, когда все эти особенности находились еще в стадии формирования¹¹⁹. Возможно, в чем-то он был прав, но современные исследования демонстрируют, что само деление на ранних и поздних кочевников в известном смысле было искусственным, в реальности же между номадами древности и Средневековья было гораздо больше общего, нежели различного¹²⁰.

¹¹⁷ Буровский 1995: 162.

¹¹⁸ Хазанов 1973а: 6; 1973б: 13.

¹¹⁹ Грязнов 1955: 19.

¹²⁰ Хазанов 1973а: 6–8; Крадин 1992: 51; Бондаренко и др. 2002: 12; Крадин и др. 2005: 8; но ср.: Массон 2003: 82, 95.

Киевская исследовательница Н. А. Гаврилюк признает применимость трехэтапной схемы развития кочевых этносов Северного Причерноморья к древности, но считает, что ее надо дополнить еще одним, четвертым этапом¹²¹. Этот этап она связывает с запустением степей, обусловленным экологической катастрофой, в свою очередь вызванной спецификой экономического и социального развития степных обществ, перенапряжением степной экосистемы в ходе ее усиленного использования человеком, дигрессией пастбищ и т. д. По расчетам Н. А. Гаврилюк, степи после экологической катастрофы восстанавливались лишь через 100–150 лет¹²². С подобной катастрофой исследовательница, к примеру, связывает крушение Великой Скифии, произошедшее, вероятнее всего, на рубеже IV–III вв. до н. э.

В этом отношении необходимо признать, что степная экосистема чрезвычайно уязвима. Умеренный выпас скота и сенокошение приводят к ее процветанию, но перевыпас, впрочем как и недовыпас, опасен. В специальной литературе нередко приводится расчет, что отара овец из 50 голов, проводя день на гектаре земли, своими острыми копытцами оказывает давление на почву, сопоставимое с тридцатью танками, проутюжившими эту площадь 4 раза¹²³. Однако что касается дигрессии пастбищ, то в Монголии ее первые признаки наметились

¹²¹ Гаврилюк 1999: 315.

¹²² Там же: 312.

¹²³ Мордкович и др. 1997: 164; Мордкович 2014²: 147; Жамбалова 2017: 30.

лишь в XIII–XIV вв., а развитие этого процесса началось только после 1950 г.¹²⁴

Следует согласиться с Н. А. Гаврилюк, что такое эпохальное явление, каким было крушение Великой Скифии, должно объясняться целым комплексом причин, и экологические факторы здесь, как представляется, тоже сыграли свою роль. Но являлась ли экологическая катастрофа непрямым и неизбежным (четвертым) этапом в истории развития всех кочевых этносов региона? На этот вопрос, как представляется, следует ответить отрицательно. Дело в том, что история номадов Северного Причерноморья не знает такого примера, когда какой-либо из кочевых этносов сошел с политической арены, так сказать, вообще без посторонней помощи. Скорей можно считать, что внутреннее ослабление кочевых обществ обычно помогало их «соседям-врагам», приходившим с востока. Необходимо также обратить внимание и на то, что история кочевников Средневековья не знает столетних перерывов в циклах, связанных с историей различных этносов. К примеру, между хазарами и печенегами, печенегами и половцами, половцами и татаро-монголами их усмотреть не удастся, а значит, дополнение схемы С. И. Руденко/С. А. Плетневой еще одним, четвертым этапом вряд ли можно признать удачным.

В отношении всего сказанного следует сделать две оговорки. Первая сводится к тому, что перед вторжениями кочевников закономерно имели место разведочные рейды в новые земли. Более

¹²⁴ Мордкович и др. 1997: 193–194; Жамбалова 2017: 35.

масштабные акции без такого знакомства вряд ли были осуществимы. По этому поводу стоит привести одно место из Ветхого завета, где Иисус Навин перед переходом Иордана и вторжением в Святую землю послал туда разведчиков, приказав им: «<...> пойдите, осмотрите землю и Иерихон» (Нав. 2. 1). Нечто подобное, конечно, осуществляли и предводители других народов, намеревавшихся захватить дальние страны.

Вторая оговорка связана с тем, что не все кочевые народы, появлявшиеся в степях Северного Причерноморья, непременно проходили в своем развитии все обозначенные выше три стадии. Так, по наблюдениям И. П. Засецкой, концепция С. И. Руденко/С. А. Плетневой не вполне применима к гуннам. Имеющиеся археологические материалы, которые можно связывать с этим народом, представлены разбросанными по степям одиночными погребениями с разнообразным обрядом, что соответствует первой стадии кочевания; характерные признаки второй представлены лишь в незначительной степени¹²⁵. Такое положение, в общем, неудивительно, поскольку вся недолгая история гуннов в Европе (конец IV — V в.) представляет череду войн и далеких походов. А. К. Амброз связывал обезлюдение пространств Северного Причерноморья в V в. с тем обстоятельством, что гунны увели местное население в составе своих войск, когда в первые десятилетия этого столетия центр их державы был перенесен в Среднее Подунавье¹²⁶.

¹²⁵ Засецкая 1994: 159.

¹²⁶ Амброз 1971: 104.

Современная археология в ряде случаев позволяет достаточно уверенно считать, что начало периодов дестабилизации военно-политической ситуации в северопричерноморском регионе, вызванных продвижением новых номадов, фиксируется, прежде всего, в его восточных областях — Подонье и Прикубанье. И это вполне естественно, поскольку пришельцы с востока появлялись именно здесь и лишь потом устремлялись далее к западу. Любопытно, но и обратный процесс, связанный со стабилизацией военно-политической обстановки, опять же раньше всего проявляется в восточной части Причерноморских степей. Именно в Подонье и Прикубанье чаще всего фиксируются самые ранние могильники пришельцев из глубин Азии.

Миграции кочевников и археология

Проблема миграций кочевников Евразии на запад, безусловно, является составной частью более широкой проблемы миграций в истории человечества. Так получилось, что в науке XX в. их изучение столкнулось с серьезными сложностями, и это касается как отечественной (советской) науки, так и западной¹²⁷. В Советском Союзе миграции долгое время считались чем-то антинаучным, немарксистским, противоречащим законам внутреннего развития общества и даже теоретическим прикрытием агрессии против страны социализма¹²⁸. Надо признать,

¹²⁷ Клейн 2004: 210.

¹²⁸ Об этом см.: Клейн 1993: 21 сл.; Виноградов 2000а: 109; Формозов 2004: 53, 58–59; ср.: Чайлд 1949: 109, 133–135.

однако, что руководители советской науки чаще выступали не против миграций, а против теории миграционизма, объясняющей все сходные явления в древних культурах переселениями народов. Они настаивали на том, что переселения народов в древности не сводились к вторжениям. И. И. Мещанинов по этому поводу писал: «Происходит это именно потому, что мираж переселения с полными переносами всего целого вместе с этнической массой сохраняет чудовищную силу до текущего дня»¹²⁹. Далее он добавил: «Мы окаменели с лицом, повернутым или на восток, или на запад», чаще глядим вдаль, а не себе под ноги¹³⁰. Надо признать, что этот исследователь был во многом прав.

На Западе такое положение оказалось связанным с теоретическими представлениями «новой» археологии, возникшей в конце 60-х гг. прошлого столетия и по существу демонизировавшей и мистифицировавшей идею миграций¹³¹. Многим сторонникам «новой» археологии до сих пор представляется, что миграционные трактовки являются слишком простыми для решения сложных проблем развития человеческих сообществ; с их помощью подобно *deus ex machina* слишком часто легко объяснялись все эпизоды культурных изменений, вообще-то очень трудные для объяснения¹³². Подобные весьма серьезные сомнения в универсальности теории миграционизма привели к тому, что от нее вообще почти отказались, тем самым в очередной раз «выплеснув из ванны

¹²⁹ Мещанинов 1928: 216.

¹³⁰ Там же: 217.

¹³¹ Anthony 1997: 21; Chapman Hamerow 1997: 1.

¹³² См., к примеру: Tainter 1988: 63, 89, 202.

вместе с грязной водой и ребенка». Л. С. Клейн по этому поводу справедливо заметил, что «критикуя миграционизм и диффузионизм за то, что они превращали идеи миграции и диффузии в отмычку для интерпретации любых изменений в культуре, незачем чураться самих явлений миграции и диффузии»¹³³. Тем не менее, по существу только в последние годы в западной науке миграционные объяснения стали иметь вес при оценке дисконтинуитета в развитии археологических культур, в особенности при изучении территориального распространения комплексов материальной культуры¹³⁴. Следует подчеркнуть, однако, что теоретическое осмысление подобных явлений не мешает западным ученым под миграциями часто понимать совсем не перемещения народов, а характерную для современного мира мобильность населения¹³⁵.

Вновь возвращаясь к ситуации в степях Евразии, необходимо признать, что одним из важных последствий неоднократного проникновения различных кочевых народов на новые земли, в том числе и в Северное Причерноморье, было формирование здесь весьма пестрой этнической картины. Чрезвычайно характерным в связи с этим является описание Геродота (рис. 2), попытавшегося разделить местные народы на скифские и нескифские (Herod. IV. 17–22), в меньшей степени в этом плане информативны этническая карта Страбона (Strab. VII. 17) и текст ольвийского декрета в честь Протогена (IOSPE. I². 32), но

¹³³ Клейн 2004: 284.

¹³⁴ Anthony 1997: 21.

¹³⁵ Chapman, Hamerow 1997: 1.

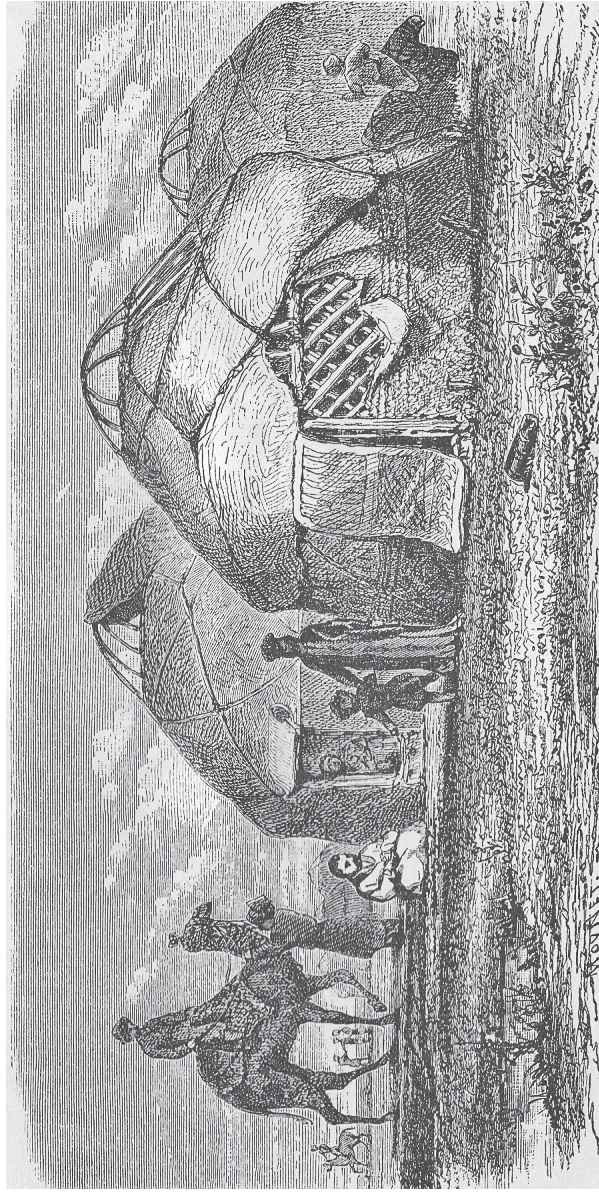

Рис. 3. Киргизские юрты (по: Толстой, Кондаков 1889б)

и они весьма показательны. По свидетельству Геродота, скифы царские даже проживали чересполосно, т. е. в двух различных, разделенных немалыми пространствами районах (Herod. IV. 20; 22. 3). Такая чересполосица, впрочем, была характерна не только для степей Северного Причерноморья¹³⁶. Обозначенная ситуация ставит перед археологами, исследующими степные памятники, очень непростую задачу. Выделение археологических культур, групп или даже этнодиагностирующих признаков, которые можно было бы уверенно связать с конкретными кочевыми народами, представляется в высшей степени сложным. Об этнической атрибуции многих археологических памятников, особенно тех, которые находятся в зоне пограничья или относятся ко времени миграций («завоевания родины»), споры в научной литературе не утихают и, по всей видимости, никогда до конца не утихнут.

Материальная культура номадов вообще весьма специфична, по понятным причинам она в основном должна состоять из предметов компактных, легких, удобных для транспортировки. Великолепный пример такого положения — знаменитое жилище кочевников, разборная юрта (рис. 3)¹³⁷. Весьма своеобразными должны быть и оставленные ими археологические культуры; в свое время Г. Чайлд посчитал эти культуры почти невидимыми или неуловимыми¹³⁸. Естественно, такая характеристика не может относиться к курганным некрополям номадов,

¹³⁶ См.: Бичурин 1950б: 190–191.

¹³⁷ См.: Нечаева 1975: 13 сл.; Вайнштейн 1976; Крюков, Курылев 2000; Васильева 2000.

¹³⁸ Childe 1939: 91.

а вот места их стоянок археологически выявляются с большим трудом. Основным археологическим материалом для интересующего нас времени, безусловно, является древняя керамика. В отношении нее специальные наблюдения убедительно демонстрируют, что кочевниками керамическая посуда использовалась не столь интенсивно, нежели обитающими на сопредельных территориях оседлыми народами, и набор ее у них был намного скромней¹³⁹.

Еще одно важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание в связи с существующими в современной археологической науке трактовками миграций кочевников, заключается в том, что исследователи пытаются определить «прародину» тех или иных народов, появившихся в степях Северного Причерноморья, почти не уделяя внимания огромной сложности этого исторического явления. По понятным причинам ученые стремятся найти такие районы или археологические культуры, из которых вместе с переселенцами на запад могли распространиться характерные для номадов северного Понта типы погребальных сооружений, формы керамической посуды, детали боевого снаряжения и т. д. В общем, такой подход дает основание достаточно уверенно считать, что движение определенных типов артефактов по степному коридору в основном осуществлялось с востока на запад¹⁴⁰. В остальном же приходится признать, что

¹³⁹ Gribb 1993: 75–76; см. также: Крадин, Кан Ин Ун 2013: 19.

¹⁴⁰ Подобную картину демонстрирует также изучение этнонимов и топонимов, которые имеют тенденцию к распространению с востока и юго-востока на запад,

археология в большинстве случаев не дает надежных оснований для определения районов, из которых эти миграции происходили. В принципе, мне неизвестны примеры того, чтобы культура восточных кочевников была перенесена на запад в неизменном виде, без каких-либо потерь и трансформаций¹⁴¹. В этом, собственно, и кроется главная причина невероятной сложности рассматриваемой проблемы.

Некоторые трактовки миграций кочевников Евразии с востока на запад, существующие в современной науке, в ряде случаев представляются несколько механистичными. Многие исследователи как будто полагают, что во время движения кочевников на новую родину непременно устремлялся весь этнос, во всяком случае, его значительная часть, и результатом такого движения непременно должен стать перенос на новое место целого культурного комплекса, представленного на территориях старого обитания. Упомянувшийся выше И. И. Мещанинов, возражая против такого понимания, почти 100 лет назад писал, что медленные миграции, которые он отличал от нашествий, с более или менее долгими остановками и дальнейшим движением не могли сохранить «целостность народной массы». По его словам, «вышли одни, а дошли другие»¹⁴², и с этим положением трудно поспорить. Тем не менее, и в наши дни некоторые исследователи по-прежнему ищут проявления идентичности археологических культур в глубинах Азии

имея в своей основе реальные перемещения племен. См.: Ельницкий 1977: 141; Ольховский 1981: 56.

¹⁴¹ Ср.: Плетнева 1981: 52; 1982: 16; Болгов 1996: 28–29; Михайлова 2006: 9.

¹⁴² Мещанинов 1928: 208.

и в степях Причерноморья и, естественно, не находят их¹⁴³. Л. С. Клейн, критикуя такой подход, назвал его «лекальным», сводящимся к тому, что в новом ареале как бы по одному лекалу воспроизводились культурные формы старого района обитания. В реальности же «лекальных» передвижений культур не бывает¹⁴⁴. Как справедливо заметил Д. Энтони, «мигрируют не культуры, а люди»¹⁴⁵, иными словами, в процессе миграций культура непременно претерпевает изменения. Этнические миграции всегда связаны с культурными трансформациями, на которые, по мысли Л. С. Клейна, оказывали воздействие три основных фактора:

1. Эффект усреднения, объясняющийся тем, что в любое сравнительно крупное передвижение вовлекались выходцы из различных этнических групп.

2. Миграционная трансформация, связанная, так сказать, с встряской, разрывом старых связей и традиций.

3. Неидентичность состава, которую можно рассматривать в двух аспектах — исходной и конечной. Конечная неидентичность является логическим следствием, вытекающим из двух первых посылок, исходная же связана с проблемой субкультур, существующих в любой этнической культуре. Понятно, что если в переселение отправятся только молодые мужчины-воины, то результат культурной трансформации будет один, а если более широкие слои населения, то другой¹⁴⁶.

¹⁴³ Яценко, Раевский 1980: 112.

¹⁴⁴ Клейн 1973: 6; 1999: 58; ср.: Титов 1982: 91–93.

¹⁴⁵ Anthony 1997: 27.

¹⁴⁶ Клейн 1973: 7–8; 1999: 59; ср.: Chapman, Hamerow 1997: 6.

Все эти очень разумные суждения, в общем, не нашли поддержки среди специалистов по интересующим нас проблемам, даже упоминание концепции Л. С. Клейна на страницах отечественных историко-археологических публикаций встречается не очень часто¹⁴⁷. В западной литературе, однако, представление о необходимости исследования не миграций вообще, а типов миграций проявляется все с большей отчетливостью¹⁴⁸. Создание подобной типологии с неизбежностью влечет за собой понимание того, что переселение мобильных воинственных отрядов, с одной стороны, и миграции, включавшие в себя сотни и тысячи людей, с другой, непременно приведут к различным социокультурным последствиям¹⁴⁹.

В современной этнографической литературе также появились работы, которые вполне созвучны обозначенной системе взглядов. Так, Ю. М. Ботяков, изучая туркменский «аламан», своеобразный институт военного набега, обратил внимание, что расселение туркменов на новые территории можно уподобить пульсирующему процессу выплескивания из общины избыточного населения. Таким избыточным населением, естественно, становилась молодежь, во всяком случае, передовые отряды заселения состояли в основном из групп неженатой молодежи¹⁵⁰. Если представить себе, что такие отряды заселения уходили далеко от исходных территорий и таким образом теряли живую связь со своими более старшими хранителями племенных традиций, то на новом

¹⁴⁷ Алексеев 2003: 56–57; Формозов 2004: 88.

¹⁴⁸ Anthony 1997: 26–27.

¹⁴⁹ Chapman, Hamerow 1997: 6.

¹⁵⁰ Ботяков 2002: 74–77.

месте обитания их культура естественным образом должна была пройти быструю трансформацию под влиянием изменившейся этнической среды, браков с местными женщинами и т. д. Что же при такой трансформации может остаться для изучения археологам? Вполне можно допустить, что индикаторами миграции будут являться лишь предметы вооружения (мечи, типы луков и стрел), какие-то принадлежности костюма (к примеру, ременные пряжки и т. д.). А вот в обряде погребения скорее будут доминировать местные черты; керамика, как представляется, вообще будет представлена исключительно местными типами. При таком положении миграция молодых неженатых мужчин вполне может оказаться незаметной для современной археологической науки, но, как можно предполагать, именно такая система расселения была достаточно обычной не только в сравнительно поздние времена, но и в древности.

Обращаясь к скифской истории, следует отметить, что античная письменная традиция сохранила весьма противоречивое представление о возрасте скифского этноса. Юстин считал этот народ очень древним, оспаривавшим древность происхождения у самих египтян (Just. II. 1.5). Геродот же признавал скифов самыми молодыми (Herod. IV. 5), но отмечал, что от первого царя Таргитая до похода Дария на скифов прошло не меньше тысячи лет, «но именно столько» (Herod. IV. 7). Надо признать, что тысяча лет — это срок немалый даже для мифа и легенды¹⁵¹. Таким образом, по рассказу «отца истории», скифы были одновременно и самыми молодыми, и весьма

¹⁵¹ Хазанов 1975: 40.

древними. По мнению А. В. Назаренко, состояние источников таково, что на указанное противоречие следовало бы закрыть глаза¹⁵², но, может быть, этого не стоит делать и правильнее будет найти ему какое-то объяснение. Дело в том, что из повествования Геродота известно, что самыми молодыми называли себя не все скифы, а только *сколоты* (Herod. IV. 5–6). Этимология этого слова очень непроста¹⁵³, но А. В. Назаренко удалось показать, что его можно связывать с иранскими словами типа «молодой», «несовершеннолетний» и т. п. Небезынтересно в связи с этим заметить, что Юстин в «Эпитоме сочинения Помпея Трога» сообщает о Сколопите; так звали одного из двух скифских царевичей, изгнанных из отечества и уведших множество молодежи на реку Термодонт в Каппадокии (Just. II. 4. 1). Жены, а точнее, вдовы этих скифов впоследствии стали прародительницами амазонок (Just. II. 4. 4–11). Вслед за Юстином этот рассказ излагает Оросий, но скифского царевича он называет Сколопетий (Oros. I. 15. 1). Можно предположить, что общий контекст, в котором упоминаются имена, столь близкие этнониму *сколоты*, то есть указывающие на явно молодой возраст царевичей, на участие в походе молодежи и т. п., подкрепляет гипотезу о миграции, в которой участвовали в основном юноши. Однако В. А. Назаренко делает заключение, что *сколоты* были так названы в честь вероятного прозвища их легендарного царя Колаксия, как младшего

¹⁵² Назаренко 1989: 235.

¹⁵³ Доватур и др. 1982: 209–210, комм. 147–148; Тохтасьев 2005: 72–73.

из трех братьев — Аропкся, Липокся и Колакся (см.: Herod. IV. 2–4), которого, возможно, называли «Младший»¹⁵⁴. Такая трактовка, на мой взгляд, вызывает немалые сомнения, хотя Геродот действительно сообщает, что *сколоты* назывались так по имени царя (Herod. IV. 6. 2). Если следовать ей, то *сколотами* («младшими») скорее следовало бы называть *паралатов*, потомков Колакся, младшего из трех скифских братьев-прародителей, но письменные источники не дают для этого надежных оснований. Из скифской легенды, которую приводит Геродот (IV. 6. 1–2), известно, что *сколоты* — это общее название *паралатов* (потомков Колакся) вместе с *авхатами* (потомками среднего брата Липокся), а также *катиарами* и *траспиями* (потомками старшего Аропкся). Скорее всего, *сколоты* («младшие») получили свое название не в честь их легендарного царя Колакся, и вообще, как представляется, этот этноним не имеет отношения к скифской этногонической легенде. А. В. Назаренко, на мой взгляд, напрасно не придавал значения одному важному обстоятельству, нашедшему отражение в обозначенном круге источников (Юстин, Оросий). Эти источники однозначно свидетельствуют, что царевич Сколопит (Сколопетий) увел молодежь в далекие земли, и пусть в данном случае речь в них идет не о Северном Причерноморье, но, в принципе, и для интересующего нас региона можно предположить нечто подобное, то есть миграцию сюда каких-то молодежных отрядов. Это тем более допустимо, что Геродот, рассказывая о происхождении савроматов, также отмечал, что к амазонкам

¹⁵⁴ Назаренко 1989: 237.

ушли молодые скифы, а затем вместе с ними переправились через Танаис, тем самым положив начало народу савроматов (Herod. IV. 111. 2; 115. 1–3; 116. 1).

А. И. Иванчик вполне обоснованно считает, что основное содержание рассказа о Сколопите отражает переселение в Малую Азию скифской молодежи под предводительством «царственных юношей»¹⁵⁵. Все приведенные соображения позволяют считать, что в древности в передвижениях кочевников на новые места обитания важную роль играли отряды, состоявшие из молодых неженатых мужчин. В каждой конкретной ситуации при изучении этих миграций археологи будут сталкиваться с кругом весьма трудно разрешимых проблем, но в любом случае гипотеза «лекальных» миграций к ним абсолютно не применима.

В археологических реалиях миграции кочевников, сопровождавшиеся распространением их власти на земледельческие народы, могли найти самое различное воплощение. Вновь обращаясь к скифской проблематике, можно указать, что сторонники «автохтонной» гипотезы происхождения скифов обычно большое внимание уделяют фактам, свидетельствующим о некой преемственности между предскифской и скифской эпохами, проявляющейся в керамических формах, особенностях погребального обряда и пр.¹⁵⁶ Если это так, то, казалось бы, о миграции кочевников с востока, повлиявшей на формирование скифской культуры, говорить

¹⁵⁵ Иванчик 2005: 222–223.

¹⁵⁶ Яценко, Раевский 1980: 110–111.

Рис. 4. Курган Перепятиха (по: Толстой, Кондаков 1889б)

вообще не приходится. Однако отмеченный факт преемственности вряд ли можно считать бесспорным доказательством отсутствия миграций, в подтверждение чего имеются некоторые археологические наблюдения. Так, для раннего этапа скифской истории можно привести курган Перепятиха в лесостепном Поднепровье, являющийся основным в курганной группе (рис. 4)¹⁵⁷. Обнаруженные здесь находки позволяют уверенно судить, по крайней мере, о двухкомпонентности местного культурного комплекса: предметы конского снаряжения, типы оружия являются степными, а керамика — местная, обычная для земледельческого населения. Та же самая двухкомпонентность фиксируется в более поздних Воронежских курганах, но выступает она несколько в ином облике. Самые ранние из Воронежских курганов относятся к концу VI — началу V в. до н. э.¹⁵⁸, они, как представляется, принадлежат пришлой военно-аристократической верхушке. Как и в Перепятихе, их отличает богатство погребального инвентаря, обилие оружия и пр. В курганах, естественно, имеется и керамика, но на сей раз она сильно отличается от посуды местных земледельцев, так называемой городищенской. Такое явно намеренное неприятие посуды местных типов, возможно, объясняется тем, что военно-аристократическая верхушка, которой принадлежат Воронежские курганы, утвердилась здесь в результате миграции из Днепровского Левобережья¹⁵⁹, т. е. из сравнительно недалеко распо-

¹⁵⁷ Скорий 1990а.

¹⁵⁸ Медведев 1996: 176.

¹⁵⁹ Там же: 180.

женного района. Есть основания предполагать, что при переселениях на такие небольшие расстояния, осуществляемых относительно крупными и хорошо организованными группами населения, могли складываться некоторые культурные атрибуты, характерные только для этих этнических групп. Возможно, это проявлялось в сложении определенных стереотипов, мешавших культурным заимствованиям из среды подчиненного населения. Вообще же выделение двух типов миграций — на короткие расстояния (short-distance) и на дальние расстояния (long-distance) — в теоретическом отношении представляется очень полезной¹⁶⁰.

Еще раз несколько отвлекаясь от археологических материалов, в связи со сложностями возможных культурных трансформаций у кочевников можно привести пример, зафиксированный письменной традицией, относящийся к сравнительно позднему времени. Хорошо известно, что при завоевании монголами Ирана и Ирака отряды золотоордынского хана Берке сражались в составе войск Хулагу. После конфликта, возникшего между двумя монгольскими предводителями (впоследствии он вылился в десятилетия вражды между Хулагидами и Джучидами), Берке приказал своим войскам вернуться в Золотую Орду, но, если такое возвращение окажется невозможным, позволил им уйти в Египет. Дружба Золотой Орды с этой страной началась как раз с 60-х гг. XIII в.¹⁶¹ Обстоятельства сложились так, что часть его войск действительно была вынуждена направиться

¹⁶⁰ Anthony 1997: 26.

¹⁶¹ Григорьев, Фролова 1999: 47.

в Египет, где им был оказан самый теплый прием¹⁶². Первый отряд, насчитывавший более двухсот всадников, прибыл туда в 1262 г.¹⁶³, затем пришел более крупный тысячный отряд¹⁶⁴. Известно также о появлении в Дамаске двухсот конных и пеших монголов, бежавших сюда вместе с женами и детьми¹⁶⁵. Можно предполагать, что в результате этих событий на службу к египетскому султану перешло 2–3 тысячи золотоордынцев, а если учесть их жен и детей, то эта цифра должна еще более возрасти. Все они, разумеется, приняли ислам и в культурном отношении, как можно полагать, довольно быстро растворились среди подданных султана, но, возможно, сохранили положение привилегированных воинских отрядов. Тем не менее, вряд ли стоит надеяться на получение каких-нибудь археологических подтверждений данного исторического факта¹⁶⁶.

¹⁶² Закиров 1966: 38–39; Мыськов 2003: 88.

¹⁶³ Тизенгаузен 1884: 163–164.

¹⁶⁴ Там же: 100.

¹⁶⁵ Там же: 187.

¹⁶⁶ Как известно, ранее в Египет из Северного Причерноморья попадали рабы — кыпчаки, черкесы и др., получившие название мамелюков. Из них впоследствии была составлена султанская гвардия. На долгое время (1250–1517 гг.) потомкам рабов даже удалось захватить власть над страной. Наполеон во время Египетского похода включил в состав своей гвардии отряд мамелюкской конницы. О. Сулейменов в своей интересной книге «Аз и я» поведал о событии, свидетелем которого он был. По его словам, во время земляных работ у дороги, по которой Наполеон шел на Москву, были обнаружены три погребения, облаченные во французские мундиры, но имевшие явные монголоидные антропологические

Сказанное выше заставляет согласиться с точкой зрения, что проследить миграции по археологическим материалам — задача поистине огромная, почти необъятная¹⁶⁷. Сложность задачи, тем не менее, совсем не означает, что изучение миграций должно находиться на периферии современной археологической науки.

Татаро-монгольское завоевание как пример миграции кочевников

Постановка этого вопроса, вероятно, может вызвать некоторое удивление, поскольку принято считать, что миграции по большей мере являлись спонтанным, постепенным процессом, а татаро-монгольские завоевания стали результатом серии хорошо спланированных походов, осуществленных армией могучей империи Чингис-хана и его преемников. Л. Н. Гумилев, к примеру, категорически возражал против отождествления монгольских походов XIII в. с обычными миграциями. Под последними, как говорилось выше (см. гл. 2, раздел «Динамика степей Евразии»), он понимал расселение мелких групп кочевников на степных окраинах, имевшее место в период усыхания аридной зоны. У монголов же, по его

черты. На пальце одного из них «голубел широкий перстень с изображением кыпчацкой тамги». См.: Сулейменов 1991: 169.

Этому романтическому рассказу, иллюстрирующему, так сказать, завершение жизненного круга выходцев из степей Северного Причерноморья, вряд ли стоит доверять, но я все-таки рискнул его упомянуть.

¹⁶⁷ Chapman, Hameraw 1997: 6.

словам, победу одерживали «не рыхлые скопища кочевников, а хорошо организованные мобильные отряды, после боевых кампаний возвращавшиеся в родные степи»¹⁶⁸. В известном смысле Л. Н. Гумилев был, безусловно, прав, но все-таки его идея о «завоевании без переселения» представляется немного искусственной, и ирония Л. С. Клейна по этому поводу была отчасти оправдана¹⁶⁹, но только отчасти. В действительности в отношении татаро-монгольских завоеваний следует признать, что со времени Великого переселения народов цивилизация не знала столь грандиозных изменений в политике, общественной жизни и культуре, столь масштабных перемещений отдельных родов и целых племен¹⁷⁰, иными словами, их трактовка как своеобразной миграции вполне допустима.

Не следует забывать также, что крупные миграции кочевников вообще, как правило, являлись результатом некоего политического решения кочевого народа, предпочитавшего найти новые земли для обитания, нежели защищать старые от натиска врагов¹⁷¹. Уже неоднократно говорилось, что обретение новой родины кочевниками было связано с серией весьма продолжительных войн. Монголов с их земель никто не выгонял, и концепция «падающего домино» в этом отношении абсолютно неприемлема. В принципе, уже в этом можно видеть явное отличие их завоеваний от «обычной» миграции, прочие отличия прежде всего заключаются

¹⁶⁸ Гумилев 1987: 74.

¹⁶⁹ Клейн 1974: 134.

¹⁷⁰ Исхаков, Измайлов 2007: 86.

¹⁷¹ Barfield 1992: 24; Барфилд 2002: 64–65; 2009: 66.

в большей масштабности и лучшей организации их распространения на обширнейших пространствах Азии и Европы. Рассматривая татаро-монгольские завоевания как вид миграции, попытаемся обратить внимание на некоторые ее существенные моменты.

Важным событием начального этапа этих завоеваний на западе, как известно, стал поход Джебэ и Субедэя. Арабские источники сообщают, что во время преследования бежавшего Хорезмшаха к монгольскому войску присоединилось «много войск мусульманских и неверных, а также и (много) негодяев, замышлявших грабежи и бесчинства»¹⁷². Перед походом на Грузию к Джебэ и Субедэю присоединился также некий Акуш, собравший вокруг себя туркмен, курдов и др.¹⁷³ Как видим, уже в самом начале татаро-монгольских завоеваний в него включились выходцы из различных народов. Во время похода на Русь их войска состояли не только из монголов, но и из тюрок, киданей, китайцев, чжурчжэней, тангутов и др.¹⁷⁴ Монголы лишь возглавили это полиэтничное движение.

Первое вторжение в Восточную Европу опять же было связано с походом Джебэ и Субедэя. Имеющиеся источники позволяют уверенно считать, что тумены монгольских полководцев появились в Предкавказье в 1222 г., нанеся здесь поражение аланам и половцам¹⁷⁵. Крымский город Судак был захвачен

¹⁷² Тизенгаузен 1884: 14.

¹⁷³ Там же: 15.

¹⁷⁴ Кычанов 1999: 164.

¹⁷⁵ Тизенгаузен 1884: 26.

ими, скорее всего, уже в начале 1223 г.¹⁷⁶, при этом в Крым татаро-монголы, вероятно, продвинулись зимой через замерзший Керченский пролив¹⁷⁷. Затем монгольские полководцы повели своих воинов в половецкую степь и, притворным отступлением заманив русско-половецкое войско почти до Дона, разгромили его 31 мая 1223 г. в битве на Калке, которой в отечественной историографии уделяется очень большое внимание¹⁷⁸. После этого, несмотря на очевидные успехи похода, Джебэ и Субедэй увели свои тумены в Монголию, и новый поход на запад состоялся лишь почти через 15 лет после этого. Тем не менее, еще до его начала, в 1229 г. и последующие годы, татаро-монголы провели военные акции в Прикаспийских степях, а также против Волжской Булгарии¹⁷⁹. Военное напряжение на восточных рубежах половецкой степи ощущалось все больше и больше¹⁸⁰. По свидетельству венгерского миссионера Юлиана, прибывшего к аланам в 1235 г., те отказывались сопровождать его дальше на восток, поскольку боялись татар, находившихся где-то поблизости¹⁸¹.

¹⁷⁶ Записки XII–XV вв. 1863: 601, № 33; Тизенгаузен 1884: 26; 1941: 33; Рашид ад-Дин 1952: 229.

¹⁷⁷ Вахтина и др. Рогов 1980: 156; Плетнева 1990: 172; Бубенок 2003: 29–30.

¹⁷⁸ См.: Греков, Якубовский 1937: 31–38; Пашуто 1956: 129–131; Каргалов 1967: 64; Черепнин 1977: 187–189; Романов 1981: 79 сл.; Толочко 1987: 167; 1999: 164–165; Вернадский 1997: 47–48; Кривошеев 2003: 132–136; Храпачевский 2004: 329–335.

¹⁷⁹ Пашуто 1956: 150–151; Черепнин 1977: 190.

¹⁸⁰ Хрусталев 2004: 67.

¹⁸¹ Аннинский 1940: 79.

Батый начал поход «к последнему морю» летом — осенью 1236 г. Численность его войска иногда сильно преувеличивали, но наиболее взвешенная точка зрения сводится к тому, что в нем насчитывалось не более 150 тыс. воинов¹⁸², возможно, — 120–140 тыс., из которых собственно монголов было не более половины¹⁸³. Л. Н. Гумилев, правда, считал, что армия вторжения была гораздо малочисленней, насчитывая в своих рядах 30 тыс. воинов¹⁸⁴, но этим подсчетам вряд ли стоит доверять. Крупная и хорошо подготовленная армия Батыя прежде всего совершила успешное нападение на Волжскую Булгарию¹⁸⁵, а затем, зимой 1237/38 гг., обрушилась на русские княжества. Не останавливаясь на перипетиях этого похода¹⁸⁶, напомним лишь, что Киев был захвачен в 1240 г., т. е. через 18 лет после первого появления татаро-монголов в степях Восточной Европы. Тогда же, по всей видимости, было нанесено окончательное поражение половцам. Половецкий хан Котян с остатками своего войска ушел в Венгрию, где вскоре сам Котян и его приближенные были перебиты, а орда ушла на

¹⁸² Крамаровский 2001: 11; 2002: 13.

¹⁸³ Каргалов 1967: 74; Кирпичников 1989: 144; Храпачевский 2004: 180; Хрусталеv 2004: 69.

¹⁸⁴ Гумилев 1992: 518.

¹⁸⁵ Храпачевский 2004: 351; Исхаков, Измайлов 2007: 87.

¹⁸⁶ См.: Греков, Якубовский 1937: 156 сл.; Пашуто 1956: 151 сл.; Черепнин 1977: 186 сл.; Толочко 1986: 168 сл.; 1999: 168 сл.; Вернадский 1997: 58–59; Кривошеев 2003: 139 сл.; 2006: 152 сл.; Храпачевский 2004: 354 сл.; Хрусталеv 2004: 81 сл.

Балканы¹⁸⁷. Это, однако, совсем не означает, что в степях Северного Причерноморья «половцев-кыпчаков сменили кочевники татаро-монголы»¹⁸⁸. М. Г. Крамаровский, в чем-то вторя Л. Н. Гумилеву, констатирует, что «в Дешт-и Кыпчак пришла армия, а не народ»¹⁸⁹. Соответственно, основным населением Золотой Орды стали половцы, которые для выживания в условиях империи вынуждены были усвоить наиболее существенные составляющие «монгольского образа жизни»¹⁹⁰. С этого времени в монгольской армии большинство рядового всадничества и часть командного корпуса стали составлять турки.

В 1241 г. начался большой поход Батыя вглубь Европы¹⁹¹. Тяжелые удары татаро-монголов обрушились на Польшу, Чехию, Венгрию и другие земли. Лишь узнав о смерти великого хана Угедая (11 ноября 1241 г.), Батый приказал своим войскам повернуть назад. Несмотря на несомненные успехи этого похода, дальнейшие завоевания на западе, базой для которых, вероятнее всего, должны были стать степи Паннонии¹⁹², так и не были осуществлены. Становление империи Джучидов завершилось к 70-м годам XIII в. Тогда, после периода

¹⁸⁷ См. Греков, Якубовский 1937: 161; Пашуто 1956: 166; 1977: 211; Вернадский 1997: 59; Толочко 1999: 142–143; Мыськов 2003: 28–29.

¹⁸⁸ Григорьев, Фролова 1999: 47.

¹⁸⁹ Крамаровский 2001: 13; 2002: 15.

¹⁹⁰ Крамаровский 2001: 16; 2002: 17; Королькова 2012: 225.

¹⁹¹ См.: Пашуто 1956: 163 сл.; 1977: 210 сл.; Храпачевский 2004: 388 сл.; Хрусталеv, 2004: с. 189 сл.

¹⁹² Храпачевский 2004: 391; Хрусталеv, 2004: 226.

«бури и натиска», как его называют Д. М. Исхаков и И. Л. Измайлов, начался период стабилизации и расцвета великодержавия Золотой Орды¹⁹³. Нетрудно подсчитать, что время «бури и натиска», если начинать его с вторжения в Волжскую Булгарию¹⁹⁴, заняло около 35 лет.

Кратко подводя итог сказанному о ходе татаро-монгольских завоеваний, следует обратить внимание на ряд важных обстоятельств:

1. В монгольские завоевания, как и в миграции другого рода, включались самые различные народы. Движение кочевников и на сей раз было полиэтническим.

2. Перед масштабной завоевательной акцией имела место своего рода разведка, каковой следует считать поход Джебэ и Субедэя. В основном он затронул районы Подонья и Прикубанья.

3. Военное напряжение на восточных рубежах Дешт-и Кыпчака после этого продолжало ощущаться и, возможно, даже возрастало. Тем не менее, большой поход был предпринят лишь через 15 лет после разведки.

4. В результате завоевания степей Северного Причерноморья была уничтожена половецкая аристократия, часть орды вытеснена на запад, а остальная, скорее всего, включена в состав нового этно-политического образования.

¹⁹³ Исхаков, Измайлов: 2007: 93.

¹⁹⁴ Разведывательный поход Джебэ и Субедэя 1222–1223 гг., естественно, нельзя считать началом татаро-монгольских завоеваний в Восточной Европе. Это была прелюдия к ним.

5. Практически одновременно с завоеванием причерноморских степей было начато покорение земель, примыкающих к ним с севера.

6. После этих акций татаро-монголы провели поход в Центральную Европу, затронувший, прежде всего, Польшу, Венгрию и Балканы. Данную акцию опять же нельзя рассматривать как характерную только для завоевательного похода Батыя. Археологические источники достаточно уверенно фиксируют периодические вторжения кочевников на территорию Средней Европы, по крайней мере, со скифского времени¹⁹⁵.

7. Период завоеваний в Восточной Европе занял приблизительно 35 лет, после чего ситуация здесь в известном смысле стабилизировалась.

Все эти обстоятельства имеют значение не только для понимания монгольской экспансии в Восточной Европе. На мой взгляд, они дают основания для понимания миграций кочевников в более ранние эпохи. Монгольское завоевание показательно также и в отношении их последствий для самих завоевателей. Арабский писатель ал-Омари оставил по этому поводу любопытное свидетельство: «В древности это государство (степь Дешт-и Кыпчак. — Ю. В.) было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кыпчаками, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) на земле кыпчаков вступили в брак

¹⁹⁵ Скорый 1990б; Хохоровски 1994; Бруяко 2005: 293 сл.; Мелюкова 2006; но ср.: Парцингер 1998.

с ними и остались жить в земле их (кыпчаков). Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе»¹⁹⁶. Реальная история Дешт-и Кыпчака в это время была, конечно, значительно драматичней, чем почти идиллическая картина, обрисованная ал-Омари¹⁹⁷. Тем не менее, современные исследователи практически единодушно считают, что монгольских черт в материальной культуре Золотой Орды очень немного¹⁹⁸. Как признает Г. М. Крамаровский, в археологических материалах кочевнических комплексов основных ордынских территорий XIII–XIV вв. монгольский компонент трудно уловим¹⁹⁹. Самый наглядный археологический признак этнополитических перемен этого времени в степях региона можно связать с исчезновением традиции ставить на курганах «каменные бабы», что, в свою очередь, диагностирует уничтожение культуры половецкой аристократии²⁰⁰. Есть веские основания считать, что монгольские отряды, оседая в иноэтничной среде, как правило, утрачивали свой язык и веру; в Золотой Орде постепенно усилилась роль кыпчацко-половецкого этноса²⁰¹; в степи господствовали диалекты кыпчацкого тюркского языка, а после 1380 г. отюречивается

¹⁹⁶ Тизенгаузен 1884: 235.

¹⁹⁷ Исхаков, Измайлов 2007: 175–180.

¹⁹⁸ Там же: 175.

¹⁹⁹ Крамаровский 2001: 17; 2002: 18.

²⁰⁰ Федоров-Давыдов 1966: 239; 1973: 41.

²⁰¹ Федоров-Давыдов 1966: 247; 1973: 27–28, 171; Каргалов 1967: 61; Кычанов 2002: 82; Королькова 2012: 225.

и двор²⁰². Тем не менее, ордынскую культуру нельзя назвать ни монгольской, ни кыпчацкой. Она сформировалась на основе интенсивного взаимодействия старой кочевнической половецкой линии и новой центральноазиатской, отобранной и адаптированной к потребностям единой империи²⁰³. Среди характерных нововведений этого времени можно назвать седло монгольского типа, детали конского снаряжения, убранство всадника (воинская шапка и пояс), пайцзы и т. д.²⁰⁴ По моему мнению, история монгольского завоевания и формирования культуры Золотой Орды дает материал не только для понимания последствий монгольского завоевания²⁰⁵, но и для серьезного теоретического осмысления этих процессов в более широком контексте.

В научной литературе о кочевниках юга России не очень часто обращают внимание на одно, на мой взгляд, очень важное обстоятельство. После миграции, связанной с татаро-монголами, имело место еще одно передвижение кочевников. Выше уже было сказано (см. гл. 2, разделы «Кочевые империи» и «Динамика степей Евразии»), что в конце XVI в. степи Джунгарии покинули ойраты, предки современных калмыков, направившиеся по степному коридору на запад. Как полагают специалисты, в начале XVII в. к границам России прикочевало около 280 тыс. выходцев из Джунгарии²⁰⁶. Трудно сказать, какими могли быть последствия этого переселения, если бы не

²⁰² Крамаровский 2001: 14; 2002: 16.

²⁰³ Крамаровский 2001: 18.

²⁰⁴ Там же: 21 сл.

²⁰⁵ См.: Алексеев, Бромлей, 1968

²⁰⁶ Бурчинова, Гоголданова 1993: 24.

существовало единое Русское государство и вообще военный баланс между степняками и оседлым населением не изменился коренным образом, но этот вопрос заслуживает специального рассмотрения.

Номады и оседлые народы. Соперничество на поле боя

Выше уже неоднократно говорилось, что номады по причине своей военной силы и мобильности во все времена создавали очень большие проблемы для соседних оседлых народов и государств постоянными набегами или даже масштабными завоеваниями. Оценивая такое положение, следует сразу же решительно отказаться от бытующего представления, что победы кочевнических армий достигались их подавляющим численным перевесом. Факты говорят как раз об обратном. Даже успех татаро-монголов, как было сказано в предыдущем разделе книги, крылся совсем не в сверхмногочисленности их войск²⁰⁷. Дело здесь в ином, и, прежде всего, в том, что культура номадов до известной степени вообще носит милитаризированный характер. Можно полагать, что эта особенность возникла изначально, с момента сложения кочевничества как особого хозяйственно-культурного типа, во всяком случае, уже у скифов труд воина, как свидетельствует Геродот, почитался выше всех других, считался благородным (Herod. II. 167). Ту же самую мысль Аммиан Марцеллин выразил в отношении аланов: «Все, кто по возрасту и полу не

²⁰⁷ Lattimore 1962: 142; Barfield 2002: 16–17; см. также: Гумилев 1992: 518.

годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (Амм. Марс. XXXI. 2. 20). Более того, по существовавшим у кочевников представлениям очень высоко ценилась смерть в бою²⁰⁸. Для подтверждения справедливости этого утверждения приведу еще одну цитату из сочинения Аммиана Марцеллина: «Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они (аланы. — Ю. В.) находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы» (Амм. Марс. XXXI. 2. 22). В «Сокровенном сказании монголов», рассказывающем о жизни Чингис-хана до той поры, когда он стал единственным правителем степной империи, по этому поводу сказано (§ 190):

Разве не лучше для воина-мужа
В битве погибнуть и кости сложить свои
Рядом с сайдаком и луком своим?
(Пер. С. А. Козина)

Постоянная готовность к защите своих стад и кочевий от нападений противника или, наоборот, к набегам на соседние земли — специфические особенности жизнедеятельности кочевых обществ²⁰⁹.

²⁰⁸ Материалы по истории 1984: 64.

²⁰⁹ См.: Абрамзон 1951: 137; Потапов 1954: 79, 82; Толыбеков 1955: 77; Грязнов 1955: 21; Хазанов 1973б: 7;

Развитие военной организации у кочевников, как справедливо отметил В. М. Массон, «по существу органически вошло в образ жизни»²¹⁰, а война, как считают некоторые исследователи, стала для них своего рода промыслом²¹¹.

Кочевническая экономика, в принципе, обеспечивала прекрасную основу для проведения стремительных походов — стада выносливых, неприхотливых и прекрасно подчиняющихся человеку лошадей. Не может быть ни малейшего сомнения также и в том, что боевые качества конников-номадов, так сказать, родившихся в седле и с детства привыкших стрелять из лука, сражаться копьем и т. д., следует признать очень высокими²¹². Плано Карпини писал о монголах, что «все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, начинают ездить верхом и управлять лошадьми и скачут на них, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы»²¹³. Чуть ниже итальянский путешественник отметил, что девушки и женщины у монголов тоже ловко скачут, и ему приходилось видеть, что они носили колчаны и луки.

Отряды столь искусных воинов, имеющих достаточное количество запасных (заводных) коней,

2008: 245, 280; Клейн 1980: 33–34; Марков 1980: 22; Кшибеков 1984: 33; Таскин 1984: 28; Худяков 1985: 107; Крадин 1991: 305; 1992: 62–64, 158; 1993: 197; 1995: 166; Виноградов 2008; Lattimore 1951: 64–65; Khazanov 1984: 222, 263; Gribb 1993: 59; но ср.: Златкин 1973: 70.

²¹⁰ Массон 1989: 88.

²¹¹ Потапов 1954: 82; Клейн 1980: 34.

²¹² Айонс 2002.

²¹³ Плано Карпини 1993: 32.

Рис. 5. Скифы в бою (рисунок М. В. Горелика)

в самые краткие сроки могли преодолеть большие расстояния и нанести удар по противнику в самом уязвимом месте и в самое неожиданное для него время. Неудивительно, что именно фигура воина-всадника стала символом степного нomaдизма, метафорой той необузданной силы, которая время от времени обрушивалась на мир оседлой цивилизации²¹⁴. Ни в коем случае не стоит считать, что эти всадники были вооружены лишь самодельными луками и копьями. Напротив, даже у скифов, основную массу войска которых составляли конные лучники²¹⁵, уже в VI в. до н. э. появилась тяжеловооруженная панцирная конница (рис. 5). Позднее тяжеловооруженных конных воинов, у которых доспехами были защищены также и их кони, стали называть *катафрактрариями*. Само это слово в переводе с древнегреческого можно перевести как «прикрытый

²¹⁴ Барфилд 2009: 62; Barfield 1992: 21.

²¹⁵ Мелюкова 1964; Черненко 1981.

Рис. 6. Орлатская пластина с изображением тяжело-вооруженных всадников (рисунок А. М. Савина)

доспехами». Традиция этой системы вооружения, несомненно, происходит с востока, хотя в научной литературе не утихают споры о времени и месте ее появления. Петербургский археолог В. П. Никоноров пришел к вполне обоснованному, на мой взгляд, выводу, что *катафрактарии* появились у кочевников западной части Центральной Азии как результат их противостояния вторжению армии Александра Македонского²¹⁶. В дальнейшем эта система вооружения получила широкое распространение среди кочевников Евразии. Закованные в панцири всадники представлены на костяной пластине с резными изображениями из Орлатского курганного некрополя

²¹⁶ Nikonorov 1998: 135; Никоноров 2007: 66.

под Самаркандом (рис. 6). Специалисты датируют ее по-разному. Г. А. Пученкова считала, что эта пластина относится к культуре кочевников II–I вв. до н. э.²¹⁷, но логичней считать, что она принадлежит более поздней эпохе — I–II вв. н. э.²¹⁸, возможно, первой половине I тыс. н. э.²¹⁹ В степях Северного Причерноморья *катафрактарии* появились с приходом туда сарматов (см. гл. 3, разделы «Боспор и падение Великой Скифии» и «Последний расцвет Боспорского государства»)²²⁰.

Выработанные в кочевнической среде приемы ведения боя, в частности, знаменитый «парфянский выстрел», когда конники, «убегая» от противника, вели интенсивную стрельбу из луков назад, как и некоторые другие их изобретения на этом поприще, были непривычны для войск земледельцев. Создавая видимость отступления, кочевники наносили своим преследователям немалый урон, к тому же в нужный момент они могли повернуть назад и всей своей силой обрушиться на потерявшие строй, оторвавшиеся от основных сил отряды противника. Вообще тактические приемы проведения сражений, связанные с охватом конницей флангов неприятельской армии, заходом ей в тыл, с притворным отступлением, устройством засад и т. д., как правило, вели к победам номадов. В связи с этим следует напомнить сентенцию арабского мыслителя XIV в.

²¹⁷ Пугаченкова 1989: 152–154.

²¹⁸ Маслов 1999: 229; Ilyasov, Rusanov: 130.

²¹⁹ Никоноров, Худяков 1999.

²²⁰ Хазанов 2008б: 156–170; ср.: Симоненко 2010: 245–251.

Ибн Халдуна²²¹, гласившую, что в столкновении двух равных по численности армий преимущество будет на стороне той, в составе которой больше кочевников. Этот мыслитель, в частности, отмечал также, что «войску правителя более полезны те, кто ближе к бедуинской жизни и ее суровости, чем те, кто воспитан в условиях городской жизни»²²².

Необходимо признать, правда, что намного раньше арабского ученого сходная мысль была высказана древними греками. Геродот приписывал персидскому царю Киру слова, что «в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов». Далее «отец истории» отметил, что персы прислушались к мнению своего вождя и «предпочли, сами владея скудной землей, властвовать <над другими народами>, чем быть рабами на тучной равнине» (Herod. IX. 122; пер. Г. А. Стратановского). Геродот при этом специально обратил внимание, что часть персидских племен вела кочевой образ жизни (Herod. I. 125). Подобные свидетельства имеются и для относительно позднего времени. Обращаясь к более близким нам реалиям, стоит привести свидетельство Жака Маржерета, завербовавшегося на русскую военную службу с 1600 г. Этот офицер со знанием дела писал о татарах, что «сотня их всегда обратит в бегство двести русских, если только это не будут лучшие воины»²²³.

²²¹ См. о нем: Игнатенко 1980; Бациева 1982.

²²² Бациева 1982: 352.

²²³ Россия XV–XVII вв. 1986: 523.

Сложившаяся ситуация представляется несколько парадоксальной, поскольку экономическая и социальная отсталость кочевников по сравнению с оседлыми обществами оборачивалась их военным преимуществом²²⁴. В научной литературе тезис о преимуществе номадов над армиями оседлых обществ оспаривается редко²²⁵. Такая ситуация представляется вполне закономерной, и объяснение ей, по всей видимости, следует искать не в стремлении сторонников этой концепции казаться оригинальными, а в ограниченности узко регионального взгляда на проблему. Большинство исследователей не выражают сомнений в том, что военное преимущество номадов являлось одним из определяющих факторов истории в древности и Средневековье. Это положение изменилось лишь в Новое время с его революцией в области военного дела и вооружений. Крупный специалист в области изучения номадизма А. М. Хазанов справедливо указывает на то, что до этой революции оседлые государства были не в состоянии найти сколь-либо надежное решение военной проблемы, связанной с защитой от нападений кочевников²²⁶. Чаще всего это решение, в какой-то степени обеспечивающее мир и спокойствие, находилось в выплате дани определенной группе номадов с таким расчетом, чтобы те защищали земледельческие

²²⁴ Хазанов 2002: 44.

²²⁵ Asad 1973: 71; ср.: Cole 1981: 131–133.

²²⁶ Хазанов 2002: 55; 2008: 245–246; Khazanov 1984: 222–223; ср.: Дигар 1989: 47; Крадин 1993: 196; 1995б: 166; Першиц 1994: 132; Lattimore 1951: 333; 1962: 151; Clutton-Brock 1992: 76.

территории от нападений других номадов²²⁷, но и такой заслон отнюдь не всегда был надежен²²⁸.

Никакие договоры и выплаты не гарантировали земледельцам полного спокойствия на границах их владений; нападения номадов, пусть в некрупных масштабах, все равно продолжались. Любопытно, что такую ситуацию описывают авторы, абсолютно различные по культуре и времени жизни: греческие мыслители, китайские хронисты, европейские путешественники. В диалоге «Токсарид или дружба» Лукиан Самосатский, древнегреческий писатель-сатирик (около 120–190 гг.), написал, что на территорию Боспорского государства нападение совершали отдельные отряды скифов, которые названы «разбойниками», так что за их действия остальные скифы ответственности не несли (Лус. Тох. 49). В китайских источниках описывается аналогичная ситуация. Посланники императора задали вопрос шаньюю хуннов, почему вопреки имеющемуся договору на границы империи продолжаются нападения. Шаньюю в ответ на это заявил, что набеги производят «негодяи из народа», которые поступают подобно мятежникам в Китае²²⁹. Сравнивая своих «негодяев из народа» с китайскими мятежниками, он, конечно, указывал на то, что те не подчиняются центральной власти, а значит, его вины в их действиях нет и быть не может. В значительно более позднее время Г. Л. Боплан, французский военный инженер и картограф, находившийся на польско-литовской служ-

²²⁷ Хазанов 2002: 55; 2008: 245–246; Khazanov 1984: 222–223.

²²⁸ Lattimore 1962: 147.

²²⁹ Бичурин 1950а: 110.

бе до 1648 г., в своем «Описании Украины» отметил, что весьма опасные набеги на соседей производятся «татарскою вольницею», обитавшей на Бужакской равнине между устьями Днестра и Дуная и не подчинявшейся ни хану крымскому, ни султану турецкому²³⁰. Такие «вольницы», надо полагать, существовали в степных анклавах всегда, что в значительной степени осложняло нормальное сосуществование номадов с оседлыми обществами.

Некоторые советские исследователи полагали, что рядовые скотоводы отправлялись в поход по воле своих племенных вождей без особой охоты, чуть ли не насильно. Как писал А. М. Бернштам, воинская повинность для кочевников была своеобразной формой эксплуатации²³¹, или, по словам И. Я. Златкина, «трудящиеся-кочевники не были заинтересованы в войнах»²³². Современные исследования демонстрируют противоположную ситуацию: для рядовых номадов война была важным, а нередко и единственным способом поддержать экономическую независимость и достойное существование, а для обедневших кочевников — достичь его. Рядовые номады порой даже оказывали давление на вождей, требуя от них организовать поход против кого-нибудь из соседей²³³.

Военная угроза со стороны номадов для оседлых обществ и государств была, так сказать, постоянным фактором, и удар с их стороны, как уже говорилось, мог быть нанесен в любое, самое неожиданное для

²³⁰ Боплан 1832: 53.

²³¹ Бернштам 1946: 128; ср.: Кычанов 1997: 297.

²³² Златкин 1973: 70.

²³³ Крадин 1993: 202–203; 2002: 119.

земледельцев время. Для понимания особенностей грабительских походов кочевников против оседлых обществ важное значение имеют рассказы европейцев о Крымском ханстве²³⁴. Все они, в общем, солидарны в том, что набеги татар можно было бы отразить, «если бы не их уловки, хитрость и коварство»²³⁵. Справедливость этих слов в полной мере подтверждает опыт борьбы России с Крымским ханством вплоть до XVIII в.²³⁶ Чрезвычайно показательным в этом отношении является суждение церковного писателя XII в. Евстафия Солунского о набегах половцев на византийские земли. Он называл этих кочевников народом скифским и писал о нем: «В одно и то же время он близок и уже далеко отступил. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз»²³⁷. Подготовиться и достойно встретить столь подвижного врага было почти невозможно.

По этой причине кочевники, угрожая нападением, часто шантажировали своих соседей, требовали у них выплаты «обычной» дани или же откровенно вымогали сверхординарные «подарки» и пр. Надо признать, что оседлые государства очень часто шли на такие выплаты, поскольку были не в состоянии эффективно противостоять неожиданным ударам кочевников. Даже могучий Китай, как уже частично говорилось выше, вынужден был проводить именно такую политику. Т. Барфилд в связи с этим заметил, что, в принципе, китайцы

²³⁴ См.: Боплан 1823: 43–44, 47–58; Де-Люк 1879: 480–481; Д'Асколи 1902: 123–124; Литвин 1994: 65–66.

²³⁵ Литвин 1994: 68.

²³⁶ Полин 1994: 89–92.

²³⁷ См.: Васильевский 1872: 120.

могли придерживаться по отношению к степнякам трех вариантов поведения:

1. Укреплять границы и игнорировать требования номадов.

2. Атаковать кочевников в открытой степи.

3. Замирить номадов с помощью договоров, обеспечивающих для них поступление крупных субсидий и открытие пограничной торговли²³⁸.

Каждый из этих трех вариантов имел свои плюсы и минусы, тем не менее, китайцы, обладая людским и экономическим потенциалом, намного превосходящим кочевников, имея хорошо оснащенную, многочисленную армию и т. п., вынуждены были предпочитать именно третий и, казалось бы, самый дорогостоящий, невыгодный для себя вариант. Однако большая война со степняками стоила еще дороже, поскольку требовала снаряжения огромных армий, введения новых налогов и т. д.²³⁹, к тому же она совсем не гарантировала безусловной победы над врагом. Почти 150 лет назад В. Г. Григорьев указывал, что удача в таких войнах могла быть достигнута в двух случаях: во-первых, когда кочевники страдали от неблагоприятных условий (бескормица, падеж скота и пр.), а во-вторых, когда союзниками земледельцев или руководителями их войск выступали сами кочевники, точнее, те их группировки, которые были враждебны противникам земледельцев²⁴⁰. Это мнение уважаемого исследователя, безусловно, заслуживает самого серьезного внимания.

²³⁸ Barfield 2001: 16.

²³⁹ Op. cit.: 17.

²⁴⁰ Григорьев 1875: 22–23.

Нет сомнения, что относительно долговременный успех Китаю могла бы гарантировать молниеносная победоносная война, но достичь такого результата было чрезвычайно трудно. Дело в том, что кочевники могли просто уклониться от боевых действий, отойдя от границ империи вглубь степи²⁴¹, обрекая армию вторжения на мучительные, смертельно опасные блуждания по незнакомой территории. Типичный сценарий такой войны с плачевным результатом для нападающей стороны, как хорошо известно, описан еще Геродотом в истории похода персидского царя Дария против скифов Северного Причерноморья (Herod. IV. 83–143)²⁴². «Отец истории» описал также поход Кира против среднеазиатских кочевников (массагетов), который закончился разгромом персидской армии и гибелью царя (Herod. I. 201, 205–214)²⁴³. Не менее печальная судьба ожидала в 331 или 330 г. до н. э. Зопириона, полководца Александра Македонского, о походе которого в Скифию и об осаде им Ольвии сохранились обрывочные сведения у древних авторов (Just. XII. 2. 16; Macrob. Saturn. I. 11. 32; Oros. IV. 19. 4; Curt. X. 1. 43–44). Мы знаем, что этот поход был описан в сочинении историка Помпея Трога, но его труд не сохранился. Тем не менее, о содержании этого исторического повествования можно судить на основании «Эпитомы», т. е. краткого изложения, составленного Юстином. В «Эпитоме сочинений Помпея Трога» говорится, что Зопирион погиб

²⁴¹ Lattimore 1962: 147.

²⁴² О нем см.: Мазетти 1982; Черненко 1984; Эдаков 1986; Полин 1994; Алексеев 2003: 162; Красножон 2006; Shahbazi 1982; Gardiner-Gerdner 1987.

²⁴³ Пьянков 1964; 2013: 446 сл.

в Скифии вместе со всем своим войском (Just. XII. 2. 16). Современные исследователи трактуют обстоятельства этого похода по-разному²⁴⁴, однако слава победы над Зопирионом, как правило, связывается со скифами.

О трудностях войн с кочевниками, как уже говорилось, свидетельствует история Китая. Важнейший принцип китайской политики по отношению кномадам хорошо сформулирован в одном документе, датированном 140 г. В нем говорится: «Срединное государство спокойно и давно уже не знает войны. Противопоставив неприятелю лучшую конницу в поле, под тучею стрел решать победу — вот в чем в настоящее время состоит *преимущество кочевых иноземцев, а слабость Срединного государства* (выделено мною. — Ю. В.). С тугим самострелом сидя на городской стене или в крепком окопе, упорно держаться и выжидать, пока неприятель ослабнет — вот в чем состоит *преимущество Срединного государства, а слабость кочевых иноземцев* (выделено мною. — Ю. В.). Надобно более стараться о том, в чем преим�ществуем, и смотреть на последствия; установить подкупы, открыть награды и обнародовать это для раскаивающихся...»²⁴⁵ В приведенном документе, как видим, основной упор в противостоянииномадам делается на надежность крепостных стен и на систему подкупа кочевой аристократии. С последним тезисом все понятно, и особые сомнения в необходимости коррумпирования потенциального

²⁴⁴ См.: Доманский 1985; Виноградов Ю. Г. 1989: 150 сл.; Гаврилюк, Черненко 1991; Самойлова 1993; Алексеев 2003: 243–245; Виноградов 2020²: 126–138.

²⁴⁵ Бичурин 1950а: 135.

врага вряд ли могут возникнуть. Столь же беспопорен и первый обозначенный в документе тезис, хотя всем известно, что абсолютно неприступных крепостей не существует, любая из них может быть захвачена тем или иным способом, но для этого нападающая сторона должна иметь большой практический опыт, набор осадных машин и т. п. Понятно, что и номады могли захватить хорошо укрепленные города неожиданным ударом, когда, к примеру, стража не успевала закрыть городские ворота; русские летописи называли такие нападения «изъездом»²⁴⁶. Если же такого не происходило, городские ворота были закрыты, а защитники, стоя на крепостных стенах, проявляли должную волю к противостоянию врагу, то кочевники приступали к пассивной осаде, перекрывая все пути, связывавшие город с внешним миром; опять же следуя русским летописям, такой способ действий можно назвать «обложением»²⁴⁷. Как показывают многочисленные исторические факты, номады не умели вести правильную осаду и штурм крепостей. В случае, если к защитникам города подходили крупные подкрепления, отряды кочевников немедленно отступали.

В. В. Каргалов, на мой взгляд, сильно преувеличил реальное положение дел, когда, описывая вторжение гуннов на запад, отметил, что стены европейских городов не выдержали ударов гуннских стенобитных орудий²⁴⁸. На самом раннем этапе своего пребывания в Европе эти кочевники предпочитали преодолевать

²⁴⁶ Кучера 1987: 171.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Каргалов 1967: 7.

вражеские укрепления за счет неожиданных стремительных ударов²⁴⁹. Аммиан Марцеллин даже отметил, что никогда не приходилось видеть, чтобы гунны штурмовали укрепления (Amm. Marc. XXXI. 2.8). При Аттиле, однако, от их нападений уже не могли устоять никакие оборонительные сооружения (Iord. Get. 210), и это следует связывать с тем, что царь гуннов активно использовал на своей службе пленных и дезертировавших к нему римских военных специалистов²⁵⁰. Из любого правила, конечно, имеются исключения²⁵¹, но они не отменяют самого правила. Арабы, по мнению Н. В. Пигулевской, вообще не могли брать обнесенные неприступными стенами города Месопотамии и Сирии, более того, они даже были не в силах справиться с самыми невысокими оборонительными стенами²⁵², что, впрочем, не помешало им провести грандиозные завоевания.

Татаро-монголы до покорения Китая тоже не умели штурмовать города и не имели для этого специальных приспособлений²⁵³. Правда, позднее они с успехом применяли осадные орудия: катапульты, тараны, зажигательные снаряды с нефтью и пр.²⁵⁴, что в немалой степени облегчило для них борьбу с земледельческими государствами. Осадные машины при этом использовались монголами весьма искусно: при

²⁴⁹ Никоноров 2002а: 275.

²⁵⁰ Там же: 248, 276.

²⁵¹ См.: Артамонов 2002²: 95; Никоноров 2002а: 275–276, прим. 77.

²⁵² Пигулевская 1964: 225.

²⁵³ Вернадский 1997: 41.

²⁵⁴ Рашид ад-Дин 1946: 42–43, 49, 55–57; 1952: 201–202, 216, 224; Шихаб ад-Дин 1996: 94.

необходимости камнеметы устанавливались на кораблях²⁵⁵, в случае отсутствия камней для катапульт рубились и распиливались большие деревья²⁵⁶. Последнее свидетельство может показаться несколько фантастическим, поскольку на первый взгляд представляется вполне очевидным и почти бесспорным, что деревянные метательные снаряды не представляют угрозы для мощных городских укреплений. Однако в действительности все было не так просто. Шихаб ад-Дин, рассказывая об осаде Хорезма, сообщает: «Когда они (татаро-монголы. — Ю. В.) увидели, что в Хорезме и его области нет камней для катапульт, они нашли там в большом изобилии тутовые деревья с толстыми стволами и большими корнями. Они стали вырезать из них круглые куски, затем размачивать их в воде, и те становились тяжелыми и твердыми как камни. [Татаро-монголы] заменили ими камни для катапульт»²⁵⁷.

Оценивая эти факты, следует признать, что большой опыт в осадных технологиях накапливался монголами постепенно, по мере боевых действий против оседлых государств²⁵⁸. Не совсем правильно при этом считать, что татаро-монголы просто научились у китайцев, переняли у них приемы осады городов и необходимые для этого орудия²⁵⁹. Почти нет сомнений, что осадные орудия приводили в действие не воины-кочевники, а китайские, иранские и прочие

²⁵⁵ Рашид ад-Дин 1946: 42.

²⁵⁶ Раши ад-Дин 1946: 42; 1952: 215.

²⁵⁷ Шихаб ад-Дин 1996: 131–132; пер. З. М. Бунятова.

²⁵⁸ Храпачевский 2004: 211–212.

²⁵⁹ См.: Каргалов 1967: 77.

специалисты. В летописи Рашид ад-Дина говорится, что в случае необходимости в Китай посылали гонцов с требованием доставить необходимое число «камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков»²⁶⁰. Весьма любопытны также свидетельства Шихаб ад-Дина о боевых действиях в Хорасане. По его словам, всякий раз, когда татарский отряд нападал на какую-нибудь местность, «он собирал людей из окрестных деревень и двигался с ним к городу, где их силами ставили катапульты и пробивали бреши в стенах, пока не овладевали городом»²⁶¹. У этого автора находим также рассказ о перебежавшем к татарам хорасанце Хабаше, которого те «поставили во главе вероотступников и поручили ему установку катапульт и управление пехотинцами»²⁶².

Несмотря на великолепную оснащенность своего войска, татаро-монголы прекрасно понимали сложность проведения военных кампаний, связанных с осадой городов, и часто приказывали побежденным срывать крепостные стены²⁶³. Такая практика, впрочем, была характерна не только для кочевников, — история Древней Греции тоже дает немало подобных примеров (см.: Thukid. III. 50. 1; IV. 51. 1; V. 83.2; Plut. Alk. 37; Plut. Lis. 14–15). Марко Поло, путешествуя по Китаю, заметил, что монголы запретили тамошним городам иметь оборонительные стены²⁶⁴. Католический монах Юлиан, очевидец татаро-монгольского вторжения в Европу, считал

²⁶⁰ Рашид ад-Дин 1946: 23.

²⁶¹ Шихаб ад-Дин 1996: 92; пер. З. М. Бунятова.

²⁶² Там же: 93.

²⁶³ Рашид ад-Дин 1946: 29, 34, 39, 47.

²⁶⁴ Книга Марко Поло 1956: 280.

характерной для них чертой ведения войны то, что «на укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок»²⁶⁵, но это свидетельство, в чем-то схожее с приведенными выше рассказами Шихаб ад-Дина, отражает несколько иной аспект данной проблемы.

Типичным способом защиты земледельческих народов от нападений кочевников было возведение всякого рода стен и валов, отсекающих пути нападения номадов на жизненно важные центры земледельческих государств. В качестве примеров такой практики можно привести Великую Китайскую стену, Дербент, русские засеки и т. д.²⁶⁶ О древности такой практики можно судить из рассказа Геродота о возвращении скифов из Азии в Северное Причерноморье и об их борьбе с потомками «слепых рабов» (Herod. IV. 3). Последние, как известно, вырыли широкий ров (τάφρος) от Таврских (Крымских) гор до Меотийского озера (Азовского моря), т. е. отсеки Восточный Крым. «Отец истории» писал только о рве, но, разумеется, трудно представить, чтобы добытая при этом земля не была использована для сооружения вала. Для подкрепления такого предположения стоит привести более позднее свидетельство — арабский писатель X в. Ибн-Даст отметил, что хазары, опасаясь нападений мадьяр и других соседних народов, «окапывались против них рвами»²⁶⁷. Он, как видим, подобно Геродоту о валах тоже не упоминает.

²⁶⁵ Аннинский 1940: 88.

²⁶⁶ Григорьев 1875: 19.

²⁶⁷ См.: Хвольсон 1868: 669. IV. § 3.

Наиболее известным примером пограничных защитных сооружений является римский *лимес*, т. е. серия укреплений, возведенных на рубежах империи, чтобы защитить ее от нападений варваров. Она возникла не сразу и постепенно стала окружать почти весь бассейн Средиземноморья. По выражению Я. Ле Бозка, *лимес* включал в себя «оборонительные линии», т. е. длинные стены вроде Великой Китайской стены в миниатюре, и «оборонительные пункты», т. е. башни, укрепления и крепости²⁶⁸. В контексте взаимоотношений империи с кочевниками наибольший интерес представляет дунайский *лимес*, линия которого неоднократно была прорвана варварами²⁶⁹.

Для времени Византийской империи следует напомнить о *фемах* — областях с военизированной системой управления, система которых сложилась в VII в.²⁷⁰ На Балканах *фема* Фракия должна была защищать империю от натиска славян и болгар, *фема* Эллада — от славян²⁷¹.

В отношении Руси в список защитных сооружений, расположенных на границе со степью, следует добавить так называемые Змиевы валы, возведенные в Среднем Поднепровье, как считается, в конце X — первой половине XI в. Они располагались своего рода лабиринтом на наиболее опасном киевском направлении и, по заключению М. П. Кучеры,

²⁶⁸ Ле Бозк 2001: 225–226; см. также: Коннолли 2000: 297; Isaac 1988; Whittaker 1997.

²⁶⁹ Бондарь 1998; Колосовская 2000.

²⁷⁰ См.: Успенский 1900: 1–4, 34 сл.; Кулаковский 1915: 399–418, 387–398; Васильев 1917: 214–216; Осипова 1967: 33–35, 39; Науменко 2016.

²⁷¹ Васильев 1917: 216.

были «серьезным препятствием, широким фронтом перекрывавшим пути для проникновения подвижной легкой конницы»²⁷². По мнению исследователей, Змиевы валы были не только защитой от конных отрядов кочевников, но и препятствием для прогона их стад, не дававшим возможности расширить кочевья на север²⁷³.

Любопытно, что и сами кочевники использовали этот же способ защиты при войнах со своими соплеменниками. К примеру, когда у татаро-монголов разгорелась борьба между Хулагидами и Джучидами, хан Абака приказал построить вал и вырыть глубокий ров с северной стороны от Куры. Для защиты этих укреплений от нападений золотоордынских войск был выделен специальный отряд²⁷⁴.

Достаточно обычной практикой следует признать также расселение части кочевников на границах земледельческих государств. Им, естественно, вменялась в обязанность охрана и защита этих рубежей от степняков, но мероприятия такого рода не всегда приводили к успеху. Хороший пример из истории Византийской империи представляет акция Константина Мономаха, который попытался расселить печенегов на землях к западу от Дуная, имея надежду использовать печенежскую конницу в борьбе против турок-сельджуков. В. Г. Васильевский по этому поводу заметил: «Печенеги, живя среди болгарского населения под управлением своих родовых князей, признавая в то же время верховные права империи,

²⁷² Кучера 1987: 171; ср.: Михайлова 2006: 67.

²⁷³ Кучера 1987: 185; Толочко 1999: 67.

²⁷⁴ Тизенгаузен 1884: 204; 1941: 76, 82; Рашид ад-Дин 1960: 68; см.: Закиров 1966: 16.

не могли, конечно, сделаться вдруг оседлыми и спокойными подданными. Время от времени их бродячие шайки пускались грабить своих соседей и не церемонились выходить за границы земель, им указанных для кочевий»²⁷⁵.

Сходный опыт в истории Киевской Руси представляют «свои поганые»: торки, берендеи и др., объединившиеся в союз «Черных клобуков»²⁷⁶. Расселенные в южнорусском пограничье, они, однако, были не очень надежными подданными. Русские князья стремились к их безусловному подчинению, те же всеми силами пытались сохранить свою независимость или федеративную форму взаимоотношений. На этой почве неоднократно возникали конфликты²⁷⁷.

Для более позднего времени весьма любопытна информация Адама Олеария о взаимоотношениях русского царя с астраханскими татарами. Они не платили налогов, но по первому царскому требованию должны были выступить в военный поход, что, впрочем, те делали охотно в надежде на добычу, которая у них являлась «лучшим источником богатства»²⁷⁸.

О том же самом свидетельствует история взаимодействий Китая с вассальными объединениями кочевников. В исторической перспективе такие взаимоотношения никогда не были особенно стабильными²⁷⁹. Жесткий контроль подвижного мира кочевых племен

²⁷⁵ Васильевский 1872: 137.

²⁷⁶ О них см.: Плетнева 1958: 218–219; 1973; Михайлова 2006: 74, 79–83.

²⁷⁷ Толочко 1999: 81, 84.

²⁷⁸ Россия XV–XVII вв. 1986: 462.

²⁷⁹ Lattimore 1951: 79.

вряд ли был по силам даже могучей Китайской империи, а вмешательство в их споры и междоусобицы вообще могло привести к краху всей системы вассальных отношений. В общем, «пограничные люди» были готовы принять формальную сторону подчинения земледельческим государствам, но его содержание было для них абсолютно чуждо. Поэтому неудивительно, что в глазах земледельцев они всегда сохраняли репутацию дерзких и коварных варваров²⁸⁰.

О больших проблемах, с которыми сталкивались армии оседлых государств в борьбе со степняками, уже говорилось выше. Тем не менее, С. А. Плетнева в истории средневековой Руси сумела указать на ряд удачных военных акций против половцев²⁸¹. По ее мнению, это могло иметь место лишь тогда, когда русским князьям стали хорошо известны маршруты сезонных перекочевок номадов, районы их зимних пастбищ и т. д. Успех походов вглубь степей обеспечивало то, что удары наносились весной, когда кочевники еще не оправились от тяжелой для скотоводов зимы, когда их стада были отягчены молодняком, т. е. когда номады теряли свою подвижность²⁸². Признавая справедливость выводов

²⁸⁰ Барфилд 2009: 35; Barfield 1992: 3.

²⁸¹ Плетнева 1981: 58; 1982: 30, 57–58; ср.: Толочко 1987: 163; 1999: 112; Михайлова 2006: 103–104.

²⁸² Оптимальным временем для походов кочевников против земледельцев была, конечно, осень. Тогда труды животноводческого цикла в значительной степени были закончены, кони были сильны, а земледельцы уже убрали свои поля, и у них было чем поживиться. См.: Барфилд 2009: 66; Barfield 1992: 24.

авторитетной исследовательницы, следует подчеркнуть, что такие походы без знания районов зимних пастбищ номадов вряд ли имели особые шансы на успех. Впрочем, задолго до С. А. Плетневой, еще во второй половине XIX в., к сходному выводу пришел М. А. Терентьев, оценивавший современные для него результаты российского проникновения в Среднюю Азию. Один из важнейших выводов, связанных с этим проникновением, сводился к тому, что «ни султаны правители, ни летучие отряды, ни кротость, ни жестокость, ни дипломатия, ни сила — ничто не в состоянии подчинить нам киргизов, пока их летовки и зимовки не будут в наших руках»²⁸³. Неудивительно, что этим кочевникам было запрещено продавать оружие²⁸⁴.

В отношении вооружения стоит сделать небольшое отступление. Адам Олеарий отметил, что астраханские татары страдали от зимних нападений кочевников, обитавших за рекой Яик (Урал). Они свои набеги совершали в то время, «когда вода замерзнет и везде оказывается удобным перебежать через нее». Чтоб татары могли более успешно отражать эти нападения, «им в это время из русской оружейной палаты выдаются ружья и другое военное снаряжение, которое они в начале лета опять возвращают. Другого оружия они не имеют права держать при себе»²⁸⁵.

Подводя итог сказанному, следует признать, что для противостояния натиску из степей оседлые

²⁸³ Терентьев 1875: 13.

²⁸⁴ Россия первой половины XIX в. 1991: 682.

²⁸⁵ Россия XV–XVII вв. 1986: 461.

народы и государства вынуждены были напрягать все свои силы, используя как военные, так и дипломатические факторы, активно подкупая кочевую аристократию, переманивая часть номадов на свою сторону и т. д. Военное противостояние, однако, не исчерпывает всего спектра взаимоотношений двух миров, и представление об истории кочевников как о серии бесконечных войн и перемещений из одной области в другую²⁸⁶, в общем, несколько преувеличено. Войны сменялись периодами относительного затишья²⁸⁷. Выше говорилось, что период «завоевания родины» у номадов сменялся относительно стабильным и в плане взаимоотношений с оседлыми земледельческими народами сравнительно конструктивным этапом (см. гл. 2, раздел «Динамика степей Евразии»). Тогда чрезвычайно важную роль начинали играть мирные экономические связи, которые, однако, тоже отличались значительным своеобразием.

Номады и земледельцы. Мирные контакты

Периоды замирения степи ни в коем случае нельзя признать ни абсолютно спокойными, ни слишком продолжительными. Даже если между номадами и земледельческими государствами имелись соответствующие договоры о размерах дани, количестве и качестве подарков, поставляемых в ставки владык степей, и т. д., напряжение могло возникнуть в любой

²⁸⁶ Лашук 1973: 88.

²⁸⁷ Марков 1981: 86.

момент. Один из хуннских вождей, к примеру, угрожал китайцам, что в случае недостаточности или дурного качества этих подарков на них осенью будет послана конница «потоптать хлеб на корню»²⁸⁸. Этот пример с полной наглядностью доказывает, что выплаты кочевникам со стороны оседлого населения, в данном случае выступающие в форме подарков, играли важную роль для предотвращения ненужных земледельцам войн²⁸⁹.

В этом отношении понятней становится поведение татарских послов при дворе московского царя. Адам Олеарий по этому поводу записал: «Такие посольства, как говорят, присылаются ежегодно <...> татарами, хотя никаких важных предложений они и не делают. Приезжают они больше всего ради одежды и подарков, зная, что всегда им дадут чего-нибудь»²⁹⁰. В другом месте своего сочинения немецкий путешественник на эту проблему взглянул более глубоко: «Отдаленные татары, со стороны которых он (русский царь. — Ю. В.) часто должен ожидать нападений, приходят ежегодно посольствами и получают деньги; ему как бы приходится покупать у них мир»²⁹¹.

²⁸⁸ Бичурин 1950а: 59.

²⁸⁹ Некоторые подарки кочевникам с современной точки зрения могут показаться не очень ценными, но здесь многое зависело от уровня контактов. К примеру, тобольский воевода одарил калмыцких послов такими предметами роскоши: медный таз, оловянное блюдо, костяной гребень и шкурки черных лисиц. См.: Богоявленский 1939: 90.

²⁹⁰ Россия XV–XVII вв. 1986: 319.

²⁹¹ Там же: 375.

О том, какими представлялись кочевникам, так сказать, идеальные взаимоотношения с земледельцами, могут свидетельствовать слова аварского посланника, сказанные византийскому императору Юстиниану, какими их передал историк Менаандр Византиец: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противника. И потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; но они только в таком случае будут в дружеских связях с римскою державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно, и будут поселены тобою на плодоносные земли»²⁹².

Варвары, как видим, наряду с прочим, требовали наделения их плодородными землями²⁹³. О системе использования кочевников в качестве щита на границах оседлых государств говорилось в предыдущем разделе. О подарках кочевникам от правителей оседлых государств тоже говорилось, когда речь шла о контактах Китая со степняками (см. гл. 2, раздел «Восток и запад степного коридора. Сходство в различии»). Тем не менее, стоит сказать, что аварам, по свидетельству того же историка, были направлены «цепочки, украшенные золотом, и ложа, и шелковые одежды, и множество других вещей, которые смогли бы смягчить души, исполненные надменности»²⁹⁴. При императоре Юстине Младшем в Византию вновь

²⁹² Византийские историки 1860: 322, отрывок 4.

²⁹³ Император Юстиниан, как известно, позволил гуннам-кутригурам расселиться во Фракии (Procop. BG. IV. 19. 8).

²⁹⁴ Византийские историки 1860: 325, отрывок 5.

прибыло посольство от аваров, и вновь прозвучали знакомые нам требования: «Мы пришли сюда взять то, что по обыкновению нам следует, и знай, что невозможно нашему владельцу быть в дружбе с тобою и с римскою державою, пока не будут ему выданы те подарки, за которые он решился не поднимать оружие против римлян»²⁹⁵. Император на это ответил, что авары «через меру возгордились» и что подарки они получают «в награду за службу, а не вместо дани»²⁹⁶.

В отношении подарков необходимо добавить несколько слов, поскольку в архаических обществах они являлись характерной и даже универсальной формой обмена²⁹⁷. С формальной стороны этот обмен состоял из трех элементов: давать — брать — возвращать, при этом компенсирующий дар (возвращение) был весьма и весьма важен. Поскольку в даре была заложена, как тогда считалось, магическая сила дарителя, то «отдарок» был абсолютно необходим, при этом он должен был быть, по меньшей мере, равноценным подарку. Отсутствие или неполнота возврата ставили получателя в зависимое положение по отношению к дарителю, это могло привести к возникновению враждебности и даже войнам. Есть все основания считать, что система «подарок — отдарок» являлась целостным социальным феноменом, благодаря которой сохранялся мир, достигались взаимоотношения дружбы и солидарности²⁹⁸.

²⁹⁵ Там же: 358, отрывок 14.

²⁹⁶ Там же: 358–359, отрывок 14.

²⁹⁷ См.: Мосс 1996: 83 сл.

²⁹⁸ Кривошеев 2006: 179–180.

Полностью соглашаясь с этим выводом, невольно обращаешь внимание на то, что в исторических источниках можно найти немало примеров, так или иначе связанных с подарками кочевникам со стороны оседлых государств, а вот свидетельств об их «отдарках» не очень много. Тем не менее, в китайских источниках такие данные имеются. Императрица Люйхоу, к примеру, отправила шаньюю сюнну две императорские повозки и две четверки лошадей. «Шаньюй ответил 1000 голов лошадей; после этого сюнну, заключив мир и родство, стали равным [Китаю] государством»²⁹⁹. Другой пример — князь Усунь договорился с императорским двором, что ему будет дана в жены княжна императорского рода, за это были представлены «сговоренные дары» в размере 1000 голов лошадей³⁰⁰. Китайская письменная традиция сохранила в высшей степени показательный рассказ о разговоре, состоявшемся между императором Поднебесной Гао-цзы (471–499 гг.) и его посланником к номадам. Чиновник заметил, что варвары вели себя очень неучтиво и по этой причине надо бы отказаться от их подарков. Император в ответ на это сказал: «Подношение предметов, выращенных на поросших травой землях, — постоянное правило для наших слуг. Отказаться от его подношений — значит оттолкнуть его от себя. Тогда, если бы он захотел исправиться, дорога к этому для него была бы закрыта»³⁰¹. По той же самой причине некоторые варварские вожди,

²⁹⁹ Кюнер 1961: 156.

³⁰⁰ Там же: 120.

³⁰¹ Материалы по истории 1984: 225; пер. В. С. Таскина.

совершившие неугодные для Китайской империи деяния, порицались, но все-таки получали обычные дары, к примеру, 120 кусков шелковых тканей³⁰².

В Северном Причерноморье все обстоит не совсем так. Тем не менее, о подарках варварам можно судить на основании ольвийского декрета в честь Протогена (IOSPE. I². 32). Из этого эпиграфического документа известно, что Ольвию донимал поборами Сайтафарн, царь сайев, в которых обычно видят царских сарматов³⁰³. В трудное для города время настоящим «спасителем отечества» выступал Протоген, о деяниях которого стоит привести несколько выдержек из декрета в переводе В. В. Латышева. В самом начале документа говорится, что «когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит³⁰⁴ и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он по просьбе народа дал 400 золотых». Чуть ниже читаем, «<...> когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его (народа. — Ю. В.) стесненным обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых». В другом месте декрета сказано: «<...> когда царь Сайтафарн явился на ту сторону³⁰⁵ за дарами и архонты, созвав народное собрание, объявили о прибытии царя и о том, что в казне нет никаких сумм, Протоген, выступив, дал 900 золотых». Далее говорится, что он вошел

³⁰² Материалы по истории 1984: 225.

³⁰³ Мачинский 1971: 47; Смирнов 1981: 8; 1984: 119; Виноградов 1999а: 76.

³⁰⁴ Локализация этого пункта до сих пор не ясна.

³⁰⁵ Под «той стороной», очевидно, понимается восточный берег Бугского лимана.

в посольство, которое должно было доставить собранные средства царю. Однако тот, «недовольный дарами, разгневался и выступил в поход». Очевидно, Протогену стоило немалых трудов и дополнительных трат, чтобы отвести угрозу от родного города, но об этом мы ничего не знаем.

Картина, обрисованная в декрете, на мой взгляд, очень показательна. Царь сайев требовал подарков даже за то, что проезжал мимо Ольвии, т. е., как можно полагать, не совершал нападения на нее. Очевидно, таким же сугубо грабительским образом к ольвиополитам относились и другие предводители кочевников в подобных ситуациях. Вот только об «отдарках» с их стороны в исторических источниках сведений нет вообще. Во всяком случае, мне они неизвестны. Конечно, можно допустить, что какой-нибудь вождь номадов послал щедрому боспорскому или ольвийскому дарителю пару коней или стадо овец, но это допущение является чисто умозрительным. Закономерно возникают сомнения в применимости системы «подарок — отдарок» к контактам между земледельцами и кочевниками в Северном Причерноморье. Но так ли это? Не исключено, что здесь получил распространение совсем другой взгляд на смысл «отдарка». Возможно, ответ на поставленный вопрос содержится в словах посла аваров к императору Юстину Младшему, которые частично были процитированы выше. По сообщению историка Менандра, он требовал от византийского императора увеличения числа подарков, заявляя при этом, что «мы (авары. — Ю. В.) *отдали* (выделено мною. — Ю. В.) тем, что не нападали на римские (византийские. — Ю. В.) владения, хотя

и имели на это право»³⁰⁶. Как видим, авары рассматривали мир с Византией как своего рода подарок империи. Вполне вероятно, что такого же мнения придерживались и другие кочевники припонтийских степей в подобных ситуациях. Вспомним о мирных проездах царя Сайтафарна мимо Ольвии, за которые грекам следовало щедро заплатить.

В системе распределения подарков вождям варварских народов в Византийской империи однажды произошел случай, который сейчас может показаться курьезным, но он, конечно, вполне укладывается в русло двуличной византийской политики. Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» рассказывает, что гунны-кутригуры³⁰⁷ «ежегодно получали от императора большие дары, но тем не менее, переходя Истр, они вечно делали набеги на земли императора, являясь то союзниками, то врагами римлян» (Просор. BG. IV. 5. 15–16). Юстиниан, решив покончить с этим, направил послов к гуннам-утигурам и, «богато одарив их деньгами», уговорил этих номадов немедленно двинуться на кутригуров (Просор. BG. IV. 18. 21). Те, пригласив себе на помощь две тысячи готов, выступили против соплеменников и полностью разбили их в сражении. Часть побежденных вместе с женами и детьми бежали в Византию и просили Юстиниана о защите. Тогда-то император и повелел им поселиться в местечках Фракии. Царь утигуров Сандил, узнав об этом, пришел в сильное раздражение, поскольку византийцы охотно приняли своих врагов,

³⁰⁶ Византийские историки 1860: 357.

³⁰⁷ О гуннах-кутригурах и гуннах-утигурах см.: Артамонов 2002²: 100–122.

примерно наказать которых совсем недавно просили утигуров. Послы Сандила к императору с огромной обидой заявили, что верные ему утигуры продолжают жить в бедности, а побежденным ими кутригурам «дается возможность наедаться хлебом, они имеют полную возможность напиваться допьяна вином и выбирать себе всякие приправы <...>, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них и тонкие одеяния разноцветные и разукрашенные золотом» (Procop. BG. IV. 19. 16–17). Решив одну проблему с помощью утигуров, Юстиниан сумел избавиться и от другой, которая вполне могла перерасти в конфликт. Прокопий по этому поводу отметил: «Император, всячески обласкав их (послов утигуров. — Ю. В.) и утешив массой даров, в скором будущем отправил назад» (Procop. BG. IV. 19. 22). Как тут не вспомнить известную сентенцию — «мавр сделал свое дело».

Цитата из «Войны с готами», приведенная в начале предыдущего абзаца, содержит авторитетное свидетельство о том, что богатые подарки не сдерживали кутригуров от нападений на имперские владения. Еще резче по поводу практики таких выплат Прокопий высказался в «Тайной истории», указывая на ее очевидную пагубность (Procop. Anecd. XI. 5–9; XIX. 6). Приведу лишь одно его суждение: «Огромное количество государственных ценностей он (Юстиниан. — Ю. В.) отдавал гуннам, которые то и дело являлись к нему, и в результате земля римлян оказалась подверженной частым вторжениям. Ибо, отведав римского богатства, эти варвары уже были не в силах забыть сюда дорогу» (Procop. Anecd. VIII. 5–6). Сходные оценки такой практики можно найти и в китайских

документах, авторы которых указывали, что взятки, которые отправлялись предводителям хунну, не гарантировали спокойствия на границах, но являлись доказательством беспомощности государства³⁰⁸.

Важным регулятором взаимоотношений мира цивилизации и мира степных кочевников, разумеется, был институт династических браков. Ваше уже говорилось, что к владыкам номадов направлялись китайские принцессы различных уровней их сложной иерархической лестницы (см. гл. 2, раздел «Восток и запад степного коридора. Сходство в различии»)³⁰⁹. Такая практика, разумеется, была характерна не только для взаимоотношений хуннов и китайцев.

Еще одним регулятором взаимоотношений двух миров, призванным обеспечить спокойствие на границах, несомненно, был институт заложничества. Опасаясь беспокойных соседей, земледельцы, вероятнее всего, специально оговаривали положение, при котором к ним «на воспитание» присылались сыновья вождей номадов. По этой причине неудивительно, что ко двору императоров Поднебесной неоднократно посылались сыновья вождей хуннов³¹⁰. Как можно полагать, это был старший сын, наследовавший престол. В китайских хрониках имеется сообщение о том, что после смерти шаньюя император отпустил заложника в орду, но на смену ему был послан другой, так что братья встретились по дороге³¹¹. Эту практику использовала и русская

³⁰⁸ Кюнер 1961: 201–202.

³⁰⁹ Бичурин 1950а: 52, 69, 76; 1950б: 157; Материалы по истории 1984: 288.

³¹⁰ Бичурин 1950а: 69, 99, 132.

³¹¹ Там же: 119.

администрация Астрахани. Адам Олеарий в своем сочинении отметил, что в Астраханском кремле в качестве заложников содержится несколько человек из татарских мурз, «чтобы не было оснований ожидать мятежа»³¹².

Отвлечемся, однако, от этих аспектов сосуществования двух миров и обратимся к более фундаментальным проблемам экономических взаимоотношений. «Пусть ваши овцы будут жирными!» — так звучит традиционное приветствие скотоводов Монголии, уходящее корнями в глубокую древность³¹³. Это неудивительно, поскольку главное богатство кочевников Евразийских степей, да и не только их одних, всегда заключалось в стадах, прежде всего, в конях и мелком рогатом скоте³¹⁴. Со своими стадами они могли передвигаться по маршрутам сезонных перекочевок из района летовок в районы зимников и обратно, при этом амплитуда кочевания, т. е. расстояние между двумя крайними точками, могла сильно варьировать в зависимости от местных условий, достигая 1000 км³¹⁵. На своем пути номады легко могли пересекать водные преграды (рис. 7), а также и государственные границы, — к примеру, киргизы в XIX в. кочевали то на русской, то на китайской территории³¹⁶.

³¹² Россия XV–XVII вв. 1986: 462.

³¹³ Жуковская 1990: 10.

³¹⁴ См.: Потапов 1954: 72; Марков 1976: 282; Барфилд 2002: 60–61; Lattimore 1951: 73 ff.; Gribb 1993: 34–37.

³¹⁵ Народы Средней Азии и Казахстана 1963: 354; Марков 1976: 209, 283; Масанов 1989: 73; Хазанов 2008: 93; Khazanov 1984: 52.

³¹⁶ Россия первой половины XIX в. 1991: 681.

Рис. 7. Переправа табуна через Волгу
(по: Толстой, Кондаков 18896)

Такую систему подвижного скотоводства, в принципе, можно трактовать как оптимальную форму экономического освоения зоны степей и полупустынь с их высокопродуктивными кормовыми угодьями³¹⁷. Следует особо подчеркнуть, что перекочевки номадов не были бессистемными блужданиями по степным просторам в поисках лучших пастбищ. Напротив, в обычной обстановке маршруты их передвижений были строго определены, пользование пастбищами и источниками воды регламентировано и т. д.³¹⁸. Г. де Рубрук писал о татаро-монголах, что «всякий (их)

³¹⁷ Массон 1989: 85.

³¹⁸ См.: Владимирцов 1934: 42–43; Федоров-Давыдов 1966: 196–197; 1976: 41–42; Вайнштейн 1972: 57; Марков 1976: 74, 86; Кшибеков 1984: 94–95; Оразов 1985: 103–105; Ахинжанов 1989: 241–242; Таиров 1993: 4; Барфилд 2002: 62–64; 2009: 64; Хазанов 2008: 80–82; Khazanov 1984: 38, 50–51; Barfield 1992: 22.

начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью»³¹⁹. Такое положение, конечно, было характерно для всех кочевых народов, в противном случае в системе кочевого скотоводства воцарился бы полный хаос³²⁰.

Здесь следует обратить внимание еще на одно в высшей степени важное обстоятельство, связанное с устойчивостью маршрутов кочевания. Русский путешественник по Монголии Г. Н. Потанин выразил результаты своих наблюдений следующим образом: «Зависимость населения от физических условий страны при низших степенях культуры так велика, что установившиеся в стране направления миграций остаются те же в течение длительного ряда годов, несмотря на смену народностей»³²¹. Это наблюдение было в полной мере подтверждено археологическими исследованиями районов летнего и зимнего кочевания гуннов. Летние стоянки располагались в непосредственной близости от рек, а зимники — вдали от них, в возвышенных частях предгорий. Исследователи при этом отметили парадоксальный факт их полного соответствия с современными маршрутами перекочевок³²².

Пребывание на зимних пастбищах — непростое время для кочевнической экономики. Обильные снегопады или гололеды могли привести к падежу скота. В это время в стаде в высшей степени важной

³¹⁹ Рубрук 1993: 79.

³²⁰ Шахматов 1964: 33.

³²¹ Потанин 1876: 149.

³²² Крадин, Кан Ин Ук 2013: 18.

становилась роль лошади, поскольку только лошадь, умеющая тебеневаться, т. е. добывать траву из-под снега, «при глубине снежного покрова до 40 см, могла обеспечить овцам и крупному рогатому скоту доступ к пастбищной растительности»³²³. Неудивительно, что именно лошадь стала основой социальной дифференциации, показателем богатства, мерилom благосостояния жителей степей.

Обращаясь к более широкой теме, необходимо сказать, что кочевая экономика никогда не могла быть самодостаточной, автаркичной, и по этой причине номады стремились всеми возможными способами добыть дополнительные средства к существованию. Даже при ее нормальном функционировании многое зависело от других, главным образом, оседлых обществ, которые, по выражению А. М. Хазанова, создавали своего рода «гарантийный фонд», необходимый для жизнеобеспечения номадов³²⁴. Дополнительные средства могли быть получены различными путями: обмен с земледельцами, участие в международной торговле (сопровождение караванов и пр.), наемничество и т. д.³²⁵ О грабительских набегах, обложении земледельцев данью, вымогании у них «подарков», а также о завоеваниях и прямом подчинении оседлых народов уже было сказано выше.

Говоря о различии культурно-хозяйственных типов кочевых скотоводов и пашенных земледельцев, следует еще раз подчеркнуть, что первые, в отличие от последних, не могли жить замкнутым обществом,

³²³ Ахинжанов 1989: 239.

³²⁴ Хазанов 2002: 39, 41.

³²⁵ Крадин 1991: 304; 1992: 60–61; 1995б: 174; Хазанов 2002: 44; Khazanov 1984: 224–226.

поскольку всегда нуждались в ремесленной и земледельческой продукции. Естественно, все это номады могли взять, так сказать, «по праву», то есть путем откровенного насилия, но если соотношение сил было не на их стороне, то тогда включались механизмы торгового обмена. В подтверждение такого положения приведу некоторые наблюдения специалистов. В отношении монголов Б. Я. Владимирцов подчеркивал, что из насущных предметов им недоставало «муки, оружия, а затем всяких „предметов роскоши“ прежде всего тканей»³²⁶. Венгерский этнограф А. Рона-Таш отмечал: «Кочевое общество с его экстенсивным скотоводческим хозяйством не могло обеспечить себя всеми предметами повседневного обихода»³²⁷. Это толкало номадов к торговым связям с земледельцами, при этом, наряду с продуктами земледелия, «кочевники увозили с собой предметы роскоши, ткани, ювелирные изделия, оставляя взамен скот, меха, кожи и другую продукцию»³²⁸. Т. А. Жданко также считает, что «кочевники не могли существовать без продукции земледелия и ремесла и регулярно обменивали скот, кожу, шерсть на хлеб и ремесленные изделия»³²⁹. И. Я. Златкин даже полагал, что «на всем протяжении Евразийских степей кочевое скотоводство приобретало характер устойчивого и развивающегося производства в тех случаях, когда оно находило там рынок сбыта для излишков и источник снабжения продуктами оседлых

³²⁶ Владимирцов 1934: 43.

³²⁷ Рона-Таш 1964: 27–28.

³²⁸ Там же: 28.

³²⁹ Жданко 1968: 278.

земледельцев и ремесленников»³³⁰. Такое положение нашло отражение даже в таджикской народной поговорке, на которую обратил внимание академик В. В. Бартольд, — «нет турка (кочевника. — Ю. В.) без таджика (земледельца. — Ю. В.)»³³¹. Совсем не исключено, что в данном случае он опирался на изречение Махмуда Кашгари, тюркоязычного автора XI в., которое гласит: «Нет тюрка без тата (таджика), нет шапки без головы»³³². Количество подобных примеров можно было бы расширить практически безгранично³³³. Все они убеждают нас в том, что кочевники в силу специфики их хозяйственной системы были заинтересованы в торговле с земледельцами, легко вступали в контакт с ними, подчас отстаивая свое право на торговый обмен силой оружия.

Есть все основания считать, что кочевники были заинтересованы в торговле с земледельцами больше, чем те в торговле с кочевниками³³⁴, при этом необходимо особо подчеркнуть, что для номадов торговля была нужна не ради получения коммерческой выгоды, а ради самого их существования³³⁵. Такое положение стало одной из причин того, что

³³⁰ Златкин 1973: 69.

³³¹ Бартольд 1963: 460.

³³² Махмуд Кашгари 1963: 454.

³³³ См.: Эфендиев, Першиц 1955: 65, 71; Якубов 1977: 128; Мавродина 1983: 8; Кшибеков 1984: 74; Ахинжанов 1989: 164; Артамонов 2002²: 109–110; Khazanov 1984: 82, 202.

³³⁴ См.: Жданко 1973: 278; Хазанов 1973а: 9; 1973б: 10–11; 2002: 43; 2008: 119, 228; Крадин 1992: 60; 1995б: 170; Lattimore 1951: 69; Khazanov 1984: 82, 202.

³³⁵ Хазанов 2008: 236; Khazanov 1984: 212.

культурное различие в мире номадов, по мнению Т. Барфилда, во многом определялось тем обстоятельством, какой центр оседлых цивилизаций являлся для них основным партнером: Китай, Иран или Европа³³⁶.

Еще раз возвращаясь к Китаю, следует признать, что эта империя в идеале вполне могла быть автаркичной, однако торговля со степью здесь существовала почти всегда и запрещалась лишь периодически. Эта торговля была явно направлена не на получение каких-то крупных экономических выгод для китайцев, а на замирение опасных соседей³³⁷. О. Латтимор называл ее *gift-trade*, считая, что она была политическим, а не экономическим фактором³³⁸.

Понимание экономических связей номадов с земледельцами, как видим, сопряжено с целым рядом очень непростых проблем. В научной литературе они, однако, порой стали трактоваться в сугубо функциональном аспекте. Ж.-П. Дигар, к примеру, рассматривает взаимодействие кочевых и оседлых народов в экономической сфере как форму производственной специализации, хотя участники этого взаимодействия, по его мнению, не могли в равной степени получать выгоды от сотрудничества³³⁹. Сходным образом понимает эту проблему Б. В. Андрианов, он пишет: «Между зоной кочевников и оседлых земледельцев устанавливались своеобразные формы взаимного экономического приспособления, разделения труда, торгового об-

³³⁶ Барфилд 2009: 60; Barfield 1992: 20.

³³⁷ Barfield 2001: 201.

³³⁸ Lattimore 1962: 483; ср.: Хазанов 2008: 231–232; Khazanov 1984: 206.

³³⁹ Дигар 1989: 42.

мена, общественно-политического и культурного взаимодействия...»³⁴⁰ Г. Е. Арешян также склонен говорить о роли номадов в межэтническом разделении труда³⁴¹. Еще в 70-е годы XX в. наметилась тенденция рассматривать номадов и оседлых земледельцев как своего рода полярные комплиментарные оппозиции³⁴², как «сектора» единой экономики³⁴³. Однако все эти разговоры о межэтническом разделении труда или своего рода трудовой кооперации между номадами и земледельцами, возможно, имеют смысл для отдельных ситуаций в конкретных районах современного мира, но в общеисторическом плане для пояса Евразийских степей они вряд ли хоть сколько-нибудь продуктивны. И дело здесь не только в военном превосходстве кочевников, о чем так много было сказано выше. Даже в мирной обстановке оседлый крестьянин, как писал В. В. Радлов, беззащитен перед кочевником³⁴⁴. При конфликтах внутри кочевых сообществ, угоне скота и т. п. номады могли выследить обидчиков, собрать необходимые силы и защитить свои права, а вот у крестьян в подобном конфликте с подвижными скотоводами это вряд ли получалось. По этой причине «среди оседлого населения кочевники слывут разбойниками и ворами и считаются нежелательными соседями»³⁴⁵. Ситуация, описанная В. В. Радловым, представляется достаточно

³⁴⁰ Андрианов 1989: 20.

³⁴¹ Арешян 1989: 23.

³⁴² Mohammed 1973: 97 ff.

³⁴³ Barth 1973: 12; Swidder 1973: 23 ff.

³⁴⁴ Радлов 1998: 341.

³⁴⁵ Там же.

типичной, а значит, о «полярной комплиментарности» при таком положении можно предполагать лишь с очень большой натяжкой. В этом плане большего внимания заслуживают идеи, высказанные другими исследователями. С. А. Плетнева, к примеру, признавала возможность симбиоза между кочевническими и земледельческими обществами, но обоснованно считала, что этот симбиоз чаще всего был насильственным, и насилие при этом исходило со стороны кочевников³⁴⁶. В. М. Массон также склонялся к мысли о взаимодействии, а не противопоставлении мира номадов и мира древних цивилизаций, но это взаимодействие, по его мнению, могло быть как конструктивным, так и деструктивным³⁴⁷. Периоды относительно мирного сосуществования двух миров, как уже неоднократно говорилось выше, сменялись катастрофами, и для достижения хотя бы видимости взаимопонимания требовалось немалое время.

Конечно, кочевнические объединения нельзя считать сугубо грабительскими или хищническими. Между каждой крупной группой номадов и оседлым обществом (обществами) всегда существовал своего рода симбиоз, развитие которого могло варьировать в зависимости от интенсивности прямых и косвенных связей. Как справедливо заметил О. Латтимор, ни экономика, ни социальная структура, ни особенности политической истории номадов не могут быть адекватно оценены при игнорировании этого феномена³⁴⁸.

³⁴⁶ Плетнева 1982: 27, 44, 69.

³⁴⁷ Массон 1989: 82.

³⁴⁸ Lattimore 1951: 334.

Древние греки Северного Причерноморья и номады

Все вышесказанное об особенностях взаимоотношений кочевников с оседлыми земледельцами позволяет сделать некоторые предварительные заключения о контактах древних греков Северного Причерноморья со степняками. Уже говорилось, что греки-колонисты, основавшие свои *апойкии* на северном берегу Черного моря, столкнулись здесь с непривычным и во многом непонятным для них миром подвижных скотоводов. Сначала это были скифы, потом появились сираки, аорсы, языги, роксоланы, аланы и др. Несмотря на общеизвестность этого факта, своеобразие связей греческих колонистов с номадами никогда не было предметом специального научного рассмотрения. Более того, в современной литературе эта проблема часто понимается несколько прямолинейно, при этом, как уже говорилось, порой даже не проводится различий между кочевниками и оседлыми земледельцами. В подтверждение этого приведу несколько примеров, характеризующих, так сказать, полярные ситуации во взаимоотношениях двух миров — военные набеги и мирную торговлю.

Прежде всего, необходимо с полной определенностью признать, что греческие колонии Северного Причерноморья всегда зависели от номадов, в той или иной форме вынуждены были платить им дань, подносить подарки вождям и т. д. На мой взгляд, вполне типичная картина взаимоотношений со степняками обрисована Геродотом в рассказе о периодических приходах в Ольвию скифского царя Скила

вместе с войском (Herod. IV. 78. 3)³⁴⁹. Сами эти приходы Ю. Г. Виноградов был склонен рассматривать как обычай «кормления» войска³⁵⁰, т. е. для варваров они были явлением вполне типичным. Столь же типичная ситуация отражена в декрете в честь Протогена, в котором, как было сказано в предыдущем разделе, в частности, говорится о царе сайев Сайтафарне, донимавшем ольвиополитов своими поборами, откровенными вымогательствами «подарков» и т. д. (IOSPE. I². 32)³⁵¹. Вполне очевидно, что Великая степь обращалась к греческим государствам по тем самым правилам, которые были выработаны в ее взаимоотношениях с земледельцами очень давно и затем сохранялись на протяжении многих веков.

В истории всех греческих государств северного Понта можно найти немало примеров, связанных с серьезными военными конфликтами с кочевниками. Кроме свидетельств письменной традиции, на это довольно четко могут указывать некоторые археологические данные: следы пожаров и разрушений на поселениях, запустение сельской округи греческих городов, усиление фортификационного строительства, появление в некрополях погребений людей с признаками насильственной смерти (к примеру, с наконечниками стрел варварских типов, застрявших в костях) и т. д.

Некоторые исследователи при реконструкции военно-политической ситуации в окрестностях гре-

³⁴⁹ Об этом см.: Хазанов 1975: 234–237; Виноградов Ю. Г. 1980; 1989: 98 сл.; Кузнецова 1984.

³⁵⁰ Виноградов Ю. Г. 1989: 104.

³⁵¹ Об этом см.: Латышев 1887: 113 сл.; Виноградов Ю. Г. 1989: 181–183; Виноградов 1999: 70–75.

ческих государств, к примеру Ольвии, порой указывают, что концентрация варварских курганов на границах государства может быть увязана с усилением военной напряженности³⁵². Другие авторы, наоборот, отрицают факт такой угрозы для греков со стороны кочевников по той причине, что в близлежащих степях отсутствуют варварские курганы рассматриваемого времени, а значит, номады кочевали где-то далеко и не могли представлять особой опасности³⁵³. На мой взгляд, все эти рассуждения в высшей степени сомнительны, ибо кочевники могли совершать нападения с весьма отдаленных территорий, и наличие или отсутствие их погребений поблизости от греческих городов вообще не может свидетельствовать о характере военно-политической ситуации в районе³⁵⁴. В связи с этим можно указать на более отдаленную историческую параллель — Крымское ханство на протяжении веков совершало грабительские походы на Россию и Польшу, но погребений крымских татар в окрестностях Москвы для подтверждения или опровержения летописных сведений как будто никто до сих пор искать не пытался, да и делать этого не следует.

В приведенном перечне археологических признаков ухудшения военно-политической ситуации необходимо обратить особое внимание на запустение сельской территории в окрестностях греческих городов. Нет сомнения, что при нападениях неприятеля сельские поселения были намного более уязвимы,

³⁵² Марченко 1980: 142, прим. 58; Виноградов Ю. Г. 1989: 107, прим. 114.

³⁵³ Крапивина 1993: 146; Масленников 1996: 62–63.

³⁵⁴ Ср.: Крыжицкий 2002: 209.

чем защищенные оборонительными стенами города. Они в большом количестве возникали в благоприятной, мирной обстановке и исчезали при ее ухудшении. Не следует считать, конечно, что в кризисные периоды деревни непременно сжигались нападающими отрядами кочевников, объяснение запустению сельских территорий, по всей видимости, надо искать в ином. Прежде всего представляется почти очевидным, что после эпизодических грабительских набегов жизнь на поселениях сравнительно быстро восстанавливалась. Дело здесь не в отдельных военных акциях, а в масштабах военной угрозы, в той неблагоприятной военно-политической обстановке, которая складывалась в степях. Кардинальные перемены в сельской округе можно связывать только с очень серьезной, продолжительной угрозой для жизни в сельских поселениях, исходившей со стороны номадов³⁵⁵. В этом плане огромный интерес представляют результаты изучения воздействия военного фактора на состояние сельского хозяйства Древней Греции. Всем известно, что войны и кровавые междоусобицы были постоянными спутниками древнегреческой истории, в такой обстановке жизнь за пределами укреплений, казалось бы, была абсолютно невозможной. Однако это не так, и В. Д. Хэнсон правильно указывает, что отдельные акции вражеских армий не могли сказаться на сельском хозяйстве катастрофическим образом. Даже регулярные вторжения на территорию Аттики спартанских войск во главе с Архидамом на первом этапе Пелопоннесской войны не разрушили полностью ее

³⁵⁵ Ср.: Braund 2007: 62, 71.

сельскохозяйственную структуру³⁵⁶. Ситуация становилась совсем другой, когда сельские территории страдали от продолжительной нестабильности, тяжелого налогообложения, грабежей, потерь рабочей силы и т. п.³⁵⁷ Для греческих колоний Северного Причерноморья ситуация такой продолжительной нестабильности, как представляется, наступала тогда, когда в степях региона очередная волна кочевников начинала завоевание своей новой родины (см. гл. 2, раздел «Миграции кочевников и археология»)³⁵⁸.

Есть все основания считать, что активное освоение сельскохозяйственных территорий, выражающееся в возникновении вдали от городов большого количества различного рода поселений, вело к увеличению количества товарного хлеба, находящегося в распоряжении земледельцев. Иными словами, можно сказать, что стабильные мирные отношения с кочевниками имели своим результатом рост хлебного экспорта из греческих городов Северного Причерноморья. Невозможно в этом отношении согласиться с В. А. Кутайсовым, писавшим, что «любые неурядицы в Скифии создавали благоприятные условия для увеличения хлебного экспорта эллинов»³⁵⁹. Ситуация, скорее всего, была диаметрально противоположной.

³⁵⁶ Hanson 1998: 15, 140; ср.: Foxhall 1995: 134–135.

³⁵⁷ Hanson 1998: 16.

³⁵⁸ Подобная ситуация, разумеется, была характерна не только для античной эпохи. А. Л. Якобсон обоснованно указывал на связь истории раннесредневековых сельских поселений Восточного Крыма с положением в степях. См.: Якобсон 1958: 497, 500.

³⁵⁹ Кутайсов 2002: 294.

Вновь возвращаясь к военному аспекту взаимоотношений греков с кочевниками, зададимся вопросом, каким образом они могли сохранить свои города-государства в обстановке периодически возникавшей нестабильности? Как представляется, нападениям варваров греки противостояли обычным для себя образом, защищая городские стены или же выступая за их пределы. Вряд ли можно сомневаться в том, что скифы или иные кочевые народы региона могли захватить укрепленные города неожиданным ударом, но столь же уверенно можно считать, что вести правильную осаду городов и штурмовать их они не умели и, вероятнее всего, так никогда и не научились. Такое положение, как говорилось выше, было типично и для кочевых народов других областей и других эпох (см. гл. 2, раздел «Номады и оседлые народы. Соперничество на поле боя»). По этой причине укрепления греческих городов Северного Причерноморья, какими бы несовершенными они ни казались нам поначалу³⁶⁰, в принципе давали надежную защиту для колонистов.

В связи с этим можно указать на то, что греческая фортификация Северного Причерноморья вообще отличается известной консервативностью, в ней почти не представлены передовые нововведения, характерные для крепостного строительства Средиземноморья (ворота сложной конструкции, рвы, протейхизмы и пр.); вплоть до времени Митридата Евпатора не имеется убедительных материалов об использовании каких-либо осадных механизмов и т. п. В. М. Иванов считает, что в таких нововведениях отсутствовала

³⁶⁰ См.: Иванов 2005.

особая необходимость³⁶¹, и с ним вполне можно согласиться. Угроза для греков всегда исходила в основном от местных варварских племен, в первую очередь от кочевников, не умевших вести правильную осаду и штурмовать городские укрепления. Как известно, развитие фортификации, с одной стороны, и осадной техники, с другой, всегда находилось в состоянии взаимообусловленности. Прогресс в одной из составляющих приводил к адекватному изменению в другой; на «вызов» находился «ответ». Складывается впечатление, что в античном Северном Причерноморье особых «вызовов» к совершенствованию фортификации долгое время не было. По всей видимости, именно этим следует объяснять столь явный консерватизм, отсутствие заметного прогресса в оборонительном строительстве местных греческих городов VI–II вв. до н. э.

В случае столкновений с неприятелем в открытом поле греки, конечно, строились фалангой³⁶². Такое построение воинов сложилось в Древней Греции к VII в. до н. э., т. е. задолго до освоения греками северного берега Черного моря, и представляло собой линейный боевой порядок, состоящий из нескольких шеренг тяжеловооруженных пехотинцев. Недостатков у фаланги, конечно, было немало, но достоинства ее в сравнении с боевыми порядками (точнее, отсутствием таковых) у потенциальных противников из среды варварского мира просто неоспоримы. Дело

³⁶¹ Там же: 21.

³⁶² О ней см.: Андреев 1993; Коннолли 2000: 36–38; Нефёдкин 2004; Виноградов, Горончаровский 2009: 32 сл.; Виноградов 2020²: 38 сл.; Lorimer 1947; Detienne 1968; Van Wees 2000.

в том, что даже у великолепной скифской конницы тоже были свои слабые стороны. В высшей степни показательно, что Геродот, описывая войну скифов с Дарием, заметил, что скифы всегда побеждали персидскую конницу, но отступали перед пехотой, страшась ее (Herod. IV. 128). Строй пехоты, ошетилившийся копьями, а позднее штыками, — почти непреодолимое препятствие для конницы. В этом отношении в полной мере можно согласиться со Страбоном, который, вероятно, не очень сильно преувеличивал, когда писал, что «против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легковооруженное войско оказывается бессильным» (Strab. VII. 3. 17; пер. В. В. Латышева).

Самоочевидно, что такой боевой порядок требует определенного минимума тяжеловооруженных воинов. Построение из двух-трех сотен гоплитов никак нельзя признать серьезной силой, а вот фаланга из 1,5–2 тыс. воинов, фланги которой прикрыты конницей, могла выглядеть достаточно грозно. На Боспоре, правда, ни один из греческих городов, скорее всего, не располагал таким военным потенциалом, но это могло предполагать кооперацию нескольких городов в обозначенной, жизненно важной сфере.

Почти нет сомнений, что нападения на греческие поселения Северного Причерноморья чаще совершали не крупные армии кочевников, а сравнительно небольшие отряды кочевников. Это особенно важно для правильного понимания начального периода греческой колонизации региона, поскольку малочисленные коллективы первых колонистов просто не сумели бы противостоять многочисленным варварским группировкам. Тактика действий таких небольших

отрядов, скорее всего, сводилась к простой формуле: неожиданно нападать — грабить — убегать. В такой ситуации фаланга тяжеловооруженных воинов, конечно, малоэффективна, она, как представляется, вообще ничего не могла поделать против мобильных отрядов конницы, которые к тому же совсем не стремились вступить в сражение, а, напротив, уклонялись от него. Успешнее противостоять разбойникам могли столь же подвижные отряды греческой или союзной грекам конницы, которые были в состоянии встретить врага в открытом поле или хотя бы организовать его преследование.

В греческом мире содержание боевого коня, приобретение всего необходимого снаряжения и вооружения, вне всяких сомнений, было делом весьма дорогостоящим, доступным лишь самым состоятельным людям, прежде всего аристократии³⁶³. В связи с этим вполне логичным представляется, что выходцы из знатных родов, обосновавшихся в колониях северного берега Понта, самым внимательным образом присматривались к вооружению и особенностям боевых действий конницы кочевников и, соответственно, воспринимали некоторые важные особенности военного опыта номадов³⁶⁴.

Существование в опасном окружении варварских племен вынуждало греков не только учиться вести боевые действия в условиях степных ландшафтов, но и умению договариваться с варварами, и они, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве. По версии, сохранившейся в древней

³⁶³ Spence 1993: 164 ff.

³⁶⁴ Виноградов, Горончаровский 2009: 44–45.

письменной традиции, место для основания Пантикапея было получено от скифского царя (St. Byz. s.v. Παντίκαπαιον). Имеющиеся письменные источники, пусть весьма немногочисленные, позволяют считать, что в серьезных военных конфликтах греки обычно опирались на поддержку союзных варварских народов, в основном кочевых (Polyaen. VI. 9. 4; Diod. XX. 22–24). Такая поддержка, как представляется, обходилась для греков совсем не дешево, благорасположение варварской элиты можно было приобрести только с помощью очень дорогих подарков. По этой причине некоторые из драгоценных изделий греческих торевтов, обнаруженные в «царских» курганах Северного Причерноморья, следует рассматривать как «дипломатические дары», служившие важным элементом регулирования отношений между античными центрами и варварским миром³⁶⁵. Выше говорилось о своеобразии обычая дарений в архаических обществах, о силе подаренной вещи, о достигаемой с помощью нее «духовной власти» дарителя и пр. (см. гл. 2, раздел «Номады и земледельцы. Мирные контакты»)³⁶⁶. Для античного общества все эти сюжеты остаются практически неисследованными, хотя важность их не вызывает сомнений. В связи с этим можно напомнить пассаж из «Никомаховой этики» Аристотеля, в котором рассказывается об одном щедром гражданине. По поводу его действий Аристотель отметил, что «подарки чем-то похожи на посвящения богам» (Arist. EN. 1123a 5; пер. Н. В. Брагинской). В этой его сентенции, разумеется, можно

³⁶⁵ Wells 1980: 72, 77; Яковенко 1985: 27; 1986: 51–52.

³⁶⁶ Мосс 1996: 83.

видеть отголосок древней традиции, связанной с отношением к подарку как к предмету, наполненному магической силой.

Выше говорилось также, что важным инструментом регулирования взаимоотношений между земледельческими государствами и номадами являлась система династических браков. Любопытно в этом отношении, что скифский царь Скил, по сообщению Геродота, родился от женщины из греческого города Истрия (Herod. IV. 78. 1), хотя «отец истории» о матери царя ничего более определенного не сообщил. Сведения о распространенности династических браков на Боспоре между Спартокидами и элитой варварских народов относятся ко времени позднего эллинизма (см. ниже главу гл. 3, раздел «Боспор и новая волна сарматских миграций»), но эта традиция явно сложилась гораздо раньше.

Первостепенным фактором межэтнических связей, безусловно, всегда была торговля. Можно считать, что весьма объективная картина торговли греков с кочевниками обрисована Страбоном, который в отношении Танаиса заметил, что номады доставляли сюда рабов, шкуры и «разные другие товары кочевников», а греки «привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни» (Strab. XI. 2. 3; пер. В. В. Латышева). Танаис при этом был вторым по значимости торжищем у варваров после столицы Боспорского царства — Пантикапея (Strab. VII. 4. 5).

Интерпретация археологических фактов, свидетельствующих о торговле греков с номадами, однако, связана с немалыми трудностями. Прежде всего, при рассмотрении этих вопросов нельзя ограничиваться

исключительно материалами, происходящими из окрестностей греческих городов, что, к примеру, сделал американский исследователь Т. С. Нунен в статье, посвященной основанию Пантикапея³⁶⁷. Это методически неверно. В силу подвижности кочевников, товары, которые они получали при торговом обмене с греками, могли попадать в самые отдаленные районы степей. Есть веские основания считать, что у номадов Северного Причерноморья во все времена господствовал так называемый меридиональный тип кочевания, при котором летние пастбища находились на севере, а зимники — на юге³⁶⁸. Во всяком случае, именно такую картину рисует Страбон в отношении роксоланов (Strab. VII. 3.17), а Марко Поло, Плано Карпини и Амброжди Контарини в отношении татаро-монголов³⁶⁹. Как свидетельствуют этнографические наблюдения, именно при таком типе кочевания совершались максимально дальние перекочевки. Выше было сказано, что амплитуда кочевания при этом может достигать тысячи километров и даже более (см. гл. 2, раздел «Номады и земледельцы. Мирные контакты»). По этой причине можно предполагать, что во время зимнего пребывания номадов в южном районе степей они могли приобретать у греков товары, которые летом перемещались вместе с владельцами на многие сотни километров к северу³⁷⁰.

³⁶⁷ Noonen 1973: 81.

³⁶⁸ Khazanov 1984: 50.

³⁶⁹ Книга Марко Поло 1956: 88; Плано Карпини 1993: 61; Контарини 1971: 220.

³⁷⁰ Лапин 1966: 74; Вахтина и др. 1980: 160.

Исходя из общих представлений о характере торговых связей кочевников с земледельцами, можно предполагать также, что для скифов и других номадов древности греческие колонии были важны прежде всего как центры земледельческого и ремесленного производства³⁷¹. Однако не все исторические эпохи в этом отношении в равной степени освещены археологическими материалами. Для архаического Боспора, к примеру, мы их знаем не очень много.

Еще раз следует обратить внимание, что на всем протяжении существования греческих колоний на берегах Черного моря грек-земледелец или грек-ремесленник для кочевника-скотовода был более предпочтительным торговым партнером, чем, скажем, греческий купец, продающий изящные вазы. Хрупкие вазы к тому же совершенно не приспособлены к кочевому быту, и если такие вазы все-таки вовлекались в обмен, то сам по себе этот факт может свидетельствовать о довольно значительном развитии торговли продуктами земледелия, с одной стороны, и продуктами скотоводства, с другой, но эта торговля, по понятным причинам, не находит прямого отражения в археологических источниках³⁷². Данная гипотеза значительно отличается от довольно распространенной некоторое время назад точки зрения на греко-варварскую торговлю скифского периода, предполагавшей посредническую роль кочевой аристократии в поставке хлеба от туземных племен

³⁷¹ Ср.: Вахтина 1989: 84.

³⁷² Ср.: Кузнецов 2000: 18 сл., 34; Roebuck 1959: 132; Tsetskhladze 1998: 53 ff.

в греческие города³⁷³. В настоящее время она нуждается в существенных оговорках, поскольку сам факт участия кочевников в транзитной торговле хлебом представляется вряд ли историчным. Совсем другое дело, что кочевая аристократия могла принимать активное участие в экономическом развитии региона, способствуя трансформации хозяйственной системы контролируемых ими территорий в том направлении, которое требовалось их партнерам-грекам. Неудивительно, что выгоды от этой торговли были таковыми, с одной стороны, для греческих купцов, а с другой — для варварской элиты.

³⁷³ См.: Онайко 1970: 81, 86; Артамонов 1972: 59, 62; 1974: 113.

Глава III

Боспор Киммерийский и номады

Ритмы Евразии и периодизация истории Боспора Киммерийского

В последние годы в результате проведенных масштабных археологических исследований на памятниках Боспора, других античных центров Северного Причерноморья, а также сопредельных территорий, населенных варварскими племенами, стало возможным предложить схему исторического развития района, которая отличается от привычного деления античной истории на архаическую, классическую, эллинистическую и римскую эпохи. Такая схема, конечно, ни в коем случае не отрицает традиционной периодизации, но конкретизирует ее и, учитывая региональные особенности, наполняет местным содержанием. Предложенный подход, правда, не может считаться вполне новым. Хорошо известна периодизация истории Северного Причерноморья, разработанная В. Д. Блаватским¹. В основу его схемы была положена идея социально-политического развития местных греческих государств, в частности, возникновение здесь такого явления,

¹ Блаватский 1959.

как «протоэллинизм» и пр. Допуская возможность такой периодизации, хотелось бы подчеркнуть, что в ней почти не нашла отражения важнейшая из региональных особенностей северного берега Понта, заключающаяся в наличии здесь варварского, или более определенно — кочевнического фактора. В. Д. Блаватский к тому же не придал никакого значения одному принципиально важному выводу М. И. Ростовцева, указавшего, что на протяжении античной эпохи в Северном Причерноморье можно выделить периоды синхронного и однородного расцвета культуры. На эти эпохи расцвета приходится «огромное большинство наиболее богатых и характерных погребений как в окрестностях <греческих> городов, так и в безбрежных степях нашего Юга»². Иными словами, для М. И. Ростовцева было вполне понятно, что мир эллинов и мир варваров в известном смысле представлял взаимосвязанную систему, функционировавшую в едином ритме. В наши дни уже не может быть сомнения в том, что для построения периодизации истории любого античного государства на северном берегу Черного моря первостепенное значение имеет изучение греко-варварских взаимоотношений в регионе и, прежде всего, вычленение этапов, связанных с продвижением сюда новых и новых кочевых этносов. Эти периодические миграции кочевников создавали ритмичность в истории греческих государств Северного Причерноморья со всеми характерными для них периодами культурного подъема или, напротив, упадка. История Боспора, расположенного на пути всех

² Ростовцев 1912: 104.

варварских продвижений с востока, в этом отношении очень показательна.

Методика построения такой периодизации была предложена в серии работ, которые частью были подготовлены автором этих строк совместно с К. К. Марченко³, частью с К. К. Марченко и Е. Я. Роговым⁴, а частью индивидуально, отражая определенные различия во взглядах соавторов на обозначенную проблему⁵. Отвлекаясь от этих различий, необходимо подчеркнуть, что объединяющий, стержневой момент нашей концепции заключается в попытке подхода к анализу истории Боспора и других греческих государств северного берега Понта как ответа или, скорей, серии ответов на вызовы, исходящие из степей. Вторжения кочевников из глубин Азии в степи Причерноморья, как было сказано выше, вели к дестабилизации военно-политической ситуации в регионе, к распространению кризисных явлений на сопредельные со степью территории, в том числе и на греческие государства (см. гл. 2, раздел «Миграции кочевников и археология»). Стабилизация обстановки в степях имела своим результатом рост экономики, развитие торговли и расцвет культуры⁶.

³ Marčenko, Vinogradov 1989a; 1989b; Виноградов, Марченко 1991; 1995; 2005.

⁴ Виноградов и др. 1997.

⁵ Марченко 1996; Виноградов 1999a; 2006; Vinogradov 2007; 2008.

⁶ Представление о древней истории региона как о серии катастроф, при всей несхожести трактовок, в последнее время находит определенное понимание среди исследователей. См.: Ткачук 1997; Масленников, Миляева 2005.

Предложенная методика позволяет разделить историю Боспора конца VII в. до н. э. — VI в. н. э. на десять основных этапов.

К сожалению, боспорская история в трудах древних историков и географов освещена весьма фрагментарно. Имеющиеся в сочинениях древних авторов точные даты событий, имевших для Боспора ключевое значение (480/79 гг. до н. э. — приход к власти Археанактидов, 438/37 гг. до н. э. — утверждение власти Спатока I, 310/9 гг. до н. э. — уособица сыновей царя Перисада I, 63 г. до н. э. — смерть Митридата VI Евпатора), представляют собой скорее исключение из общего правила. В такой ситуации принципиальное значение приобретают результаты археологического изучения древних городов, сельских поселений, могильников и т. д. Однако, как хорошо известно, современная античная археология позволяет датировать раскопанные памятники в пределах четверти или трети столетия, более точные («узкие») датировки пока почти невозможны. Предлагаемая периодизация, базирующаяся в основном на данных археологии, закономерно имеет достаточно условные хронологические рамки многих из выделенных периодов. Иного сейчас предложить просто невозможно.

Десять основных периодов истории Боспора античного времени можно кратко определить следующим образом:

1. Конец VII в. до н. э. — 480/79 гг. до н. э. — период появления греков на берегах Керченского пролива, установления и развития их связей с местными племенами, время относительно мирных и стабильных взаимоотношений с варварами.

2. 480/79–438/37 гг. до н. э. — период дестабилизации, усиления агрессивности скифов, вызванной, очевидно, вторжением новых кочевнических орд с востока (скифов царских?). Это время войн и междоусобных столкновений, ответом на которые со стороны боспорских греков стало создание оборонительного союза во главе с Археанактидами.

3. 438/37 гг. до н. э. — рубеж IV–III вв. до н. э. — период стабилизации в степях, «золотой век» эллинизма в Северном Причерноморье. В начале этого периода власть на Боспоре перешла к Спартокидам, которые вскоре создали самое большое в регионе государство. В его состав вошли как греческие колонии Боспора Киммерийского, так и некоторые местные варварские племена; формой правления в государстве стала наследственная монархия. Период отличают теснейшие союзнические связи Боспорского государства с Великой Скифией.

4. Первая половина III в. до н. э. — время крушения Великой Скифии под ударами сарматов, продвигнувшихся с востока в степи Подонья — Прикубанья. Период дестабилизации военно-политической обстановки в Северном Причерноморье и одновременно переориентации политики Боспорского государства на союз с новыми владыками степей.

5. Вторая половина III — первая половина II в. до н. э. — период относительной стабилизации в степях северного берега Понта, который особенно ярко проявился на Боспоре. В истории государства, как можно считать, тогда были продолжены и развиты тесные связи с местными племенами Прикубанья.

6. Середина II в. до н. э. — 107 г. до н. э. — новая дестабилизация в степях Северного Причерноморья,

вызванная продвижением на запад кочевых племен роксоланов, языгов и др. Правители Боспорского государства попытались противостоять угрозе, исходящей из степей, опираясь на союз с Крымской Скифией. Этот союз, однако, оказался очень ненадежным. В результате Боспор, как и другие греческие государства региона, оказался в ситуации острейшего политического и экономического кризиса, выходом из которого стала передача власти царю Понтийского государства Митридату VI Евпатору.

7. 107–63 гг. до н. э. — Боспор в составе Всепонтийской державы Митридата. Для владыки Понта в разразившейся тогда борьбе с Римом за гегемонию в Средиземноморье Боспор стал важнейшим стратегическим пунктом, через который, как представляется, осуществлялся его контроль над всем Северным Причерноморьем. Поражение понтийского царя и его гибель в Пантикапее стали теми событиями, которые как бы подвели итог более чем пятивековому развитию Боспора.

8. 63 г. до н. э. — первая половина I в. н. э. Этот период выделяется прогрессирующей стабилизацией обстановки в регионе, но на Боспоре он был ознаменован острой борьбой за царский престол.

9. Середина I — середина III в. н. э. — новый расцвет Боспорского царства, на сей раз под контролем Римской империи. В начале этого периода в причерноморские степи продвинулись кочевники-аланы, но эта этническая перемена не привела к радикальному изменению военно-политической ситуации в Северном Причерноморье. Более того — пришельцы даже не сумели поставить под свой контроль весь этот регион. Территория их обитания в основном была

ограничена северо-восточным Приазовьем. Конец девятого этапа связан с вторжением в регион германских племен готов.

Период их доминирования в степях Северного Причерноморья не имеет непосредственного отношения к кочевникам, хотя черняховская археологическая культура (середина III — начало V в. н. э.), которую обычно связывают с готами, имеет отношение не только к германцам, но и к местным племенам поздних скифов, сарматов, аланов и др. Вообще же готскими походами обычно завершают историю античного Боспора Киммерийского. Тем не менее, в наше повествование уместно включить еще один (десятый) период, который служит своего рода переходным к эпохе Средневековья и в котором кочевники сыграли весьма существенную роль.

10. 70-е гг. IV в. — 70-е гг. VI в. — гуннский этап в истории Боспора. До недавнего времени в нашей научной и популярной литературе он рассматривался как сугубо негативный, что, на мой взгляд, не совсем верно.

Остановимся на каждом из названных периодов более подробно.

Греческая колонизация и ранняя история апоикей Боспора Киммерийского (конец VII в. — 480/79 гг. до н. э.)

К моменту появления древнегреческих переселенцев на берегах северного Понта скифы уже были полноправными хозяевами степей. Об их былой борьбе с киммерийцами (Herod. IV. 11–12) или о сражении с сыновьями слепых рабов, происшедшем,

вероятнее всего, в Восточном Крыму (Herod. IV. 3–4), напоминали лишь довольно смутные предания. Однако при освоении колонистами района Боспора кочевнический фактор, как представляется, сыграл весьма существенную роль.

Первой греческой колонией в районе Боспора Киммерийского стал Пантикапей (на месте Керчи). Как уже было сказано, место для основания города было получено от скифского царя Агаэта (St. Byz. s.v. Παντίκαπαιον), но это свидетельство явно восходит к легендарной традиции, и искать в нем элемент исторической правды довольно рискованно. Современные археологические исследования позволяют считать, что поселение на горе Митридат было основано на рубеже VII–VI вв. до н. э.⁷ Другие боспорские колонии, а их число достаточно велико, появились здесь позднее, в основном в пределах первой и второй четвертей VI в. до н. э.⁸ Однако существуют веские основания полагать, что греческое проникновение в Северо-Восточное Причерноморье и Приазовье началось ранее рубежа VII–VI вв. до н. э. Материалы из древнего поселения, расположенного около современного Таганрога и, как представляется, полностью разрушенного Азовским морем, дают основание считать, что оно было основано в третьей четверти VII в. до н. э.⁹ В связи с этим закономерно возникает вопрос — почему ранее этого срока колонисты оставили район пролива без особенного

⁷ Толстиков 2017: 29.

⁸ Кузнецов 1991: 31–34; Koshelenko, Kuznetsov 1998: 255.

⁹ Копылов, Ларенок 1994: 5; Копылов 1999: 174–175; 2006: 85; см. также: Мачинский 1989а: 20.

внимания? Почему они не основали здесь ни единой *апойкии* (выселка) в середине или во второй половине VII в. до н. э.? Возможно, это было связано с местной демографической ситуацией, но, несмотря на нее, позднее на сравнительно небольшой территории Боспора, как уже говорилось, была основана целая серия относительно крупных греческих поселений¹⁰. Ничего подобного в других центрах греческой колонизации Северного Причерноморья просто не существует, греки-переселенцы ограничивались там созданием одного-двух крупных поселений (Борисфен, Ольвия, Керкинитида, Херсонес Таврический и др.). Среди боспорских *апойкий* представлены шесть *полисов*, или городов-государств (рис. 8) — Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Гермонасса, Кепы, Синдская Гавань (позднее переименованная в Горгиппию). Другие поселения, а их по письменным и археологическим источникам известно несколько дюжин, наиболее вероятно возникли в результате внутренней колонизации района, исходившей из ранее основанных колоний. Весьма показательны, что ранние поселения европейского Боспора были довольно крупными образованиями, позднее трансформировавшимися в города или небольшие городки; их обычно называют «малыми» боспорскими городами — это Мирмекий, Тиритака, Порфмий и др.¹¹

Еще раз повторю, что все отмеченные особенности освоения греками берегов Керченского

¹⁰ См.: Gajdukevič 1971: 32–38, 170–255.

¹¹ Виноградов 1993а: 86; 1999б: 104–105; 2005а: 222; но ср.: Молев 1997: 9; Анохин 1999: 6–10; Завойкин 2001а; Зубарь, Зинько 2006: 15–16; Зинько 2007: 38–39; Tsetskhladze 1997: 44.

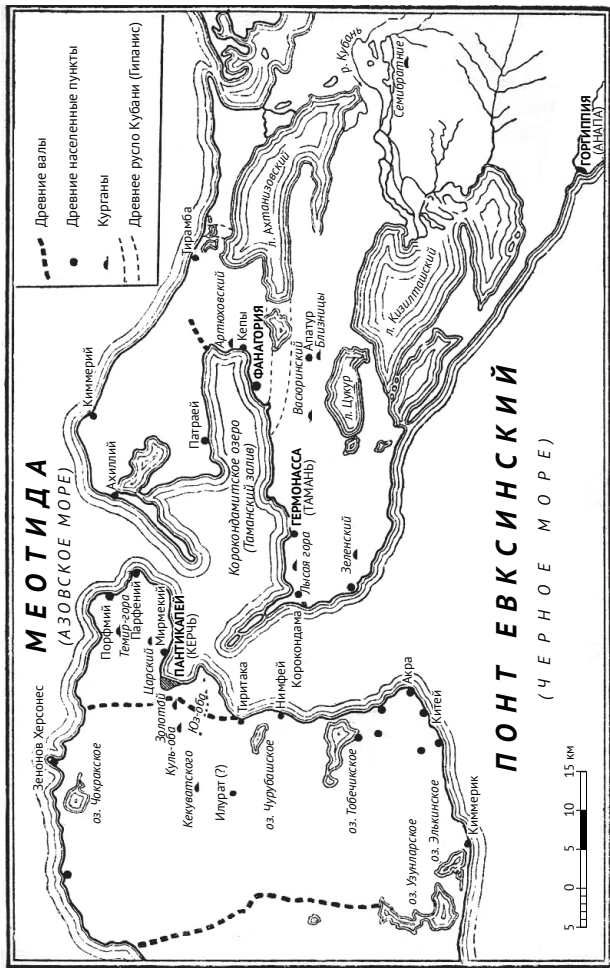

Рис. 8. Греческие колонии Боспора Киммерийского

пролива, скорее всего, были связаны с демографическими факторами, т. е. с особенностями социально-экономической организации местного населения. И хотя у нас нет веских оснований считать, что колонисты столкнулись здесь с каким-то постоянным, оседлым народом, но о присутствии номадов такие данные имеются. Геродот оставил сообщение о суровых зимах Скифии, отметив при этом: «Море и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы <...> идут в поход по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов» (Herod. IV. 28). Этот краткий отрывок вызывает большое количество вопросов, дать ответы на которые очень непросто¹². В. Ф. Гайдукевич полагал, что скифские переправы по льду происходили во время сезонных перекочевков на зимние пастбища в Прикубанье¹³. Много лет назад мы, а это были только что окончившие Ленинградский университет вместе со мной М. Ю. Вахтина и Е. Я. Рогов, посчитали возможным согласиться с этой точкой зрения и высказали предположение, что периодические переправы были наиболее важным фактором демографической ситуации на Боспоре во время колонизации и частично после нее¹⁴.

Относительно небольшая площадь степи Восточного Крыма, как представляется, не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов кочевниками, она более пригодна для их сезонного использования¹⁵. В силу краткости сообщения

¹² Завойкин 2013: 283–285.

¹³ Гайдукевич 1949: 33; Gajdukevič 1971: 40

¹⁴ Вахтина и др. 1980; ср.: Виноградов 2005а: 214–220.

¹⁵ Баранов 1990: 15.

Геродота, полный маршрут скифских передвижений, проходивших через район Боспора, реконструировать очень затруднительно. Сорок лет назад мы посчитали, что «отец истории» в своем рассказе описывал переправы скифов, направлявшихся из Поднепровья на зимние пастбища Прикубанья. Сугубо гипотетически, однако, можно предложить и другую интерпретацию. Не исключено, что кочевые скифы совершали свои передвижения по кольцевому маршруту, т. е. вокруг Азовского моря, пересекая пролив в начале зимы. И. А. Баранов реконструирует такой маршрут кочевания для ранних тюрок; это, по его выражению, «Большое Кочевое кольцо» было разорвано хазарским вторжением¹⁶.

В любом случае такие передвижения кочевников, несомненно, представляли для переселенцев немалую опасность, и, по всей видимости, греки, начав освоение северного побережья Черного моря, поначалу просто миновали пролив, не решившись основать здесь свои колонии. К непривычной обстановке необходимо было присмотреться из более отдаленного и более спокойного места. Однако и позднее, когда «на выгодном и опасном перекрестке» Боспора Киммерийского, как его назвал Д. А. Мачинский¹⁷, уже существовала целая серия греческих выселков, боспоряне не смогли создать вокруг своих городов системы сельскохозяйственных поселений, подобной той, которая, к примеру, сложилась

¹⁶ Там же. Весьма показательны, что в районе Керченского пролива существовали «хазарские переправы», засвидетельствованные рассказом Ибн-ал-Биби. См.: Якубовский 1927/1928: 54.

¹⁷ Мачинский 1989б: 9.

в Ольвийском регионе¹⁸. Небольшие деревни на пути варварских передвижений, разумеется, были слишком уязвимыми.

Некоторые исследователи указывают, что подобная система расселения была характерна только для Керченского полуострова, тогда как на Тамани во время археологических разведок зафиксировано немало сельских поселений, относящихся ко времени архаики¹⁹. Такое положение, казалось бы, противоречит гипотезе о периодических передвижениях кочевников через этот район. Однако это не совсем так, поскольку на некоторых архаических поселениях Таманского полуострова, на которых проводились раскопки (таких, к сожалению, очень немного), получены убедительные данные, позволяющие судить об их временном, сезонном характере²⁰. Это означает, что земледельцы проживали в них только во время проведения полевых работ, т. е. в летне-осенний период, когда номады уже давно миновали район пролива. К тому же, если следовать традиционному представлению, что Тамань в древности представляла дельту Кубани, состоящую из серии островов, то сами географические условия местности могли представлять для греков защиту от нападений кочевников,

¹⁸ Виноградов 1993а: 88–89; 2005а: 223; о сельской округе Ольвии этого времени см.: Крыжицкий и др. 1989: 12–95.

¹⁹ Абрамов, Паромов 1993: 71 сл.; ср.: Завойкин, Масленников 2006; Зубарь, Зинько 2006: 89–90; Saprykin 2006: 275.

²⁰ Соловьев, Бутягин 2002: 71; Виноградов 2002а; 2006б: 75; ср.: Горлов 2007: 96.

по крайней мере, на летний период, т. е. опять же на время проведения земледельческих полевых работ²¹.

Реальность ледовых походов скифов и, соответственно, их влияние на ход греческой колонизации некоторыми исследователями в последние годы подвергается большим сомнениям²². Основанием для таких сомнений признается, в частности, трудность или даже практическая неосуществимость переправы через большие, скованные льдом водные пространства. Действительно, пройти четыре километра по льду (такова примерная ширина Керченского пролива в самом узком месте, т. е. в районе переправ) было делом нелегким, но, как представляется, вполне осуществимым. В качестве аналогии рассказу Геродота можно привести свидетельство турецкого путешественника Эвлии Челеби, совершившего поездки по Крыму в 1641–1667 гг. Вместе с отрядом паши, а также многочисленными купцами и паломниками, он принял участие в переправе через пролив с таманской стороны на крымскую. Путешественник красочно описал трудности, свя-

²¹ В подтверждение этого приведу некоторые исторические параллели, связанные с походом Тамерлана. В арабских источниках имеются свидетельства об областях Мамукту (Мамкуту) и Бугаз-Кум, первую из которых обычно помещают на Северном Кавказе, а вторую — в низовьях Волги. В этих областях находились острова, жители которых, «сделав воду крепостной стеной», отказывались подчиниться Тимуру. Островитяне были покорены только зимой, когда вода была скована льдом. См.: Тизенгаузен 1941: 123, 184.

²² Масленников 2001a: 309 сл.; Паромов 2006: 376.

занные с этой переправой, но для турок она завершилась вполне успешно²³. Еще один пример в таком же роде относится к более позднему времени. По свидетельству очевидца, зима 1839–1840 гг. в Предкавказье выдалась очень суровой, в результате этого Керченский пролив покрылся льдом, и сообщение между двумя его берегами осуществлялось на санях²⁴.

Более отдаленный от Боспора в географическом отношении, но не менее показательный пример приводит арабский историк Ибн Батута. Описывая зимние переправы через Волгу около Астрахани, он сообщает: «Султан остается здесь (т. е. в Астрахани. — Ю. В.) до тех пор, пока усиливается стужа и эта река замерзает. Замерзают и соседние с нею воды. Потом он приказывает жителям этого края привезти (несколько) тысяч возов соломы, которые они кладут на лед, сплотившийся на реке... По этой реке и соединенными с нею водами ездят в арбах на расстояние трех дней пути. Часто по ней проходят караваны, несмотря на конец зимы, но (при этом) тонут и погибают»²⁵. Об использовании скованных льдом рек как своего рода зимних дорог вряд ли стоит особо говорить, многие путешественники отмечали это удивительное для них явление²⁶. В общем, переправы через замерзшие водные пространства для кочевников не были исключительным явлением. Для того чтобы неподкованные лошади не скользили по льду, могли использоваться самые простые средства

²³ Эвлия Челеби 1996: 164–166.

²⁴ Филипсон 2000: 139.

²⁵ Тизенгаузен 1884: 301.

²⁶ См.: Тизенгаузен 1884: 306, 309; Рубрук 1993: 109.

(к примеру, разостланная солома), наконец, можно было передвигаться по снегу, а не по открытому льду²⁷. Все эти соображения позволяют с полным доверием относиться к сообщению Геродота о зимних переправах скифов через замерзший пролив, признавая их одним из важнейших факторов местной демографической ситуации во время греческой колонизации.

Сталкиваясь с греками на Боспоре, номады, как представляется, не использовали эту зону в экономическом отношении, а лишь рассматривали ее как удобный плацдарм для перемещений в Предкавказские степи. Подобное положение, когда кочевники были вынуждены пересекать территории, занятые представителями других видов хозяйственной деятельности (как правило, земледельцами), засвидетельствовано для различных исторических периодов во многих регионах, в том числе и в степях Евразии²⁸. Любопытное свидетельство, позволяющее лучше понять боспорскую ситуацию, оставил Иосафат Барбаро, с 1436 г. долгое время проживавший в Танае. Ему принадлежит описание татарской орды, переправившейся через Дон и продвигавшейся на запад мимо города. Это передвижение он наблюдал в течение всего светового дня, стоя на городской стене; ворота Танае при этом, естественно, были закрыты²⁹.

В принципе, такое соседство могло создавать немалые трудности для обеих сторон, как для кочевни-

²⁷ Барбаро 1971: 145.

²⁸ Хазанов 2008: 77; Khazanov 1984: 33.

²⁹ Барбаро 1971: 142–143.

ков, так и еще в большей степени для земледельцев. С одной стороны, оно таило в себе возможность возникновения взаимной вражды, конфликтов и т. д., но с другой, во избежание их, к заключению всякого рода договоров, соглашений и пр. В такой ситуации грекам, поселившимся на Боспоре, необходимо было научиться договариваться с варварами, и они, как представляется, овладели этой наукой в совершенстве. В этом отношении еще раз стоит напомнить, что античные письменные источники сохранили информацию об основании Пантикапея на земле, полученной от скифского царя (St. Byz. s.v. Παντίκαπαιον).

Существуют веские основания считать, что, несмотря на соседство с номадами, боспорские колонии первоначально существовали в относительно мирной, благоприятной обстановке. Однако в середине VI в. до н. э., может быть, немного ранее или чуть позднее на греческих поселениях фиксируются заметные негативные явления, вероятно, связанные с ухудшением взаимоотношений с местными племенами. Это прежде всего демонстрируют слои крупномасштабных пожаров, открытые археологами в Пантикапее, Кехах, Мирмекии и Порфмии³⁰. Таганрогское поселение, о котором было сказано выше, прекратило свое развитие приблизительно в это же самое время³¹. Необходимо подчеркнуть также, что в Мирмекии и Порфмии были обнаружены остатки ранних фортификационных систем,

³⁰ Кузнецов 1992: 32, 42; Вахтина, Виноградов 2001; Виноградов 2005a: 224–224; 2008: 42 сл.; Толстиков 2017: 35; Vinogradov 1999: 288–290.

³¹ Копылов 1999: 174–175.

относящихся к второй половине VI в. до н. э.³², а в Пантикапее — к еще более раннему времени³³. В настоящий момент они являются наиболее ранними оборонительными сооружениями, открытыми в древнегреческих поселениях северного берега Черного моря.

Все эти факты весьма значимы, но, с другой стороны, не следует забывать, что со второй половины VI в. до н. э. на Боспоре появляются мастерские, продукция которых могла сбываться, в том числе и в варварскую среду. Таких археологических данных не очень много, но они все-таки имеются. В Пантикапее удалось открыть остатки четырех мастерских второй половины VI — начала V в. до н. э., значительную часть продукции которых составляло оружие, защитные доспехи и детали конской сбруи. Все эти изделия могли быть рассчитаны, так сказать, на варварского потребителя³⁴. Известная среди специалистов пантикапейская литейная форма, в которой, как считалось, отливались бляхи в зверином стиле³⁵, при специальном рассмотрении оказалась формой для отливки бутеролей (наконечников ножен) парадных мечей типа келермесских или мельгуновских, т. е. найденных в самых богатых погребальных памятниках периода скифской архаики³⁶. Н. А. Онайко предполагала также, что в боспорских мастерских были

³² Вахтина, Виноградов 2001; Виноградов 2008: 42 сл.; Vinogradov 1999: 290–293.

³³ Толстиков 2017: 35.

³⁴ Трейстер 1988: 58–59.

³⁵ Марченко 1962; Блаватский 1964: 40–41; Онайко 1966: 164–165; Яковенко 1976: 129.

³⁶ Трейстер 1988: 46–48; 1992: 74–75; 1998: 131–132.

произведены мечи типа обнаруженных у хут. Шумейко и Томаковки³⁷. В общем, весьма вероятно, что на Боспоре могли производиться самые разнообразные изделия, находившие сбыт у номадов, в первую очередь предметы вооружения³⁸. Конечно, в торговлю сразу стали вовлекаться, а со временем все в более и более крупных масштабах, вино и предметы роскоши, различные ювелирные изделия, в которых была заинтересована скифская племенная верхушка³⁹.

Результаты современного археологического изучения заставляют считать, что почти все греческие поселения Боспора первоначально имели довольно примитивный, полуварварский облик, поскольку были застроены заглубленными в землю жилыми и хозяйственными конструкциями (полуземлянками). Как представляется, стадия земляночного домостроительства занимала несколько десятилетий — от 30–35 лет (Тиритака) до 70–80 (Мирмекий). Лишь тогда все полуземлянки засыпались грунтом, и на их месте возводились наземные здания с внутренними дворами, улицы с тротуарами и т. д. Создание урбанистической структуры следует трактовать как важный показатель завершения периода адаптации колонистов к местным непростым климатическим, экологическим и демографическим условиям⁴⁰. С этого времени и приблизительно до конца первой четверти V в. до н. э. боспорские колонии находились на пике процветания.

³⁷ Онайко 1966.

³⁸ Онайко 1966: 159 сл.; Марченко 1971; Черненко 1979.

³⁹ Прушевская 1955: 336; Вахтина 1984: 9–10.

⁴⁰ Виноградов 1999б: 108.

Правление Археанактидов

О правлении Археанактидов на Боспоре (480/79–438/37 гг. до н. э.) мы знаем из единственного сообщения историка Диодора Сицилийского, отметившего в своей «Исторической библиотеке», что они властвовали 42 года (Diod. XII. 31. 1). О том, какие другие важные события имели место в это время на берегах пролива, древний историк, к сожалению, информации не оставил⁴¹. В такой ситуации приходится полагаться на данные молчаливой археологии, а они позволяют считать, что это было время заметной дестабилизации военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья, связанной с усилением скифской агрессивности. Столь серьезное изменение общей ситуации может быть объяснено по-разному. Некоторые исследователи связывают его с победой скифов в войне против персидского царя Дария, происшедшей, скорее всего, в диапазоне между 515 и 512 гг. до н. э.⁴² Изгнание персов из пределов Скифии, конечно, имело важное военно-политическое значение, но, на мой взгляд, оно не могло стать причиной дестабилизации обстановки в регионе. Такая перемена, скорее всего, была вызвана продвижением с востока Евразийских степей приблизительно в конце VI в. до н. э. новых скифских племен⁴³. Очень может быть, что это были скифы цар-

⁴¹ Завойкин 2013: 286.

⁴² См.: Виноградов Ю. Г. 1983: 399 сл.; Толстиков 1984; Шелов-Коведяев 1985а: 66–67; Васильев 1992; Vinogradov 1980: 70 ff.

⁴³ См.: Алексеев 2003: 168–193; Виноградов 2001а: 124–127; 2002б: 184–185; Marčenko, Vinogradov 1989а: 288–290.

ские, которых Геродот назвал самыми храбрыми и самыми многочисленными, считавшими «других скифов своими рабами» (Herod. IV. 20). Вполне возможно также, что «отец истории» имел в виду именно скифов царских, когда писал о *сколотах* (о них см. также гл. 2, раздел «Миграции кочевников и археология»), которые к скифам себя не относили, их так называли греки (Herod. IV. 6)⁴⁴. Эти «новые номады» с археологической точки зрения имели культуру, в некоторых чертах отличную от культуры времени скифской архаики, но имеющиеся различия, как представляется, греками не рассматривались как значительные, во всяком случае, они не помешали им распространить на пришельцев этноним «скифы».

Как представляется, появление новых групп кочевников стало причиной нарастающей военной напряженности в регионе, зафиксированной имеющимися источниками. Можно полагать, что скифы царские не сразу стали господствовать в Северном Причерноморье. Междоусобные войны, разразившиеся в это время в степях, к концу первой трети V в. до н. э. стали всеохватывающими⁴⁵, началась военная экспансия скифов на Балканы (Herod. IV. 40). В результате происшедших изменений греческие государства региона оказались в очень сложной ситуации, многочисленные сельские поселения Нижнего Буга и Днестра прекратили свое существование⁴⁶. Следы пожаров были открыты в ряде боспорских городов, и в некоторых из них были возведены

⁴⁴ Виноградов 2001a; но ср.: Исамгилов 1993: 63.

⁴⁵ Скорый 1997: 70; Murzin, Skory 1994: 70–71.

⁴⁶ Марченко 1980: 142–143; Vinogradov 1980: 71; Okhotnikov 2001: 103; Kryzhitsky 2005: 127.

оборонительные сооружения: Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Фанагория и др.⁴⁷ В такой непростой ситуации в 480/79 гг. до н. э. боспорские полисы, как можно предполагать, объединились в оборонительный союз во главе с Археанактидами (Diod. XII. 31. 1). Только объединенными усилиями они смогли противостоять скифскому натиску. Кем были эти Археанактиды, с уверенностью сказать невозможно. Скорее всего, их надо рассматривать как влиятельный аристократический род, много сделавший для освоения Боспора греческими переселенцами.

Для понимания непростой ситуации этого времени имеет значение одно необычное археологическое открытие, сделанное в 2010 г. при раскопках Пантикапея⁴⁸. Здесь было найдено захоронение расчлененного коня в богатой сброе, украшенной ажурными бляхами в скифском зверином стиле. Туша коня была расчленена по продольной оси и лишена головы. Столь необычный ритуал был совершен в первой четверти V в. до н. э., при этом, что особенно важно, произошло это на слое пожара. В. П. Толстиков и М. Б. Муратова считают, что принесенный в жертву конь был вражеским. Они пишут: «Очень возможно, что здесь представлен ритуал, включавший в себя элементы симпатической магии и направленный на сдерживание вражеских нападений, дабы избежать в будущем последствий предыдущего столкновения,

⁴⁷ Толстиков 1984: 26–31; 2017: 40–42; Шелов-Коведяев 1985а: 67; Виноградов 1992: 107; Виноградов, Тохтасьев 1994; Вахтина 1995: 33; Алексеева 1997: 13; Зинько 2007: 62; Tolstikov 1986: 168–170.

⁴⁸ Толстиков, Муратова 2013: 188–190; Толстиков 2015: 279.

результатом которого явился пожар начала первой четверти V в. до н. э.»⁴⁹. С мнением уважаемых специалистов вполне можно согласиться.

Долгое время считалось, что для защиты от давления из степей при Археанактидах был возведен вал, отсекавший восточную часть Керченского полуострова, который вошел в научную литературу под названием Тиритакского⁵⁰. Такое фортификационное сооружение, разумеется, должно было пресечь доступ кочевникам к переправам через Керченский пролив, о которых немало было сказано в предыдущем разделе. Современные археологические исследования, однако, заставляют относиться к данной гипотезе с очень большой осторожностью. А. А. Масленников, много сделавший для изучения боспорских валов, считает, что на месте Тиритакского вала существовали три разновременных сооружения, самое раннее из которых можно датировать лишь первой половиной IV в. до н. э.⁵¹ Вне зависимости от этого, следует предполагать, что важным результатом успешного противостояния боспорян скифскому натиску стало прекращение регулярных передвижений кочевников через замерзший пролив⁵², которые, как говорилось выше (гл. 3, раздел «Греческая колонизация и ранняя история апойкий Боспора Киммерийского»), были

⁴⁹ Толстиков, Муратова 2013:190.

⁵⁰ См.: Толстиков 1984: 32 сл.

⁵¹ Масленников 2003: 188–189. Признавая важность этого заключения, следует указать на необходимость продолжения исследований в данном направлении, обещающем новые открытия. Ср.: Завойкин 2006: 106; Зубарь, Зинько 2006: 39–40.

⁵² Виноградов 2005: 243, 245.

основным фактором демографической ситуации на Боспоре во время греческой колонизации.

Оборонительный союз Археанактидов вряд ли можно понимать как единое государство или тем более державу. Греческие *полисы* в его структуре, скорее всего, сохранили свою автономию, на что может указывать факт монетной чеканки, осуществлявшейся не только Пантикапеем, но Фанагорией и Нимфеем⁵³. Немалое значение для понимания исторической ситуации имеют также курганы местной знати, которые приблизительно с середины V в. до н. э. стали возводиться около Нимфея, Пантикапея, Фанагории, Кеп и, вероятно, Гермонассы. Эти памятники имеют принципиальное значение для понимания специфики исторического развития Боспора. Дж. Бордман не без основания писал, что научный интерес к боспорским колониям в немалой степени объясняется их близостью к богатейшим скифским курганам⁵⁴. Следует подчеркнуть, что прочная традиция совершения такого рода погребений на Боспоре сложилась именно при Археанактидах⁵⁵. На этом основании можно даже предположить, что в отражении скифской агрессии греческим *полисам* помогали союзные им варварские племена. Имеющиеся материалы, таким образом, дают основания считать, что внутри союза Археанактидов боспорские *апойкии* сохранили определенную степень независимости⁵⁶.

⁵³ Анохин 1986: 14–16; 1999: 41, 44–46; Васильев 1992: 123; Shelov 1978: 11–32.

⁵⁴ Boardman 1964: 263.

⁵⁵ Виноградов 2001б: 77–78; 2005: 245–248.

⁵⁶ Виноградов 2002б: 191–192; 2005: 259–260.

В отношении этого исторического этапа следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Дело в том, что за многие десятилетия, прошедшие со времени появления на берегах Керченского пролива греческих колоний и до середины V в. до н. э., археологические материалы не дают оснований судить о культуре боспорской аристократии. Действительно, для обозначенного периода нам неизвестны ни монументальные гробницы, ни богатые погребения, которые можно было бы уверенно связывать с этой группой населения. Такое положение не может не вызывать вопросов, поскольку в истории любого общества элита играет очень важную роль⁵⁷. Отмечу, что в данном случае речь идет именно об аристократической культуре, а не о существовании социального слоя аристократов. Таковые, естественно, были среди колонистов, и в жизни ранних *апойкий* их значение нельзя подвергать сомнению, в частности, это с уверенностью можно сказать в отношении Археанактидов. Вот только аристократическая культура долгое время почти не проявлялась в археологических источниках. Самыми ранними элитарными погребениями Боспора следует считать упомянутые выше курганы с местными чертами обряда и сопровождающего инвентаря — наличием оружия (оборонительного и наступательного), золотых украшений в скифском зверином стиле, сопровождающих захоронений коней, бронзовые детали узды которых опять же исполнены в скифском зверином стиле (рис. 9), и т. д. Некоторые исследователи считают эти погребения варварскими, другие полагают, что так

⁵⁷ См.: Виноградов 20176.

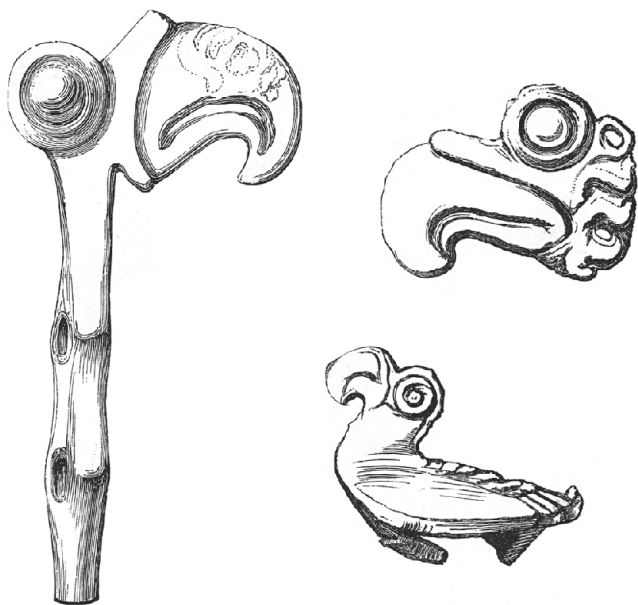

Рис. 9. Украшения конской узды из Нимфейских курганов (по: Толстой, Кондаков 1889а)

могли хоронить и греков. В любом случае, однако, следует признать, что яркая и самобытная культура элиты Боспора стала формироваться под сильным варварским влиянием⁵⁸.

Ранние Спартокиды

По сообщению Диодора Сицилийского, власть на Боспоре принадлежала Археанактидам 42 года, и в 438/37 гг. до н. э. она перешла к Спартоку (Diod. XII. 31.1), который, если судить по имени, был не

⁵⁸ Виноградов 2019: 4–5.

эллином, а фракийцем⁵⁹. Его потомки, Спартокиды, правили здесь более трех веков. Эта важная переменная прихлась на начало нового периода в истории Северного Причерноморья, отличавшегося относительной стабилизацией военно-политической обстановки. Царские скифы, как можно считать, к этому времени установили полный контроль над степями и, по выражению Геродота, считали «других скифов своими рабами» (Herod. IV. 20). Постепенное ослабление военной опасности к концу третьей четверти V в. до н. э., вероятнее всего, стало предпосылкой общей стабилизации, выразившейся в развитии экономической и культурной жизни в регионе. В дальнейшем обозначенная стабилизация привела к «золотому веку» Великой Скифии⁶⁰, самым позитивным образом отразившись на положении всех расположенных здесь греческих государств. Не случайно, что около 430 г. до н. э. греки начали реколонизацию сельскохозяйственных территорий Северо-Западного Причерноморья⁶¹. Такое могло иметь место только в условиях отсутствия военной опасности.

Все категории источников показывают, что «золотой век» на Боспоре Киммерийском продолжался с последней трети V по первую четверть III в. до н. э. включительно. Он был таковым, даже несмотря на серию войн, развязанных Спартокидами на Боспоре в конце V — первой половине IV в. до н. э. (о них будет сказано чуть ниже). Одним из наиболее существенных признаков благоприятной

⁵⁹ См.: Виноградов 2017в: 112–115.

⁶⁰ Marčenko, Vinogradov 1989a: 809.

⁶¹ Виноградов, Марченко 1995: 81; ср.: Braund 2007: 63.

военно-политической ситуации в регионе было развитие боспорской *хоры*, явный пик в истории которой приходится на конец этого периода⁶². С обозначенным явлением самым непосредственным образом был связан следующий важнейший момент — на рассматриваемом этапе большого размаха достиг боспорский хлебный экспорт в страны Средиземноморья, прежде всего в Афины. Античные письменные источники засвидетельствовали весьма крупные цифры поставок зерна, осуществлявшихся правителями Боспора (Dem. XX. 32; Strab. VII. 4. 6). Помимо того, активно развивалась торговля Боспора с хинтерландом (так часто называют территории, населенные варварами), о чем свидетельствуют многочисленные археологические материалы. Показательно, что во второй половине IV в. до н. э. небольшая боспорская колония функционировала как отдельный греческий квартал в структуре варварского Елизаветовского городища в Донской дельте⁶³.

Первые Спартокиды проводили весьма активную политику, направленную на усиление государства и расширение его границ⁶⁴. Сатир I захватил Нимфей и пытался завоевать Феодосию; Левкон I сумел овладеть Феодосией, Фанагорией, а также территориями ряда местных племен на азиатском Боспоре: синдов, торетов, керкетов и др. Эти завоевания осу-

⁶² Кругликова 1975: 53 сл., 254, рис. 101; Паромов 1990: 64; Масленников 1998а: 43; Зубарь, Зинько 2006: 73 сл.; Зинько 2007: 82–83; Saprykin 2006: 275–277.

⁶³ Марченко и др. 2000: 248–252.

⁶⁴ См.: Шелов-Коведяев 1985а: 82–143; Виноградов, Горончаровский 2009: 71–79; Gajdukevič 1971: 65–84.

ществлялись отнюдь не просто, они требовали значительного напряжения сил — Сатир I по одной из версий скончался под стенами Феодосии, а Левкону I даже пришлось отражать нападения флота Гераклеи Понтийской (греческая колония, расположенная на южном берегу Черного моря) на район Керченского пролива. Историк Полиэн сохранил рассказ о весьма примечательном эпизоде, происшедшем во время этих военных столкновений. Воины Левкона были построены в две линии — впереди стояли тяжелооруженные греческие пехотинцы (гоплиты), а за ними — скифы. Первые действовали очень медленно и по существу не противодействовали вражеским высадкам. Тогда Левкон открыто объявил, что если те будут продолжать действовать в таком же духе, то скифы должны стрелять им в спины из луков. «Узнав об этом, гоплиты мужественно воспрепятствовали врагам высадиться» (Polyaen. Strateg. VI. 9. 4). Из этого несколько анекдотичного рассказа можно сделать вывод о существовании между Боспором и Скифией самых тесных, союзнических отношений.

Именно при Левконе I греко-варварское Боспорское царство обрело свою своеобразную форму с полиэтничной структурой и смешанной культурой. Начиная с этого правителя, Спартокиды стали носить пышный титул, в котором позиционировали себя *архонтами* Боспора и Феодосии, но *царями* подчиненных им варварских народов⁶⁵. Все эти особенности позволили некоторым исследователям сближать Боспор с более поздними эллинистическими

⁶⁵ См.: Тохтасьев 2001.

монархиями⁶⁶. Знаменитый советский антиковед В. Д. Блаватский даже считал, что при Спартокидах Боспорское государство сложилось как протоэллинистическая монархия⁶⁷. Эта точка зрения не нашла особой поддержки среди исследователей⁶⁸, хотя она имеет немалое рациональное зерно⁶⁹.

Греко-варварский характер государства Спартокидов ярко проявился в погребальных памятниках элиты — знаменитых курганах Боспора Киммерийского. Иногда они располагались одиночно или небольшими группами на равнине, но наиболее показательные курганные некрополи локализованы по вершинам холмистых гряд (Юз-Оба и др.); они представляют собой цепочки насыпей (рис. 10). М. И. Артамонов по этому поводу правильно заметил: «Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от городов, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещались обычно у кочевников, т. е. по сыртам, вдоль водораздельных холмов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребенных со степью, а не с городом»⁷⁰. Наиболее распространенным и массовым типом курганных ансамблей ранних кочевников, как известно, была цепочка. Боспорские архитекторы, продумывая структуру ландшафтных погребальных памятников,

⁶⁶ Жебелев 1953: 158; Minns 1913: 565, 577; Rostovtzeff 1930: 561, 568; ср.: Зубарь, Зинько 2006: 60, 94.

⁶⁷ Блаватский 1959: 14–22; 1985: 109–122.

⁶⁸ Шелов-Коведяев 1985а: 182 сл., 186; 1985б: 320; Завойкин 2001б; Сапрыкин 2003: 28.

⁶⁹ Подосинов 2014.

⁷⁰ Артамонов 1949: 31.

Рис. 10. Раскопки курганного некрополя Юз-Оба
(рисунок К. Р. Бегичева)

использовали именно этот простой тип, позволявший продемонстрировать «оптический эффект ритмического строя, создававший при перспективном наблюдении иллюзию бесконечного ряда»⁷¹. Нет сомнения, что этим способом достигалось выражение фундаментальной идеи, связанной с представлением о вечности жизни, о связи земного существования правителей государства с их посмертной судьбой.

Новой структуре государства соответствовала новая топография размещения погребений местной аристократии. На сей раз могильные насыпи были сгруппированы около двух столиц Боспора — Пантикапея и Фанагории. Первая из этих групп более многочисленна и показательна, она включает курганы с очевидными варварскими особенностями:

⁷¹ Чернопицкий 1980: 185; см. также Чернопицкий 1983; 1984.

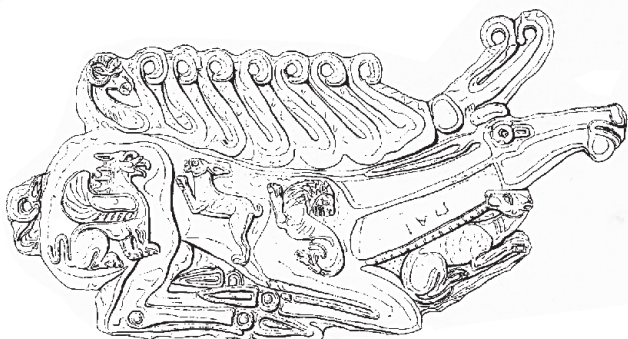

Рис. 11. Золотая бляха из кургана Куль-Оба
(по: Толстой, Кондаков 1889б)

Рис. 12. Окончания золотой гривны из кургана
Куль-Оба (по: Толстой, Кондаков 1889а)

Куль-Оба, курган Патиниоти, курган на землях Мирзы Кекуватского и др.⁷² Хрестоматийно известным памятником такого рода является курган Куль-Оба, раскопанный в окрестностях Керчи в 1830 г.⁷³ Эти раскопки стали важнейшей вехой в становлении боспорской (да и всей российской!) археологии. В обнаруженном здесь каменном склепе находились три погребения («царь», «царица» и «конюх»). Еще одно, более раннее погребение было обнаружено под по-

⁷² Виноградов 2005а: 268–274; 2017в: 160–176.

⁷³ См.: Ростовцев 1924: 376–385; Гайдукевич 1949: 267–277; Артамонов 1966: 62–66; Виноградов 2010а; Алексеев 2012: 19–20, 172–193.

Рис. 13. Электровый сосуд из кургана Куль-Оба
с изображением скифов
(по: Толстой, Кондаков 18896)

лом склепа, из него происходит знаменитая золотая пластина, изображающая лежащего оленя (рис. 11). Погребальный инвентарь Куль-Обы потрясает роскошью и разнообразием. На шею «царя», к примеру, была надета витая золотая гривна, концы которой были украшены фигурками скифских всадников (рис. 12). У ног «царицы» находилась золотая чаша с изображениями сцен из скифской жизни (рис. 13). Есть веские основания считать, что эти сцены отражают мифологическую традицию, связанную с легендой о происхождении скифов⁷⁴.

⁷⁴ Раевский 1970; 1977: 34–36; 1985: 17–22; 2006: 52–55; 282–287.

Рис. 14. Крепида Острого кургана (рисунок Ф. И. Гросса)

Очень показателен в этом отношении Острый, или Десятый курган, занимающий центральное место в курганном некрополе боспорской знати Юз-Оба⁷⁵. Он был раскопан полтора века назад, но лишь сравнительно недавно привлек внимание ученых. Здесь под высокой насыпью, окруженной восьмиугольной каменной *крепидой* (рис. 14), находилась большая катакомба. В нее вел монументальный колодец (шахта), стенки которого были обложены хорошо отесанными каменными рустованными блоками (рис. 15). Нет никакого сомнения в том, что это уникальное для Боспора сооружение следует связывать с катакомбами Скифии⁷⁶. Скорей всего, в Остром кургане был погребен Левкон I, имевший, как было сказано чуть выше, дружеские отношения со скифами.

Курганы Куль-Оба, Острый и др., как представляется, по-своему демонстрируют направление главных политических и культурных связей государства, которые вели тогда в степи Северного Причерноморья, символизируют наличие союзнических отношений между Скифией и Боспором в IV в. до н. э.⁷⁷. Такое положение, однако, сравнительно недавно получило трактовку, которую нельзя признать ни объективной, ни историчной. Имеется в виду гипотеза Р. Б. Исмаилова, посчитавшего, что Боспор со времени Спартокидов являлся типичным примером кочевой

⁷⁵ Виноградов и др. 2012: 72–83; Виноградов 2014; 2017в: 153–156.

⁷⁶ Ольховский 1977; 1991: 26 сл.; Абрамова 1982.

⁷⁷ Шелов-Коведяев 1985а: 156; Яковенко 1985: 28; 1986: 43 сл.; Виноградов 2005а: 275; 2017в: 176; ср.: Гайдукевич 1955: 122.

Рис. 15. Вход в катакомбу Острого кургана
(рисунок Ф. И. Гросса)

империи⁷⁸. В рассуждениях этого исследователя очень нелегко понять, каким образом государство, бывшее в своей основе греческим и при Спартокидах ставшее греко-варварским, превратилось в кочевую империю. Выше говорилось, что кочевые империи в большинстве своем создавались в результате завоевания кочевниками обширных территорий, населенных оседлыми народами (см. гл. 2, раздел «Кочевые империи»). В принципе, имеются все основания считать таковой Великую Скифию, сугубо умозрительно можно полагать даже, что Боспор мог быть ее частью. Однако о завоевании Боспора кочевыми скифами нам ничего не известно, государство управлялось своими архонтами/царями, с которыми скифы поддерживали тесные союзнические отношения. Таким образом, считать Боспорское государство империей или ее частью у нас нет решительно никаких оснований.

Для скифской элиты связи с греческими государствами были очень выгодны, и яркими свидетельствами этих выгод являются огромные богатства, составляющие погребальный инвентарь скифских царей. Вероятно, некоторые предметы, происходящие из этих комплексов, особенно высокохудожественные произведения так называемой греко-скифской торевтики, являются своего рода дарами скифским вождям от греческих государств, символизирующими дружеские отношения между ними и, очевидно, гарантирующими грекам определенную свободу рук на подконтрольных этим вождям территориях. Дипломатические дары — типичный элемент в регулировании отношений цивилизованных стран с варварами

⁷⁸ Исмагилов 1993: 64.

Рис. 16. Амфора из Чертомлыцкого кургана
(по: Толстой, Кондаков 18896)

вообще и с номадами в частности, о чем немало было сказано в предшествующей главе (см. гл. 2, разделы «Восток и запад степного коридора. Сходство в различии» и «Номады и земледельцы. Мирные контакты»). Повторюсь, что такими дарами вполне могут быть предметы греко-скифской торевтики, в большом количестве открытые в погребениях туземной знати. Одним из наиболее показательных примеров в их ряду, безусловно, является серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана (рис. 16), форма и орнаментация которой, по выражению А. Ю. Алексеева,

Рис. 17. Ритоны из кургана Карагодеуашх

воспринимались как «сложная, но в то же время лаконичная модель скифского Космоса»⁷⁹. Не менее показательны другие предметы: пектораль из Толстой могилы⁸⁰, а также три серебряных рога, обнаруженные в кургане Карагодеуашх (рис. 17)⁸¹.

⁷⁹ Алексеев 2012: 194; см. также: Кузьмина 1976; Мачинский 1978а; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 375–377, кат. 91.

⁸⁰ Мачинский 1978б; Раевский 1985: 181–203; 2006: 472–498.

⁸¹ Виноградов 1993б.

Важнейшее значение в этом отношении имеет вопрос о месте производства этих и многих других предметов греко-скифской торевтики из курганов Северного Причерноморья. М. И. Ростовцев считал, что центром их производства мог быть только Боспор, «так близко стоявший к Скифии и так хорошо знавший ее религию и быт»⁸². Эта гипотеза нашла большое количество сторонников⁸³. Е. О. Прушевская признавала временем наивысшего расцвета художественной обработки металла на Боспоре конец V и IV в. до н. э., когда, по ее мнению, в Пантикапее работала крупная мастерская⁸⁴. М. Ю. Трейстер, публикуя находку матрицы для изготовления украшений из тонкой золотой фольги и привлекая другие материалы, пришел к выводу, что существование мастерской торевтов в Пантикапее можно считать доказанным⁸⁵.

Возражения против гипотезы о производстве предметов греко-скифской торевтики на Боспоре высказала лишь А. П. Манцевич⁸⁶. Исследовательница предполагала фракийское происхождение значительной части шедевров ювелирного искусства, открытых в памятниках Северного Причерноморья

⁸² Ростовцев 1918: 54.

⁸³ См.: Гайдукевич 1949: 120 сл.; Иванова 1953: 80 сл.; Артамонов 1966: 61; Онайко 1970: 51 сл.; 1976: 78–86; Яковенко 1985б: 345; Gajdukevič 1971: 132 ff.; Strong 1966: 87.

⁸⁴ Прушевская 1955: 399.

⁸⁵ Трейстер 1989: 97; см. также: Никулин 1957: 89; Федосеев 1994.

⁸⁶ Манцевич 1949: 220; 1962: 117 сл.; 1975: 112 сл.; 1980: 166.

и Прикубанья. Однако эта трактовка не нашла поддержки среди специалистов⁸⁷. Другое дело, что в изготовлении этих шедевров в конце IV — начале III в. до н. э. принимали участие македонские мастера, принесшие в эту сферу свои традиции, наработки, орнаментальные сюжеты и т. д., но они, скорее всего, трудились на Боспоре⁸⁸.

Греко-скифская торевтика имеет огромное значение отнюдь не только для изучения боспорского ремесла или взаимопроникновения, взаимовлияния двух культур, что само по себе важно. Греческие мастера в своих произведениях создали впечатляющие свидетельства их способности постижения мира северопричерноморских варваров с необыкновенной интуицией и не без симпатии по отношению к нему⁸⁹. Трудно сдержать удивление, насколько глубоко в своих лучших произведениях они сумели постичь и наглядно выразить своеобразие материальной и духовной жизни своих соседей.

Союз Боспора и Скифии, как представляется, определял очень многое в той исторической ситуации, которая сложилась в Северном Причерноморье в IV в. до н. э., но он мог существовать лишь до тех пор, пока Скифия сдерживала развитие негативных тенденций в степи. Эти тенденции, естественно, исходили с востока, от новых номадов, продвигавшихся из глубин Азии. К концу IV в. до н. э. военная угроза с этого направления стала вполне очевидной.

⁸⁷ См. Онайко 1970: 51; Мелюкова 1979: 192; Яковенко 1985б: 345 сл.; но ср.: Грач 1984: 107 сл.

⁸⁸ Roberts 2009: 198; Бутягин, Виноградов 2014: 83; Виноградов 2017в: 180–181.

⁸⁹ Heinen 2001: 10.

В это время Великая Скифия постепенно вступила в период кризиса, политического и военного ослабления⁹⁰. И хотя во второй половине IV в. до н. э. в причерноморских степях было возведено большинство скифских «царских» курганов, этот хронологический отрезок может быть назван «золотой осенью» Скифии⁹¹, знаменующей приближение скорого конца. Весьма показательно, что по существу тогда же на Боспоре ситуация тоже стала меняться к худшему. Из речи Демосфена, произнесенной около 328 г. до н. э., мы знаем о войне царя Перисада I против каких-то скифов, что привело к серьезным затруднениям для афинских торговцев (Dem. XXXIV. 8). Торговые затруднения этого времени, однако, были всего лишь симптомом будущих потрясений. Следует обратить внимание также, что на поселениях хоры Нимфея фиксируются разрушения конца третьей — начала последней четвертей IV в. до н. э., которые обычно объясняются этой самой войной Перисада I со скифами⁹², но этот вопрос требует дополнительных исследований.

Вооруженный конфликт между тремя сыновьями Перисада (Сатир, Притан и Евмел), разразившийся в 310/09 гг. до н. э. и хорошо описанный Диодором Сицилийским (Diod. XX. 22–24), вероятнее всего, следует рассматривать не как простую междоусобицу или маленькую гражданскую войну⁹³. Борьба братьев за боспорский престол имела место во время развития в регионе другой, значительно бо-

⁹⁰ Мачинский 1971: 52.

⁹¹ Marčenko, Vinogradov 1989a: 811.

⁹² Зинько 2005a: 112; 2007: 115.

⁹³ Rostovtzeff 1930: 577.

лее масштабной борьбы двух этнополитических группировок — скифов и сарматов. Последние, как можно предполагать, к тому времени уже продвинулись к восточным рубежам Скифии. Представляется вполне естественным, что Сатир II, получивший власть над государством, а затем Притан, принявший ее после смерти брата, были поддержаны скифами, традиционными союзниками Боспора, — они выставили 20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы; помимо того, в войске имелось 2 тыс. наемников-греков и 2 тыс. наемников-фракийцев. Наиболее вероятно, мятежному Евмелу оказали активное содействие сарматы-сираки во главе с царем Арифарном, располагавшим значительными воинскими силами (20 тыс. конницы и 22 тыс. пехоты)⁹⁴. Боевые действия развернулись в районе Прикубанья. Судьба распорядилась так, что именно Евмел оказался победителем в войне с братьями, и это событие, как представляется, стало важной отправной точкой для будущего развития Боспорского государства.

Не останавливаясь на интереснейших перипетиях войны между царевичами, хочется обратить внимание на одно обстоятельство, скорее всего, связанное с влиянием военного дела кочевников. Диодор сообщает, что Сатир, отправляясь в поход, снарядил большой обоз с продовольствием. Такое мероприятие нельзя считать лишним, если предположить, что его войску предстояло продвинуться вглубь степей, а это грозило серьезными трудностями со

⁹⁴ См.: Десятчиков 1977: 46; Виноградов 2003: 77–92; 2005а: 277–281; Виноградов, Горончаровский 2009: 91–96; Rostovtzeff 1922: 145; 1930: 577; Sulimirski, 1970: 95.

снабжением. Однако не это обстоятельство является самым показательным. Диодор сообщает также, что войско Сатира, приблизившись к неприятелю, встало лагерем, окружив его телегами со всех сторон. Такое устройство лагеря («табором» или «курением») было очень характерно для кочевников более позднего времени⁹⁵, но здесь важно подчеркнуть, что первое описание военного лагеря, окруженного телегами, для региона Причерноморских степей дал именно автор «Исторической библиотеки». Вполне понятно, что боспорский царь Сатир использовал варварскую, даже кочевническую традицию по той причине, что его войско по составу было преимущественно скифским⁹⁶.

В этом отношении нельзя обойти вниманием еще один момент, связанный со сражением, происшедшим между войсками претендентов на боспорский престол, в историографию это сражение вошло как битва на реке Фат⁹⁷. По сообщению Диодора, перед тем, как вступить в бой, противники построились следующим образом. Сатир II с отборным отрядом конницы встал в центре своих боевых порядков, как специально отмечено, *по скифскому обычаю*, а в центре враждебных ему сил находился Арифарн. Этот, казалось бы, не очень существенный эпизод лишний раз однозначно указывает на то, сколь большим было влияние степняков на военное дело Боспорского государства.

⁹⁵ Голубовский 1902; Плетнева 1964: 133–134.

⁹⁶ Виноградов 2003: 78; Виноградов, Горончаровский 2009: 92.

⁹⁷ Виноградов, Горончаровский 2009: 92–95.

В античной письменной традиции междоусобица сыновей Перисада нашла отражение не только в повествовании Диодора, ее отголоски можно найти в новелле Лукиана Самосатского «Токсарид или дружба». В ней фигурирует боспорский царь Евбиот (его имя можно сопоставить только с Евмелом)⁹⁸, который до воцарения находился у савроматов (сарматов). При нем произошло крупное военное столкновение Боспора со скифами, в котором на стороне боспорян выступили в том числе и савроматы (Luc. Тох. 54–55). Информация Лукиана, на мой взгляд, не противоречит, а дополняет сообщение Диодора. Евмел, скорее всего, не просто вступил в дружеские связи «с некоторыми из варварских народов», как это сказано у сицилийского историка, а находился у сарматов, хотя трудно сказать, в каком качестве — посланника, заложника или просто беглеца.

Из рассказа Диодора известно, что Евмел, получив власть, жестоко расправился со сторонниками Сатира и Притана, не пощадив даже членов их семей. Бегством удалось спастись лишь племяннику нового царя, сыну Сатира царевичу Перисаду, который нашел убежище у скифского царя Агара (Diod. XX. 24). Этот важный эпизод еще раз свидетельствует, что связи Боспора со скифами до событий 310/9 гг. до н. э. были самыми дружественными, но с победой

⁹⁸ Об Евбиоте мы знаем не только из рассказа Лукиана Самосатского. Имеются фрагменты папирусного свитка, содержащего часть романа II в. н. э., сюжет которого построен на истории боспоро-сарматских взаимоотношений. Фигурирующий на его страницах Евбиот, как и лукиановский царь, был дружен с савроматами. См.: Блаватская 1959: 143–146.

Евмела им явно пришел конец, при этом не на какой-то краткий момент, а, как можно считать, на весьма продолжительный период. Ведущее место во взаимоотношениях Боспора с варварским миром теперь заняли сарматы.

Диодор Сицилийский о правлении Евмела оставил весьма любопытное суждение: «Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую (чем прежде) известность. Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизнь» (Diod. XX. 25). Действительно, на престоле Евмел пробыл всего пять лет и пять месяцев, погибнув от нелепой случайности. Не этот факт, однако, должен привлекать наше внимание. Нет сомнения, что территориальные приобретения этого царя вряд ли были возможны без серьезной поддержки в среде местных племен, в первую очередь сарматов. На волне таких успехов у него даже возник план объединения всех припонтийских племен. В реальности существования такого плана вряд ли можно сомневаться, однако большие сомнения возникают в связи с возможностью исполнения столь грандиозной задачи на практике. С другой стороны, нельзя исключать того, что на какой-то краткий момент она могла показаться Евмелу вполне реалистичной, но здесь опять же многое зависело от баланса сил в мире причерноморских греков и варваров. Забегая вперед, стоит отметить, что через 200 лет такой план был воплощен в жизнь понтийским царем Митридатом VI Евпатором (см. гл. 3, раздел «Боспор под властью Митридата»).

В высшей степени важные результаты для понимания военно-политической ситуации, сложившейся в регионе, имеют исследования крепости Ак-Кая (Вишенное) в центральном Крыму, предпринятые в сравнительно недавнее время⁹⁹. Ю. П. Зайцев, руководитель раскопок городища, признает его столичный статус. По заключению исследователя, крепость, имеющая площадь около 10 га, была возведена по эллинским стандартам в конце IV в. до н. э.¹⁰⁰ Вполне возможно, что это городище было первой столицей Крымской Скифии, в строительстве которой активное участие принимали боспорские мастера. Это обстоятельство позволяет считать, что на тот момент отношения Боспора со Скифией (вероятнее всего, уже не Великой) были вполне дружескими. Совсем не исключено, что именно сюда, в ставку скифского царя Агара, сбежал Перисад, сын Сатира II¹⁰¹. Однако в 70-х гг. III в. до н. э. в крепости случился пожар, который Ю. П. Зайцев признает катастрофическим¹⁰². События такого рода в научной литературе обычно трактуются как последствия вражеских нападений. Если это так, то стоит задаться вопросом, кто совершил такую военную акцию. Не исключено, что нападение предприняли сарматы, совершавшие тогда вторжения в Таврику¹⁰³, но, как представляется, это могли сделать и боспоряне (одни или в союзе с сарматами). Новые политические приоритеты Боспора вполне к этому располагали.

⁹⁹ Зайцев 2017.

¹⁰⁰ Там же: 130.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же: 126.

¹⁰³ Виноградов Ю. Г. 1999а.

В отношении городища Ак-Кая, которое, скорее всего, действительно было первой столицей Крымской Скифии, надо добавить, что оно активно использовалось до середины II в. до н. э. В дальнейшем этот центр пришел в упадок, и имеются веские основания полагать, что столица была перенесена в Неаполь Скифский¹⁰⁴. Это событие, однако, пришлось на совсем другой исторический период (см. гл. 3, раздел «Боспор и новая волна сарматских миграций»), так что здесь мы несколько «забежали вперед».

Среди боспорских курганов, относящихся к этому времени, выделяется Большая Близница, расположенная на Таманском полуострове¹⁰⁵. Сделанные здесь открытия (три склепа, две гробницы в виде каменных ящиков и пр.) не оставляют сомнения в том, что курган использовался как место для жреческих погребений. В склепе 1 было обнаружено очень богатое женское погребение. Любопытно, что среди находок из этого склепа представлены четыре уздечных набора, в состав которых входили не только обычные бронзовые псалии, наносники, лунницы, колокольчики и пр., но и круглые бляхи-фалары с изображениями сцен борьбы Посейдона с гигантами и греков с амазонками¹⁰⁶. Украшение конской сбруи фаларами является деталью, нетипичной для классической скифской культуры; такие

¹⁰⁴ Зайцев 2017: 179–180; Иванчик 2017: 37–38. О Неаполе Скифском см.: Зайцев 2003.

¹⁰⁵ См.: Ростовцев 1913–1914: 10–29; Гайдукевич 1949: 284–293; Артамонов 1966: 68–74; Уильямс, Огден 1995: 180–195, 267–271; Власова 2010: 217–229.

¹⁰⁶ Трейстер 2001; Виноградов 2017в: 173, 425, рис. 50.

бляхи засвидетельствованы лишь для завершающей ее фазы. Их широкое распространение в Северном Причерноморье связывается с влиянием мира восточных по отношению к Скифии кочевников, более определено — сарматов¹⁰⁷. Фалары стали очень популярными на Боспоре, так что упоминания этих предметов будут неоднократно встречаться на страницах дальнейшего повествования.

Важная особенность рассматриваемого этапа заключается также в том, что начиная с этого времени погребения местной аристократии стали производиться только на азиатском Боспоре. На территории Восточного Крыма самый поздний курган такого типа датируется приблизительно концом IV — началом III в. до н. э., — это курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун под Керчью в 1875 г. Этот замечательный памятник времени падения Великой Скифии хрестоматийно известен благодаря находке золотого шлема (рис. 18). Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь этого комплекса весьма необычен для Боспора, он демонстрирует явные меото-сарматские особенности¹⁰⁸. Совсем не исключено, что в этом кургане был погребен один из союзников Евмела, поддержавших его во время борьбы против братьев за боспорский престол¹⁰⁹. Вряд ли здесь упокоился сам царь Арифарн.

¹⁰⁷ Спицын 1909; Ростовцев 1993: 44 сл.; Виноградов 2006б; Pfrommer 1993: 5; Mordvinceva 2001.

¹⁰⁸ Виноградов 2005а: 290–294; 2017в: 176–182; Бутягин, Виноградов 2014.

¹⁰⁹ Gajdukevič 1971: 142; Бутягин, Виноградов 2014: 109.

Рис. 18. Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун 1875 г.
(по: Толстой, Кондаков 1889а)

Весьма показательно, что две названных войны в истории Боспора (война Перисада I со скифами и уособица его сыновей из-за наследования престола) не стали причиной ощутимых кризисных явлений. Конечно, война во все времена — это трагедия, кровь и страдания. Нет и не может быть сомнения в том, что в последней трети IV в. до н. э. Боспорское государство переживало весьма непростые моменты. Тем не менее, археологические данные убедительно демонстрируют, что хронологический период, охватывающий всю вторую половину IV в. и начало III в. до н. э., в целом был временем процветания. Еще раз повторяю, это был настоящий «золотой век». По моему мнению, локальные военные конфликты с теми или иными варварскими племенами вообще не

могли стать для Боспора причиной серьезного кризиса. Основная причина подобных кризисов, скорее всего, лежала в плоскости глобальных изменений военно-политической ситуации в мире кочевников Северного Причерноморья.

Боспор и падение Великой Скифии

Первая половина III в. до н. э. в истории Северного Причерноморья может быть определена как период нестабильности, связанной с крушением Великой Скифии. Выше было сказано, что к концу IV в. до н. э. она уже внутренне ослабла, и фатальный удар по ней был нанесен новой миграцией восточных номадов — сарматами — около 300 г. до н. э.¹¹⁰ Это событие вполне можно поместить в ряд великих военно-политических катастроф Древнего мира, сопоставимых с падением персидской державы Ахеменидов и т. п. Скифия была удивительно ярким и самобытным культурно-историческим феноменом, подобного которому в дальнейшей истории Северного Причерноморья найти невозможно.

Первая волна сарматских продвижений с востока, как представляется, была связана с сираками и аорсами; возможно, она включала также сарматов «царских»¹¹¹. Эта миграция вызвала в степях северного берега Понта кризис более глубокий, чем тот, который имел место в первой половине V в. до н. э. (см. гл. 3, раздел «Правление Археанактидов»), он

¹¹⁰ Виноградов Ю. Г. 1997: 122; 1999а; Виноградов и др. 1997: 93; Бруяко 1999: 84–86; Алексеев 2003: 277.

¹¹¹ Виноградов 2004а: 20 сл.; Vinogradov 2003: 217–219.

потряс всю систему греко-варварских взаимоотношений в регионе. По свидетельству Диодора Сицилийского, савроматы (сарматы) «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно уничтожая побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. II. 43. 7). Надо признать, что археологические данные не противоречат такому пониманию ситуации в степях Северного Причерноморья.

Вообще же эта ситуация отличалась значительным своеобразием. Складывается впечатление, что сарматы, нанеся серию жестоких военных ударов по Скифии, в силу ряда причин не сумели освоить скифские степи. На сравнительно долгое время эти племена обосновались на востоке, в областях Подонья и Прикубанья, тогда как степи северного берега Черного моря оказались практически запустевшими вплоть до II в. до н. э.¹¹² Причиной столь необычного феномена, возможно, была кельтская экспансия в области к востоку от Дуная. Совсем не исключено, что в III в. до н. э. в районе Поднепровья столкнулись две волны миграций — восточная (сарматская) и западная (кельтская), и на этой территории существование любых стабильных этнических общностей было невозможно.

Археологическую картину Северного Причерноморья этого времени нельзя представить без кладов, которые, разумеется, следует понимать как свидетельство напряженной военно-политической ситуации, сложившейся в регионе. Они, как правило,

¹¹² Симоненко, Лобай 1991: 76; Полин 1992: 111–112, 120–121; Полин, Симоненко 1997: 92; Марченко И. И. 1996: 72; Виноградов Ю. Г. 1997: 123, прим. 96; Виноградов 1999а: 57–58, 76; Simonenko 1994: 116.

Рис. 19. Фалар из Федуловского клада
(по: Mordvinceva 2001)

включают детали конского снаряжения (уздечки, фалары и пр.), предметы вооружения (мечи, бронзовые кельтские шлемы и пр.) и т. д. Одним из наиболее любопытных памятников такого рода является Федуловский клад, обнаруженный на левобережье Дона. Он известен прежде всего благодаря паре больших серебряных фаларов с изображением головы льва, держащего в пасти копье (рис. 19). Этот клад обычно датируют концом III в. до н. э.¹¹³, что, на мой взгляд, неверно — он принадлежит к более раннему времени, а бляхи, скорее всего, были изготовлены на Боспоре

¹¹³ Засецкая 1965: 36; Смирнов 1984: 112.

в первой половине этого столетия¹¹⁴. Вся система пышной орнаментации фаларов свидетельствует о сохранении традиций боспорских мастеров, создававших шедевры греко-скифской торевтики второй половины IV в. до н. э. Материал их изготовления, как и многих других ранних сарматских фаларов, — серебро, что, на мой взгляд, не случайно. Вполне возможно, что здесь нашла развитие мода, получившая первоначальный импульс далеко от Северного Причерноморья — в армии Александра Македонского. Некоторые древние историки сохранили свидетельство, что перед индийским походом или даже ранее Александр приказал своему войску посеребрить бляхи конской сбруи (Diod. XVII. 57; Curt. VIII. 9; Just. XII. 7. 4).

Для лучшего понимания сложившейся ситуации принципиально важное значение имеют археологические памятники Тираспольской группы в Северо-Западном Причерноморье. Они свидетельствуют о консолидации здесь какой-то группы варваров, пришедшей на вторую половину III в. до н. э. Об этнической принадлежности этих памятников разгорелась немалая дискуссия¹¹⁵. Большинство исследователей как будто склоняются к их скифской интерпретации. Однако из ольвийского декрета в честь Протогена (IOSPE. I². 32), в котором ситуация этого времени описана весьма выразительно, известно, что скифы не были здесь серьезной военной силой. Для Ольвии основная угроза исходила с двух на-

¹¹⁴ Виноградов 2006б: 217.

¹¹⁵ См.: Бруяко 2005–2009: 333–337; Виноградов, Марченко 2014: 152–153.

правлений — с востока и запада. Восточная была связана с кочевниками-сайями, а западная — с галатами (кельтами) и скирами, собравшимися совершить нападение на город вместе с ними. Часть граждан Ольвии, опасаясь этого нападения, решила покинуть родные места и перебраться в более безопасное место. Кто такие эти скиры, с достоверностью сказать невозможно, но очень вероятно, что Тираспольскую группу памятников оставили именно эти варвары¹¹⁶. Таким образом, можно считать, что военно-политическую ситуацию в регионе определяли две группировки варваров, одна из которых (сираки, сайи) находилась к востоку от бывших скифских степей, а вторая — на их западной оконечности (скиры) или еще дальше (галаты). Между названными группировками закономерно возникло соперничество за обладание этими территориями, но ни одна из них не была в состоянии одержать окончательную победу, так что степи Северного Причерноморья почти на 70 лет оставались практически «ничейной» землей¹¹⁷.

Все греческие государства северного берега Черного моря тогда вступили в сложный период адаптации к новым историческим реалиям. Все они, в том числе и Боспор, приблизительно в конце первой трети III в. до н. э. потеряли поселения *хоры*, всегда наиболее уязвимые при вражеских нападениях¹¹⁸.

¹¹⁶ Виноградов, Марченко 2014: 153; Виноградов 2020: 157–160.

¹¹⁷ Виноградов и др. 1997: 19; Виноградов 1999а: 80.

¹¹⁸ Щеглов 1985: 192; Крыжицкий и др. 1989: 100; Виноградов, Щеглов 1990: 362; Марченко 1999: 168; Рогов 2005: 196; Масленников 1997: 63–65; Виноградов 2005а: 283; Okhotnikov 2001: 115.

Впечатляющие картины гибели боспорских сельских поселений, ставшей результатом агрессии со стороны варваров, открыты при раскопках в Восточном Крыму¹¹⁹. В городских центрах в это время началось активное строительство оборонительных сооружений¹²⁰. Вряд ли можно со стопроцентной уверенностью утверждать, кто конкретно был виновен в обозначенной военной катастрофе, но все-таки есть основания предполагать, что это были остатки скифов, оттесненных в Крым из степей Северного Причерноморья и вынужденных отвоевывать для себя здесь жизненное пространство¹²¹. Так сложилась Малая, или Крымская, Скифия¹²².

Катастрофа боспорской *хоры* закономерно привела к кризису хлебного экспорта в Средиземноморье. Этот кризис, как представляется, еще более был усугублен тем обстоятельством, что земледельческие племена Прикубанья и других районов, примыкавших к степям, в такой обстановке не могли поставлять на рынок излишки своих хлебных запасов. Следствием этих этнических и военно-политических перемен стал монетный кризис, характерный для всех греческих государств Северного Причерноморья и выразившийся в прекращении выпуска монеты

¹¹⁹ Зинько 1996: 16; 2007: 166, 169; Масленников 1997: 63, 65; 1998а: 88; Maslennikov 2005: 164; Saprykin 2006: 280.

¹²⁰ Tolstikov 1986: 171; Виноградов 2005а: 283–284.

¹²¹ Гайдукевич 1959: 277; Демьянчук, Туровский 1999: 92; Виноградов 2005а: 289–290; Виноградов, Горончаровский 2009: 105; Зубарь, Зинько 2006: 96; Rostovtzeff 1930: 57.

¹²² См.: Иванчик 2017; Мордвинцева 2017.

из драгоценных металлов, широком выпуске медной монеты с частой сменой типов, использованием перчеканок и надчеканок¹²³.

Если рассуждать сугубо умозрительно, то можно предположить, что в азиатской части Боспора, территориально расположенной ближе к районам, занятым сарматами, историческая ситуация должна была складываться не менее, а скорей более драматично, нежели в европейской. В результате происшедших перемен владыки Боспора, как представляется, потеряли власть над некоторыми из меотских племен, подчиненных ими ранее. Вместе с тем реальных свидетельств военных катастроф этого времени здесь почти не зафиксировано¹²⁴. Правда, на Семибратнем городище, одном из очень значимых археологических памятников района, был обнаружен слой пожара, относящийся к рассматриваемому периоду¹²⁵, но, даже если его связывать с сарматским нападением, то все равно приходится признать, что вскоре взаимоотношения с пришельцами нормализовались. В связи с этим следует напомнить, что в междоусобице сыновей Перисада за боспорский престол 310/9 гг. до н. э. победу одержал Евмел, поддержанный сираками. Почти нет сомнения, что в дальнейшем он сохранил хорошие отношения со своими союзниками по трудной борьбе. Неудивительно поэтому, что Елизаветинское городище на Средней Кубани

¹²³ Щеглов 1989; Виноградов 2005a: 289–290; Shelov 1978: 89–94.

¹²⁴ Виноградов 2005a: 285–287.

¹²⁵ Анфимов 1951a: 242; 1958: 52.

уже в конце IV в. до н. э. стало важным центром боспорского влияния в этом регионе¹²⁶.

Есть основания считать, что сарматы (сираки) заняли в это время ключевые позиции во взаимоотношениях Боспора с варварским миром, былому союзу со скифами явно пришел конец. В этом отношении весьма показательны некоторые из граффити, прочерченные на штукатурке в святилище Нимфея, прекратившем существование около середины III в. до н. э., т. е. рисунки явно относятся к первой половине этого столетия. Здесь представлены изображения тяжеловооруженных всадников-катафрактариев (о них см. гл. 2, раздел «Номады и оседлые народы. Соперничество на поле боя» и гл. 3, раздел «Последний расцвет Боспорского государства»), а также противостоящих им пеших лучников (рис. 20)¹²⁷. Всадники в конических шлемах и массивных панцирях вооружены длинными копьями. Почти нет сомнения, что так могли запечатлеть только сарматов¹²⁸. Пешие воины-лучники — это, вероятнее всего, скифы. Нетрудно понять, что в сцене боя, представленной на штукатурке, побеждают всадники-сарматы, а лучники-скифы терпят поражение¹²⁹. Если учесть, что скифы разорили поселения *хоры* европейского Боспора, то вполне понятно, что сарматские победы над ними вызывали у рядовых боспорских жителей вполне

¹²⁶ Анфимов 1966: 161; 1967: 130.

¹²⁷ Höckmann 1999.

¹²⁸ Виноградов Ю. Г. 2000: 274.

¹²⁹ Höckmann 1999: 341.

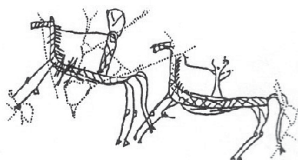
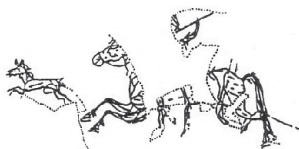
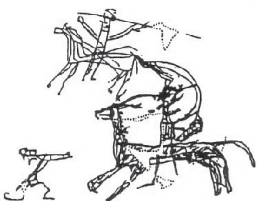

Рис. 20. Граффити с изображением батальных сцен из Святилища в Нимфее (по: Höckmann 1999)

понятную симпатию. На мой взгляд, эта симпатия была выражена даже в такой безыскусной форме¹³⁰.

Стоит добавить, что весьма любопытная ситуация сложилась в это время в низовьях Дона, то есть практически на пути сарматских походов на запад. Как показали археологические раскопки на Елизаветовском городище, в самом начале III в. до н. э. здесь была основана боспорская колония. Она просуществовала очень недолго и была сожжена в 280–270-х гг. до н. э., возможно, в результате нападения сарматов¹³¹. Однако почти одновременно с этим событием был основан Танаис¹³², ставший вскоре важнейшим центром боспорского влияния в районе Подонья (Strab. VII. 4. 5).

Новый расцвет Боспора

После потрясений первой половины III в. до н. э. положение Боспорского государства заметно улучшилось около середины этого столетия. В нашей научной литературе на это обстоятельство обращают внимание не очень часто. А вот М. И. Ростовцев прекрасно понимал, что Боспор на этом рубеже вступил в новый этап своего развития, который он определил как культурный ренессанс второй половины III – первой половины II в. до н. э.¹³³ Обозначенный культурный и, надо признать, экономический подъем в очередной раз был связан с периодом относительной стабилизации в степях Северного Причерноморья,

¹³⁰ Виноградов, Горончаровский 2009: 105.

¹³¹ Марченко и др. 2000: 70–71, 252–261.

¹³² Шелов 1970: 23; 1989: 47.

¹³³ Rostovtzeff 1930: 581; 1932: 227.

более очевидной в восточной части региона, нежели в западной¹³⁴. Этот период почти не освещен в письменных источниках, но есть веские основания считать, что государство в это время окрепло, и власть боспорских царей над меотами была восстановлена (КБН. 25), во всяком случае, частично.

В высшей степени показательно, что на Боспоре отчетливо прослеживаются признаки возрождения жизни на сельских территориях¹³⁵. На Таманском полуострове (поселение Артющенко-1) открыты даже остатки железоделательной мастерской, функционировавшей во второй половине III — первой половине II в. до н. э.¹³⁶ Как уже неоднократно говорилось выше, появление большого количества сельских поселений обычно хорошо увязывается с улучшением военно-политической ситуации в регионе. На сей раз на некоторых из них, расположенных в Восточном Крыму, были открыты оборонительные сооружения¹³⁷, что заставляет полагать, что улучшение ситуации в это время было в известном смысле относительным¹³⁸.

¹³⁴ Марченко 1996; Виноградов 1999а.

¹³⁵ Кругликова 1975: 95–96; Масленников 1998: 89; Зинько 2007: 169.

¹³⁶ Виноградов 2010б; Vinogradov, Lebedeva 2005: 316–317.

¹³⁷ Масленников 1998: 208–209, 211–216; Maslennikov 2005: 165.

¹³⁸ Необходимо отметить при этом, что в Северо-Западном Причерноморье ситуация была значительно более серьезной, чем на Боспоре. Ни один из расположенных там греческих городов не смог восстановить свою сельскую округу. См.: Виноградов, Марченко 2014: 149–150, 154–155.

Здесь несколько слов следует сказать о хлебном экспорте из Северного Причерноморья, который в IV в. до н. э. был весьма высок, но резко сократился в условиях дестабилизации военно-политической обстановки в регионе. Во время улучшения ситуации, пришедшейся на вторую половину III — первую половину II в. до н. э., экспорт хлеба из Северного Причерноморья и, прежде всего, с Боспора, вероятно, стал осуществляться достаточно регулярно. Разумеется, он не мог достичь масштабов IV в. до н. э., но о нем имеется документальное свидетельство — надпись Каллимаха, сына Каллимаха, поставленная в Афинах вскоре после 176/75 гг. до н. э.¹³⁹ В ней говорится о некоем купце (может быть, была даже группа таких купцов), поставлявшем оливковое масло в обмен на зерно, вероятнее всего, в города Северного Причерноморья. Неудивительно в связи с этим, что финансовая система Боспорского государства постепенно вышла из кризиса. Важные финансовые перемены, как известно, были связаны с реформой Левкона II¹⁴⁰.

По поводу торговых связей Боспора с Востоком следует сказать особо. Дело в том, что только в это время боспорские монеты начинают встречаться на очень отдаленных от Керченского пролива территориях. Фанагорийская монета 250–200 гг. до н. э. была найдена в Хорезме¹⁴¹. Целый клад боспорских монет был обнаружен еще дальше к востоку, вероятно, в Джунгарии (северо-западный Китай). Он состоял

¹³⁹ Граков 1939: 243–244. № 5.

¹⁴⁰ Shelov 1978: 133–138; Анохин 1986: 56–58.

¹⁴¹ Вайнберг 1977: 176 сл., № 6.

из 16 монет, 15 из которых были пантикапейскими и одна — фанагорийской¹⁴². Самый поздний экземпляр относится к II в. до н. э.¹⁴³ По непонятным для меня причинам исследователи не придают никакого значения этой находке, хотя подлинность клада вряд ли может вызывать сомнения. Не менее показательным представляется факт, что самые ранние восточные монеты, найденные в Северном Причерноморье (парфянские и греко-бактрийские), датируются II в. до н. э.¹⁴⁴ Все эти, пусть не очень многочисленные материалы, позволяют считать, что создание системы международной торговли, в которую, с одной стороны, был включен Боспор, а с другой — государства Востока, при несомненном участии кочевых сарматских народов региона, началось во второй половине III — первой половине II в. до н. э.¹⁴⁵

Что касается курганов боспорской элиты, то с их пониманием на рассматриваемом этапе связаны немалые трудности. Дело в том, что на европейском Боспоре их почти нет, это относится даже к столице государства — Пантикапею, а вот на азиатской стороне имеются в высшей степени показательные погребальные памятники¹⁴⁶. В связи с этим невольно возникает вопрос — где хоронили боспорских владык этого времени? Неужели с этой целью их тела переправляли через пролив?

¹⁴² Tomphson, Mørkholm, Kraay (eds.) 1973: 263, cat. 1821.

¹⁴³ Olbrycht 2001: 118.

¹⁴⁴ Mielczarek 1989: 91, nos. 94, 96, 153.

¹⁴⁵ Olbrycht 2001: 119; Vinogradov 2003: 222.

¹⁴⁶ Виноградов 2017в: 194–210.

В числе элитарных курганов азиатского Боспора известны довольно богатые памятники с местными чертами в погребальном обряде и инвентаре: комплексы Васюриной горы, Буерова Могила, Мерджаны и др.¹⁴⁷ Традиционно в список курганов рассматриваемого времени включается Малая Близница. М. И. Ростовцев даже считал, что в нем нет ни единой находки ранее конца III в. до н. э.¹⁴⁸ Специальное изучение памятника показало, что курган относится к IV в. до н. э., вероятнее всего, к его середине¹⁴⁹, так что из списка показательных памятников второй половины III — первой половины II в. до н. э. его необходимо исключить.

На вершине Васюринской горы было возведено несколько курганов¹⁵⁰. В самом большом из них был открыт двухкамерный расписной склеп, к которому вела каменная лестница. Около лестницы находились захоронения четырех коней с богатыми уздечными наборами, в состав которых входили фалары, ставшие очень популярными в сарматскую эпоху. В высшей степени любопытно, что эти четыре погребения являются разновременными. О. В. Шаров, проанализировав имеющиеся материалы, пришел к заключению, что два наиболее ранних из них относятся к III в. до н. э., третье — к началу II в. до н. э., а вот четвертое — к концу II — первой половине III в. н. э.¹⁵¹ Поминальные

¹⁴⁷ Там же: 210–216.

¹⁴⁸ Ростовцев 1925: 375; Rostowzew 1931: 333.

¹⁴⁹ Виноградов 2004б.

¹⁵⁰ См.: Ростовцев 1913–1914: 30–69; Власова 2004; 2010: 234–245.

¹⁵¹ Шаров 2009а; но ср.: Симоненко 2011.

Рис. 21. Золотая пластина из Мерджан

церемонии на кургане, как можно считать, не прерывались на протяжении пяти веков.

Очень показательной находкой из перечисленных памятников, на мой взгляд, является золотая пластина из Мерджан (окрестности Анапы), на которой изображен всадник с ритонем в руке, приближающийся к женщине (вероятнее всего, богине), сидящей на троне (рис. 21). Этот предмет долгое время относили к скифскому времени¹⁵², что глубоко неверно. Мерджанская пластина по-своему очень показательна совсем для другой, значительно более поздней эпохи — II в. до н. э.¹⁵³ Складывается впечатление, что на этом этапе боспорские правители сохранили и развили близкие, союзнические отношения с местными племенами Подонья и Прикубанья.

¹⁵² Артамонов, 1966: Табл. 331.

¹⁵³ См.: Виноградов 1998; 2017в: 215.

Боспор и новая волна сарматских миграций

Приблизительно в середине II в. до н. э. относительно стабильная ситуация в степях Северного Причерноморья была нарушена, из-за Дона на запад стали продвигаться новые племена номадов¹⁵⁴. Глубина кризиса, охватившего вследствие этого Северное Причерноморье, как представляется, была прямым результатом того, что в регионе тогда последовательно появилось сразу несколько кочевых этносов. Такое положение, разумеется, никак не способствовало развитию надежного базиса для сложения стабильных варварских этнополитических образований¹⁵⁵. В соответствии с текстом Страбона (Strab. VII. 3.17), эта вторая волна сарматских миграций может быть связана с роксоланами, языгами и ургами. Вероятно, она включала также сарматов «царских», которые, как говорилось выше, ранее обитали в степях Подонья, Страбон же зафиксировал их уже на правом берегу Днепра¹⁵⁶. Другую группу, которую следует связывать с этой волной, составляли сатархи. Плиний сообщал, что они перешли Дон (Plin. NH VI. 22), а одна из надписей второй половины II в. до н. э. (IOSPE. I². 672) фиксирует их уже в районе Крыма¹⁵⁷. Аспургигане появились на азиатской стороне Боспора (Strab. XI. 2.11), их продвижение сюда можно относить

¹⁵⁴ Виноградов 2004а: 25; 2007; Vinogradov 2003: 219–223.

¹⁵⁵ Ростовцев 1914: 199; Rostovtzeff 1922: 115.

¹⁵⁶ Виноградов 2004а: 21–22, 25.

¹⁵⁷ Десятчиков 1973.

к последней четверти II в. до н. э.¹⁵⁸ Позднее они стали играть очень важную роль в событиях боспорской истории¹⁵⁹. С. Ю. Сапрыкин придерживается точки зрения, что аспургин следует связывать не с варварским этносом, а с военными колонистами Боспора, расселенными на царских землях, состав которых был весьма пестрым — сарматы, сатархи и пр.¹⁶⁰ Его трактовка, однако, не представляется убедительной.

Ухудшение военно-политического положения в степях вскоре отразилось на восточных рубежах Боспора. В этом отношении очень показательным разрушение ряда сельских поселений этого района, в том числе такого необычного для Боспора сооружения, как Таманский толос¹⁶¹. Негативные явления нарастали очень быстро — результаты археологических исследований последних лет демонстрируют почти полное запустение боспорской *хоры* к концу II в. до н. э.¹⁶² В истории государства вновь возникла такая ситуация, при которой сельская округа, пострадавшая от вражеских нападений, не могла дать необходимого количества товарного хлеба. Есть веские основания считать, что экспорт зерна из Северного Причерноморья в это время на регулярной основе вообще не мог осуществляться. Полибий даже сообщает об импорте зерна в Понт из Средиземноморья

¹⁵⁸ Молев 1994: 55–56; но ср.: Сапрыкин 1985; 2002: 136–137; Яйленко 1987: 35–39; 1990: 160–162.

¹⁵⁹ Сапрыкин 1985; Горончаровский 2006а; Gajdukevič 1971: 328ff., 337ff., 362, 471.

¹⁶⁰ Сапрыкин 1985; 2002: 136–137.

¹⁶¹ Онайко 1967: 168; Сокольский 1976: 46; Сорокина 1985: 377.

¹⁶² Масленников 2020: 79.

(Polyb. IV. 4–5); ранее такого, как представляется, не случалось никогда.

Пытаясь противостоять натиску с востока, боспорские правители старались заручиться поддержкой царей Крымской Скифии. Некоторые эпиграфические документы, найденные в Пантикапее и Неаполе Скифском, позволяют предполагать, что боспоро-скифский союз на этом этапе был действительно достигнут¹⁶³. К сожалению, эту гипотезу нельзя поддержать археологическими материалами, — погребения позднескифской знати на Боспоре отсутствуют. Правда, надо признать, что в условиях кризиса традиция совершения курганных захоронений на берегах пролива по существу прекратилась.

Здесь, однако, необходимо сделать одну важную оговорку. Союзнические отношения со Скифией в сложившейся тогда военно-политической обстановке вряд ли могли принести для Боспора долгосрочный позитивный результат. Нет сомнения, что Крымскую Скифию по экономическому и военному потенциалу невозможно равнять с Великой Скифией IV в. до н. э. По этой причине в условиях ухудшения военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья она никак не могла обеспечить Боспору полной безопасности. Боспорские правители были вынуждены выплачивать все возрастающую дань соседним варварам (Strab. VII. 4. 4) и фактически сотрудничать с пиратствующими племенами Северо-Западного Кавказа — ахейцами, зигами и гениохами

¹⁶³ Виноградов Ю. Г. 1987: 55–86; Виноградов, Зайцев 2003: 44 сл.; Зайцев 2003: 43, 52, 110–111; Иванчик 2017: 41–55; Vinogradov 1997: 100–132.

(Strab. XI. 2.12). Московский эпиграфист В. П. Яйленко предположил даже, что государство в это время находилось на краю катастрофы, то есть его фактической деэллинизации¹⁶⁴, с чем в известной степени можно согласиться. В таких тяжелых условиях Перисад V («Последний») вынужден был передать власть понтийскому царю Митридату Евпатору (Strab. VII. 24. 3–4; IOSPE. I². 352).

Боспор под властью Митридата

Для Митридата, создававшего Всепонтийскую державу и готовившегося к борьбе с могучим Римом за господство в Средиземноморье, власть над Боспором открывала доступ, казалось бы, к неисчислимым людским и материальным ресурсам региона. Время его господства над Боспором (107–63 гг. до н. э.) наполнено разнообразными событиями, в высшей степени важными для понимания последующей римской эпохи. Имеются основания считать, что местные племена, прежде всего скифы и ахейцы, не смирились с потерей своего влияния на Боспоре и в подходящие моменты, когда понтийский царь терпел поражения в войнах, пытались его восстановить.

Собственно, скифское противодействие обозначилось уже в момент, когда Перисад передал власть Митридату (107 г. до н. э.). Из декрета, поставленного в Херсонесе в честь понтийского полководца Диофанта (IOSPE. I². 352), известно, что тогда произошло восстание скифов во главе с Савмаком, и Перисад был убит. Диофант, собрав необходимые военные

¹⁶⁴ Яйленко 1990: 129.

силы, начал карательную экспедицию, «взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (т. е. в Понт. — Ю. В.)» (IOSPE. I². 352. 41–42),

В советской научной литературе долгое время господствовала точка зрения академика С. А. Жебелева, что Савмак был рабом, и, соответственно, восстание было проявлением классовой борьбы в Боспорском царстве¹⁶⁵. Сейчас такая трактовка событий представляется искусственной. Правильнее рассматривать Савмака как скифского царевича, получившего воспитание при дворе царя Боспора. Такое понимание, с одной стороны, вполне соответствует гипотезе о существовании боспоро-скифского союза, а с другой, является еще одним подтверждением того, что практика, при которой отпрыски варварских вождей передавались на «воспитание» владыкам цивилизованных государств, является очень древней. Подняв восстание, Савмак, скорее всего, пытался сохранить ускользающее скифское влияние на Боспоре¹⁶⁶, ради этого он даже пошел на убийство, как сказано в декрете, «вскормившего его» царя Перисада.

По сообщению Страбона, Неоптолем, другой полководец Митридата, одержал две победы над варварами на Боспоре Киммерийском — одну в морском сражении, а другую в конном, произошедшем зимой, когда воды пролива были скованы льдом (Strab. II. 1.16; VII. 3.18). Древний географ не назвал, кем были

¹⁶⁵ Жебелев 1933; 1953: 82–115; см. также: Гайдукевич 1949: 296 сл., 536–538; Gajdukevič 1971: 303–310.

¹⁶⁶ Виноградов Ю. Г. 1987: 79–80, 86; Виноградов, Горончаровский 2009: 129–130; Vinogradov 1997: 549–556.

противники Неоптолема, но отметил, что в двух сражениях были разбиты одни и те же варвары. Весьма вероятно, что это были ахейцы и другие пиратствующие племена Северо-Западного Кавказа, имевшие свои интересы на Боспоре¹⁶⁷.

После побед, одержанных Диофантом и Неоптолемом, Боспор на четыре десятилетия вошел в состав Понтийского царства Митридата Евпатора. В системе этой державы ему принадлежало очень важное место как пункту поставок для армии местных военных формирований, а также для снабжения ее продовольствием, амуницией и пр.¹⁶⁸ Владыка Понта сделал многое для подготовки своих боспорских владений к войне с Римом, возводя здесь укрепления и создавая фонд царских земель. С. Ю. Сапрыкин в связи с этим считает, что именно к 80–60-х гг. до н. э. на Боспоре зарождается эллинистическая государственность¹⁶⁹.

Митридатовы войны, разразившиеся между Понтом и Римом за гегемонию в Средиземноморье, имели для Боспора весьма негативные последствия. Уже после Первой войны Боспор отпал от царя (App. Mithr. 64), вероятнее всего, по вине варваров, а не греков¹⁷⁰. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют предполагать, что это были те же самые варвары (скифы и ахейцы), которые и ранее

¹⁶⁷ Виноградов 2001в; Виноградов, Горончаровский 2009: 131.

¹⁶⁸ Rostovtzeff 1932: 232; Gajdukevič 1971: 318; Молев 1976: 56–69; 1995: 45–46; Сапрыкин 1996: 151; Зубарь, Зинько 2006: 133 сл.; Зинько 2007: 181 сл.

¹⁶⁹ Сапрыкин 2003: 30.

¹⁷⁰ Шелов 1978: 56–58; 1983: 53.

боролись с Митридатом, стремясь сохранить свое влияние на Боспоре¹⁷¹. Бытующее представление, что скифы были наиболее важным элементом в северо-причерноморской политике Митридата, что они были его основной опорой и т. п., представляется сильно преувеличенным. Наиболее надежными союзниками владыки Понта были меото-сарматские племена Прикубанья, сарматы, бастарны и некоторые другие¹⁷².

Это может показаться странным, но археологических материалов, свидетельствующих о вовлечении племен Северного Причерноморья в войны Митридата Евпатора, не так много, и они не очень выразительны¹⁷³. Их почти нет даже на Боспоре, вокруг которого, как уже было сказано, владыка Понта пытался объединить свои северопричерноморские территории в борьбе против Рима¹⁷⁴. Тем не менее, здесь имеются археологические памятники, которые с долей условности можно связать со временем Митридатовых войн, все они находятся на Таманском полуострове, что по-своему показательно. Весьма вероятно, что ветераном этих войн был оставлен Ахтанизовский клад, в составе которого представлены золотые бляшки, украшавшие одежду, три шейные гривны, драгоценные застёжки, бронзовый кованный шлем, набор серебряных блях с изображением горгоны Медузы, входивших в снаряжение

¹⁷¹ Виноградов 2001в: 67; 2003–2004: 201.

¹⁷² Яйленко 1990: 130; Виноградов 2003–2004: 204; Виноградов, Горончаровский 2009: 135–136; ср.: Olbrycht, 2004.

¹⁷³ Виноградов 2003–2004: 204–205.

¹⁷⁴ Виноградов, Горончаровский 2009: 145–147.

Рис. 22. Фалар из Ахтанизовского клада
(по: Mordvinceva 2001)

коня (рис. 22), и т. д.¹⁷⁵ Все эти предметы в совокупности можно рассматривать как принадлежность боспорского воина (в том числе и его военная добыча), принимавшего участие в походах понтийских войск.

Поражение Митридата в последней войне против Рима привело к его бегству на Боспор, ставший центром подготовки задуманного им Итальянского похода (App. Mithr. 101). Бремя предыдущих неудачных войн и приготовлений к новой, а также хорошо продуманные действия римлян закономерно привели к ситуации, в которой греческие города и даже царская армия подняли восстание против Митридата

¹⁷⁵ См.: Спицын 1909: 19 сл.; Максимова 1969; Власова 2009; Виноградов 2017г: 272–274.

(App. Mithr. 110–111). Любопытно, однако, что местные формирования из племенного мира Северного Причерноморья как будто не приняли участия в этом выступлении¹⁷⁶. Смерть понтийского царя в 63 г. до н. э. в такой ситуации стала важным показателем окончания крупного этапа в историческом развитии Боспора и одновременно начала нового.

Борьба за власть над государством

После бурного периода Митридатовых войн, походов и восстаний, военно-политическая ситуация в Северном Причерноморье постепенно возвращалась в стабильное русло. На Боспоре после смерти Митридата начался период борьбы за власть над государством, а претендентов на нее оказалось немало¹⁷⁷. Трон переходил из рук в руки: Фарнак, Асандр, Митридат Пергамский, Динамия, Скрибоний, Полемон, Аспург.

Несмотря на эти продолжительные раздоры, Боспор постепенно выходил из кризиса, что отчетливо проявилось уже в правление Асандра и Аспурга. Войны за боспорский престол данного периода весьма показательны по той причине, что еще раз наглядно демонстрируют одну чрезвычайно важную особенность боспорской истории, — эти междоусобицы, несмотря на все связанные с ними драматические коллизии, как и внутренние войны, имевшие место на Боспоре в предшествующие времена, не стали

¹⁷⁶ Каллистов 1938а: 283.

¹⁷⁷ См.: Каллистов 1938б; Гайдукевич 1949: 311–318; 1955: 126–129; Сапрыкин 2002.

причиной системного кризиса в государстве. Еще раз следует подчеркнуть, что такой кризис мог быть вызван только глобальной дестабилизацией военно-политической обстановки в степях Северного Причерноморья. На данном этапе крупных варварских передвижений в регионе, как представляется, не было, и военно-политическая обстановка здесь в целом оставалась стабильной.

Правда, во второй половине I в. до н. э. на территории нынешнего Фанталовского полуострова была построена оборонительная система, состоявшая из 12 мощных крепостей. Н. И. Сокольский связывал это строительство с деятельностью боспорского царя Асандра¹⁷⁸, который, по сообщению Страбона, отгородил стеною «перешеек Херсонеса у Меотиды» (Strab. VII. 4. 6). С этим выводом Н. И. Сокольского вполне можно согласиться¹⁷⁹, но возведение оборонительной системы не ограничивалось Фанталовским полуостровом, укрепления сооружались и в других частях азиатского Боспора¹⁸⁰.

В числе перечисленных выше правителей Боспора особенно примечательна фигура Аспурга. Его происхождение обычно связывают с сарматской этнической средой, о чем свидетельствует его имя, близкое этнониму «аспургиане»¹⁸¹. С. Ю. Сапрыкин, правда, настаивает на связи Аспурга с династией,

¹⁷⁸ Сокольский 1976: 107.

¹⁷⁹ Толстиков 1992б: 50; см. также: Гарбузов 2003; Паромов 2003.

¹⁸⁰ Рогов 1999: 153.

¹⁸¹ Гайдукевич 1949: 324–325; Виноградов Ю. Г. 1994: 152–153; ср.: Сапрыкин 1985; 2002: 136–137; Яйленко 1987: 39–40; 1990: 161–162.

восходящей к Митридату Евпатору¹⁸². Это предположение, однако, не должно противоречить основной версии об его этническом родстве с сарматами. Известно, что Митридат отдавал своих дочерей замуж за самых могущественных из вождей прокубанских племен (App. Mithr. 102), в том числе, конечно, и сарматов. В. П. Яйленко в связи с этим правильно указал, что эти династические браки должны были привести к появлению большого числа потомков Митридата, имевших право на боспорский престол¹⁸³. По мнению Ю. Г. Виноградова, при Аспурге «режим наибольшего благоприятствования» на Боспоре получили сарматы, причем совсем не обязательно только аспургиане¹⁸⁴. Именно сарматы, вероятнее всего, стали опорой Аспурга в его внешнеполитических устремлениях, с их помощью он сумел подчинить крымских скифов и тавров (КБН. 39, 40). Это подчинение, разумеется, следует считать не полным включением названных народов в состав Боспорского царства, а лишь приведением их в состояние трибутно-вассальной зависимости от царя¹⁸⁵.

Борьба за престол, наполненная самыми трагическими событиями, продолжалась приблизительно до середины I в. н. э. Последним ее аккордом стала война 45–49 гг., в которой столкнулись сыновья Аспур-

¹⁸² Сапрыкин 2002: 138–139.

¹⁸³ Яйленко 1990: 132.

¹⁸⁴ Виноградов Ю. Г. 1994: 154; ср.: Сапрыкин 2002: 203 сл

¹⁸⁵ Виноградов Ю. Г. 1994: 155.

га — Митридат VIII и Котис¹⁸⁶. Митридата в этой борьбе поддержали сираки, а Котиса — римляне и аорсы; победа досталась Котису.

В результате этих событий на Боспоре утвердилось власть потомков Аспурга, получивших в дальнейшей истории Боспора имя Тибериев Юлиев. Среди ее представителей весьма популярным было имя Савромат, что некоторым исследователям позволяет считать династию «сарматской». В. Ф. Гайдукевич указывал на условность этого термина, поскольку владыки Боспора, несмотря на свое родство и тесные связи с аристократией местных племен, возглавляли государство, остававшееся в своей основе античным, хотя в известном смысле греко-варварским¹⁸⁷.

Для рассматриваемого периода, как и для эпохи Митридатовых войн, на Боспоре нет показательных элитарных погребений, которые помогли бы нам лучше понять основное направление политических и культурных устремлений боспорской аристократии в окружающем варварском мире. В этом отношении особый интерес представляет единственное в своем роде погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г., которое можно датировать второй половиной I в. до н. э.¹⁸⁸ Некоторые драгоценные предметы, происходящие из этого комплекса (золотая фибула-брошь с вставкой в центре, крупные золотые

¹⁸⁶ См.: Гайдукевич 1949: 326–328; Щукин 1994: 205–206; Горончаровский 2003а; Виноградов, Горончаровский 2009: 260–271.

¹⁸⁷ Гайдукевич 1955: 130, прим. 3; ср.: Яйленко 1990: 163; Сапрыкин 2002: 138–139.

¹⁸⁸ Бутягин, Виноградов 2014: 37–52; Виноградов 2017г: 282–286.

бусины, украшенные зернью, и др.), характерны для аристократической культуры Прикубанья, а золотой наконечник ножен кинжала (?), орнаментированный вставками из камней, вероятнее всего, роднит это погребение с позднескифской культурой Крыма. В целом же этот археологический памятник, как никакой другой на Боспоре, свидетельствует о начале новой эпохи в истории Северного Причерноморья, связанной с включением этого региона в орбиту интересов Рима¹⁸⁹.

Последний расцвет Боспорского государства

Период с середины I в. по середину III в. н. э. в истории Боспорского царства в целом можно назвать вполне стабильным. Любопытно, но именно в середине I в. н. э. в степях произошла очередная демографическая перемена, связанная с появлением аланов¹⁹⁰. Эти весьма воинственные номады, пришедшие, как представляется, из областей, прилегающих к Аральскому морю, расселились между нижними течениями Волги и Дона, а также в северном и восточном Приазовье, вплоть до среднего течения Кубани¹⁹¹. Необходимо подчеркнуть, что на сей раз проникновение нового кочевнического этноса в сте-

¹⁸⁹ Виноградов 2017г: 282–286; 2019: 10.

¹⁹⁰ Кулаковский 1899: 9–11; Мачинский 1974: 132; Яценко 1993; Щукин 1994: 209; Габуев 1996: 7 сл. Об аланах см. также: Абрамова 1978; 1992; Безуглов 1990; Казанский 1994; Симоненко 2001а; Ковалевская, 2005: 72 сл.

¹⁹¹ Айбабин 1999: 29.

пи северного берега Понта не стало причиной заметной дестабилизации военно-политической обстановки в регионе. Нет сомнения, что аланы совершали походы на территории, весьма отдаленные от их кочевий, но эти походы все-таки не стали причиной масштабного изменения военно-политической ситуации в степях Северного Причерноморья. В чем же кроется причина такого, в общем, необычного положения? Одно из объяснений, возможно, заключается в раздробленности аланов (Аmm. Marc. XXXI. 1. 17). Не исключено также, что их военный и демографический потенциал не позволял им осуществить подчинение обширных пространств Причерноморских степей. Во всяком случае, ясно одно — появление новых номадов в середине I в. н. э. не вызвало масштабной дестабилизации военно-политической ситуации в регионе, как это бывало ранее. Аланы, расселившись на территориях нижнего Подонья, Приазовья и Прикубанья, стали поддерживать тесные отношения с Боспором. Благодаря надписи на надгробии, обнаруженном в Тамани, известно о существовании коллегии аланских переводчиков в Гермонассе, во главе которой стоял главный переводчик (КБН. 1053). На этом надгробии был к тому же высечен тамгообразный знак, о распространении которых на Боспоре следует сказать особо.

Тамги — родовые знаки сарматов, которые наряду с сакрально-магическим значением являлись и знаками собственности. Распространение их на Боспоре, безусловно, было связано с усилением сарматского влияния в первые века н. э.¹⁹² В высшей степени

¹⁹² Драчук 1975; Яценко 2001.

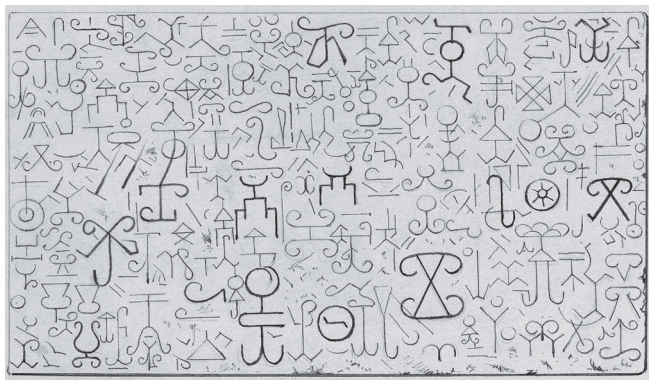

Рис. 23. Тамги на каменной плите из Пантикапея
(рисунок Ф. И. Гросса)

показательно, что появились даже тамги боспорских царей¹⁹³. Из Керчи происходит любопытнейшая плита, испещренная тамгами (рис. 23), которую Э. И. Соломоник с полным основанием назвала «энциклопедией» сарматских знаков¹⁹⁴. Нетрудно заметить, что изображенные здесь тамги имеют различные размеры и иногда перекрывают друг друга. Совсем не исключено, что пантикапейская «энциклопедия» является материальным свидетельством некоего договора между боспорским царем и варварскими вождями. Если следовать этому предположению, то становится понятным, почему представленные на плите тамги отличаются по размерам — самые крупные, вероятно, принадлежали вождям наиболее сильных и влиятельных кочевнических объединений,

¹⁹³ Яценко 2001: 45–60.

¹⁹⁴ Соломоник 1959: 103; см. также Яценко 2001: 61–83.

а относительно маленькие и нечетко прочерченные — предводителям менее важных родов, возможно, зависимых от первых¹⁹⁵.

Любопытной особенностью некрополей Боспора этого времени стало появление погребений с деформированными черепами, их число невелико, но в высшей степени значимо. Изменение формы черепов достигалось с помощью наложения повязок на головы детей, что ранее на берегах пролива, да и в других греческих государствах Северного Причерноморья никогда не практиковалось. Знаменитый российский антрополог, этнограф и археолог Д. Н. Анучин почти 140 лет назад был склонен связывать проникновение населения такого «экзотического» облика с одновременными волнами выходцев из степей Средней Азии, которые «распространялись затем в Южную Россию, в ущелья Северного Кавказа и в Западную Европу»¹⁹⁶. В современной научной литературе преобладает точка зрения, что обычай деформирования черепов был связан с аланами¹⁹⁷, и с таким заключением вполне можно согласиться.

Все категории источников, относящиеся к середине I — середине III в. н. э., позволяют с уверенностью судить о заметном росте боспорской экономики, развитии внутренней и международной торговли, расцвете культуры. Боспор в очередной раз оказался на вершине своего могущества, но на сей раз это было могущество вассала Римской империи. Для имперской администрации Боспорское царство стало

¹⁹⁵ Виноградов 2017д: 263–264.

¹⁹⁶ Анучин 1887: 397.

¹⁹⁷ См.: Масленников 1990: 39–40.

важным пунктом, расположенным на границе двух миров — цивилизации и варваров¹⁹⁸, что позволяло ей если не держать под контролем эту границу, то, по крайней мере, получать достоверную информацию о военно-политической ситуации в степях региона.

Контакты с номадами сыграли важную роль в изменении структуры боспорской армии. Ее основной ударной силой по-прежнему оставалась конница, изображения всадников, вооруженных характерными для этого времени мечами и луками, в большом количестве представлены на каменных надгробиях (рис. 24). Важным нововведением этого времени в военное дело Боспора стала тяжелая аристократическая кавалерия, система вооружения которой была заимствована у сарматов¹⁹⁹. Тяжеловооруженные всадники-*катафрактари*, о которых кратко говорилось выше (см. гл. 2, раздел «Номады и оседлые народы. Соперничество на поле боя» и гл. 3, раздел «Боспор и падение Великой Скифии»), появились в сарматской среде, они имели великолепное защитное вооружение из пластинчатого панциря и конического (каркасного) шлема (рис. 25)²⁰⁰. Пример такого нововведения на Боспоре можно видеть на посвятителном рельефе Трифона, обнаруженном в Танаисе (рис. 26; КБН. 1238). На нем изображен всадник в пластинчатом доспехе с коническим шлемом на голове, мчащийся на врага с тяжелым копьем наперевес.

¹⁹⁸ Горончаровский 2003б.

¹⁹⁹ Блаватский 1954: 141–145; Горончаровский 1993: 79–82; 2001: 72–85; Виноградов, Горончаровский 2009: 161–168; Mielczarek 1999: 86–88.

²⁰⁰ Хазанов 2008б: 156–170; ср.: Симоненко 2010: 245–251.

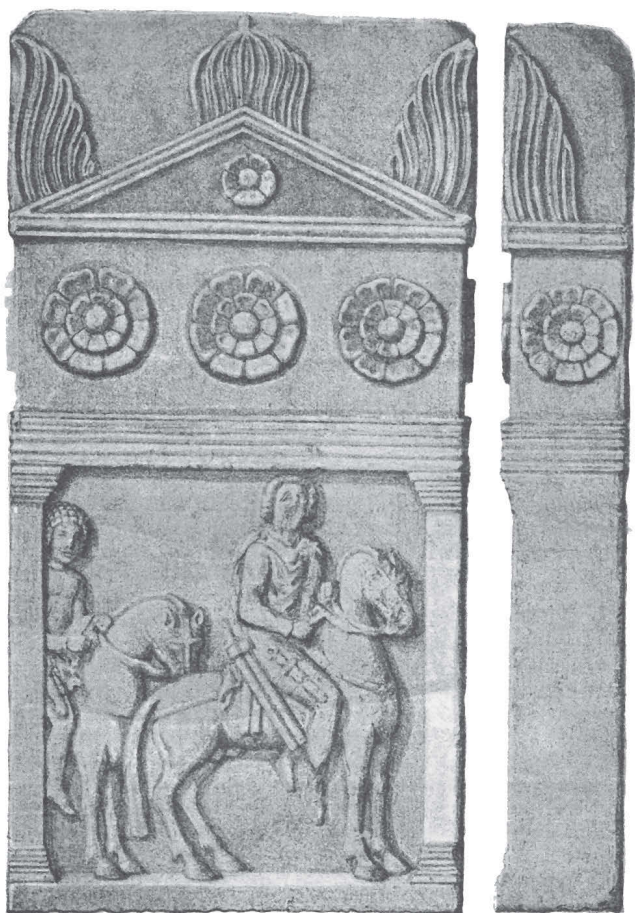

Рис. 24. Боспорское надгробие с изображением всадников (по: Толстой, Кондаков 18896)

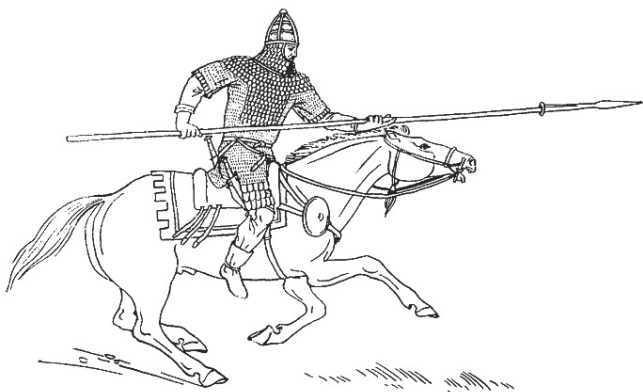

Рис. 25. Сарматский катафрактарий
(по: Хазанов 2008²)

Рис. 26. Посвящение Трифона
(по: Толстой, Кондаков 1889а)

Сцены, связанные с ратными подвигами боспорских конников, представлены на росписях склепов, которые в основном были открыты во время раскопок на горе Митридат в Керчи²⁰¹. Почти все они датируются первыми веками н. э. В их ряду особый интерес представляет склеп Анфестерия, на одной из стен которого изображена многофигурная композиция, представляющая, выражаясь сугубо условно, сцену из степного быта (рис. 27): шатер, приближающиеся к нему вооруженные всадники, длинное копье, прислоненное к шатру, горит с луком, висящим на ветке дерева, и т. д. Л. Г. Нечаева считала, что на росписи этого склепа можно видеть юрту, принадлежащую знатному кочевнику²⁰². Правда, сразу надо отметить, что этот шатер никак нельзя назвать юртой хотя бы по той причине, что в плане он имеет не круглую, а, по всей видимости, четырехугольную форму²⁰³. М. И. Ростовцев видел здесь картину идиллического оттенка, навеянную жизнью пантикапейского «помещика» в степи, среди своих табунов²⁰⁴. Предположение, что боспорские аристократы первых веков нашей эры могли вести кочевую жизнь, сейчас не выглядит убедительным. Другое дело, что они были прекрасно знакомы с реалиями быта номадов — их жилищами, особенностями вооружения, снаряжения коня и т. д. Нет сомнения, что эта композиция имеет явный сакральный смысл и связана с представлениями о пребывании усопшего героя в загробном царстве; тем не менее, в ней отразились сугубо

²⁰¹ См.: Ростовцев 1913–1914; Ернштедт 1955.

²⁰² Нечаева 1975: 14.

²⁰³ Вайнштейн 1976.

²⁰⁴ Ростовцев 1913–1914: 180.

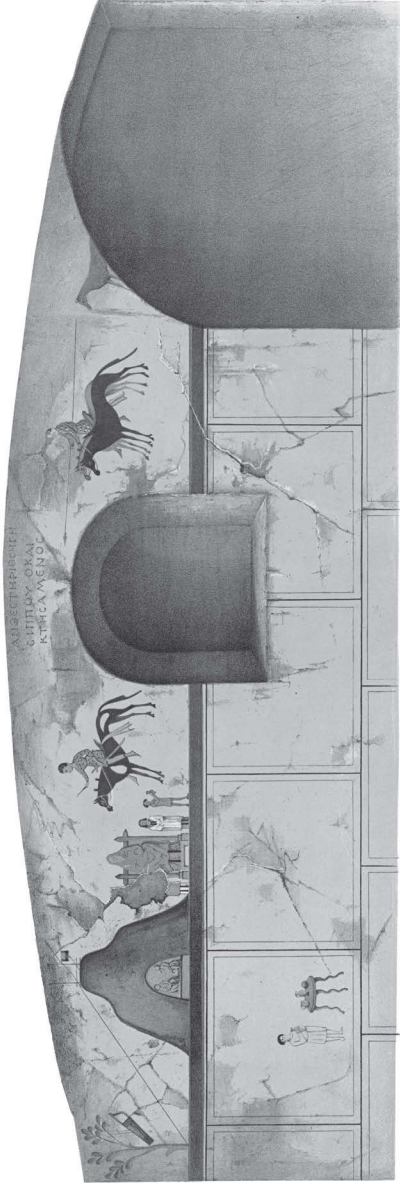

Рис. 27. Роспись в склепе Анфестерия (по: Атлас ОАК 1878–1879 гг.)

земные реалии, близкие и понятные населению Боспора этого времени. Близость степного мира, как видим, наложила отпечаток даже на отрасль искусства, связанного с погребальной практикой.

С отмеченным сюжетом росписи склепа Анфестерия можно связать серию моделей повозок, обнаруженных в боспорских погребениях второй половины I — начала II в. н. э. Они неоднократно привлекали внимание исследователей, которые пришли к заключению об их связи с миром кочевников²⁰⁵. По мнению Э. Р. Штерна, эти модели являются подражаниями повозкам, «действительно существовавшим в Скифии»²⁰⁶. Его как будто совсем не смущало, что от скифской культуры эти любопытные предметы отделены временным отрезком, по крайней мере, в три столетия. Совсем недавно эти находки были основательно изучены А. М. Бутягиным²⁰⁷. Он убедительно показал, что аналогии почти всем моделям повозок можно найти в изображениях на римских фресках. Тем не менее, исследователь связал боспорские находки с обычаем, сложившимся в результате проникновения в греческую среду выходцев из варварского мира, вероятно, из сармато-аланской среды²⁰⁸. Среди боспорских моделей в этом отношении особенно любопытна повозка с четырехугольным кузовом и возвышающейся в задней части конструкцией в виде усеченной пирамиды (рис. 28). В кузове сделаны отверстия, возможно, имитирующие окна. В пирамидальной конструкции тоже имеются отверстия

²⁰⁵ Штерн 1911; Цветаева 1984: 228–229.

²⁰⁶ Штерн 1911: 28.

²⁰⁷ Бутягин 2021.

²⁰⁸ Там же: 109.

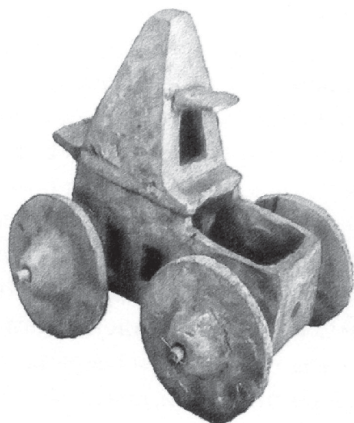

Рис. 28. Терракотовая модель повозки из пантикапейской могилы (по: Бутягин 2021)

спереди и сзади, при этом над передним даже обозначен козырек. Все эти особенности позволяют считать, что боспорская терракотовая модель сделана по образцу кочевнических кибиток. В ней даже предлагали видеть каркасную юрту, поставленную на телегу²⁰⁹, но опять же надо отметить, что искать здесь юрту вряд ли возможно, а вот определенное сходство с четырехугольным шатром склепа Анфестерия здесь как будто имеется.

Другая существенная особенность рассматриваемого периода заключается в существовании целой серии небольших укрепленных городов, расположенных на сельскохозяйственной округе государства²¹⁰. В их ряду на европейской стороне Боспора очень показательным является исследованное

²⁰⁹ Силантьева 1974: 15, табл. 51, 52; Нечаева 1975: 12.

²¹⁰ Рогов 1999; Зубарь, Зинько 2006: 165 сл.; Saprykin 2006: 282.

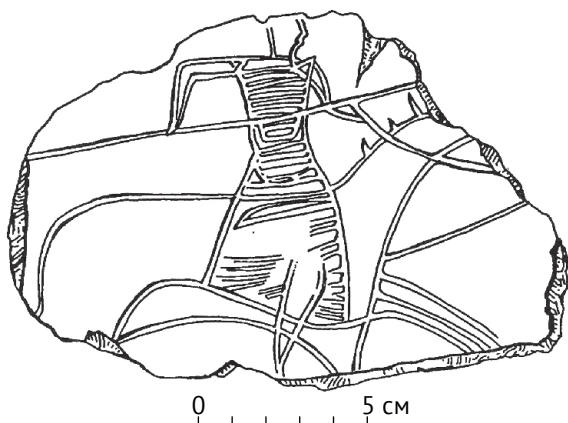

Рис. 29. Обломок штукатурки с изображением катафрактария (по: Горончаровский, Никоноров 1987)

в недавнее время городище Артезиан²¹¹, но наиболее известным и хорошо изученным памятником такого рода по-прежнему остается Илурат²¹². Эта крепость была построена по регулярному плану, ее оборонительные стены первоначально имели толщину приблизительно 2 м, позднее они были усилены и местами достигали 6,40 м. Материальная культура города демонстрирует любопытное смешение греческих и варварских черт. Показательно, что на обломке штукатурки, найденном в одном из илуратских домов, было прочерчено изображение *катафрактария* (рис. 29)²¹³.

²¹¹ Винокуров 1998: 32 сл.

²¹² Гайдукевич 1958; Горончаровский, 2006б; 2019; Виноградов, Горончаровский 2009: 225–241; Gorontcharovskiy 2007.

²¹³ Горончаровский, Никоноров 1987; Виноградов, Горончаровский 2009: 198, рис. 100.

Некоторые исследователи трактуют этот период как время сарматизации боспорской культуры. Такое представление, восходящее к идеям М. И. Ростовцева²¹⁴, нашло развитие в трудах некоторых советских ученых²¹⁵. Естественно, в вопросе о роли сарматского элемента в культуре и истории Боспора недопустима абсолютизация; «сплошной сарматизации» здесь, естественно, никогда не было²¹⁶. Варваризация античной культуры, характерная для всех окраин греко-римского мира этого времени, на Боспоре была связана с сильным импульсом, исходящим не столько с севера, из степей Северного Причерноморья, сколько с востока, из районов расселения меото-сарматских племен в Прикубанье.

В предыдущих разделах этой главы было немало сказано о том, как много дает изучение элитарных курганов Боспора для понимания основных направлений политических, экономических и культурных связей государства с господствовавшими в степи объединениями кочевников. Не будет большим преувеличением сказать, что наиболее показательные погребения такого рода относятся к IV–III вв. до н. э. Для времени позднего эллинизма они очень редки, а вот в отношении римского периода можно признать, что большие курганы насыпались тогда только над царскими гробницами²¹⁷, и по этой при-

²¹⁴ Ростовцев 1914: 206; 1925: 243, 255; Rostowzew 1931: 220.

²¹⁵ Гайдукевич 1949: 413; 1955: 139–140; Блаватский 1959: 33; 1964: 145; Десятчиков 1974; Кастанаян 1981: 109 сл.

²¹⁶ Масленников 1990: 14.

²¹⁷ Виноградов 2017е: 105.

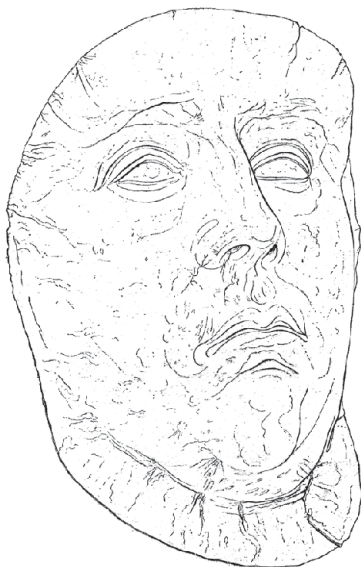

Рис. 30. Золотая маска из Керчи
(по: Толстой, Кондаков 1889а)

чине их очень немного. Наиболее замечательным памятником такого рода является гробница с золотой маской (рис. 30), открытая А. Б. Ашиком в Керчи в 1837 г.²¹⁸ Автор открытия признал, что в этом кургане была погребена царица. Однако среди драгоценных находок, происходящих из раскопанной им гробницы, было серебряное блюдо, на дне которого начерчено имя боспорского царя Рескупорида. Тогда была высказана догадка, что здесь была похоронена жена этого царя. Вопрос интерпретации погребения в кургане 1837 г., как видим, очень непрост. Дело

²¹⁸ Ашик 1850: 140–142; Гайдукевич 1949: 421–424; Цветаева 1957: 248–249; Тайна золотой маски 2009; Шаров 2009б; 2014; Gajdukevič 1971: 443–444.

осложняется тем, что часть обнаруженных в гробнице предметов характерны для женской субкультуры, но наряду с ними имеются и другие, которые могли принадлежать только мужчине. Современные исследователи спорят, портрет какого царя воспроизводит золотая маска — Рескупорида III (210/211–226/227 гг.) или Рескупорида IV (242–276 гг.)²¹⁹. Среди предметов, связывающих этот археологический памятник со всаднической культурой, — два уздечных набора, состоящие из серебряных удиц с пряжкой и остатками кожаных поводов, к которым прикреплены прямоугольные орнаментированные золотые бляхи, украшенные красными камнями. Систему таких украшений обычно называют полихромным стилем. Показательно при этом, что две из золотых блях имеют изображение тамги, принадлежащей династии Тибериев Юлиев (рис. 31)²²⁰.

Анализ письменных и эпиграфических источников, разнообразных археологических материалов показывает, что в истории Боспора этого времени принципиально важное значение имели контакты, с одной стороны, с Римской империей, а с другой — с варварским окружением. Вся эта устоявшаяся система была разрушена в результате вторжения в степи северного берега Понта германских племен готов. Боспор даже стал базой для их морских походов по Черному и Средиземному морям²²¹. М. И. Ростовцев вполне обоснованно считал середину III в.

²¹⁹ См.: Виноградов 2017е: 102.

²²⁰ Тайна золотой маски 2009: 82–85, 168–169, кат. 50–51.

²²¹ Гайдукевич 1949: 439 сл.; Хайрединова 1994: 523; Болгов 1996: 26–43; Казанский 1999; Щукин 2005: 448–

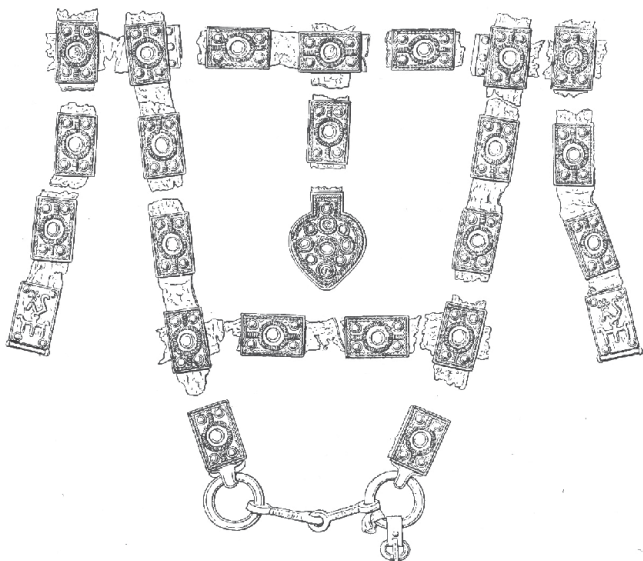

Рис. 31. Детали конской сбруи из гробницы с золотой маской (по: Толстой, Кондаков 18896)

н. э. концом греко-иранского периода в истории юга России²²². Этот рубеж в истории Боспора некоторыми современными исследователями понимается как завершение эллинского периода развития, поскольку тогда, по их мнению, царская династия, восходящая к Митридату, была заменена чисто варварскими правителями, и все государство, как представляется, стало более варварским во всех сферах жизни²²³.

451; Зинько 2008; Gajdukevič 1971: 459 ff.; ср.: Зубарь, Зинько 2006: 159–160.

²²² Ростовцев 1918: 165, 179; Rostovtzeff 1922: 170.

²²³ Сапрыкин 2003: 34; ср.: Зубарь, Зинько 2006: 214 сл.

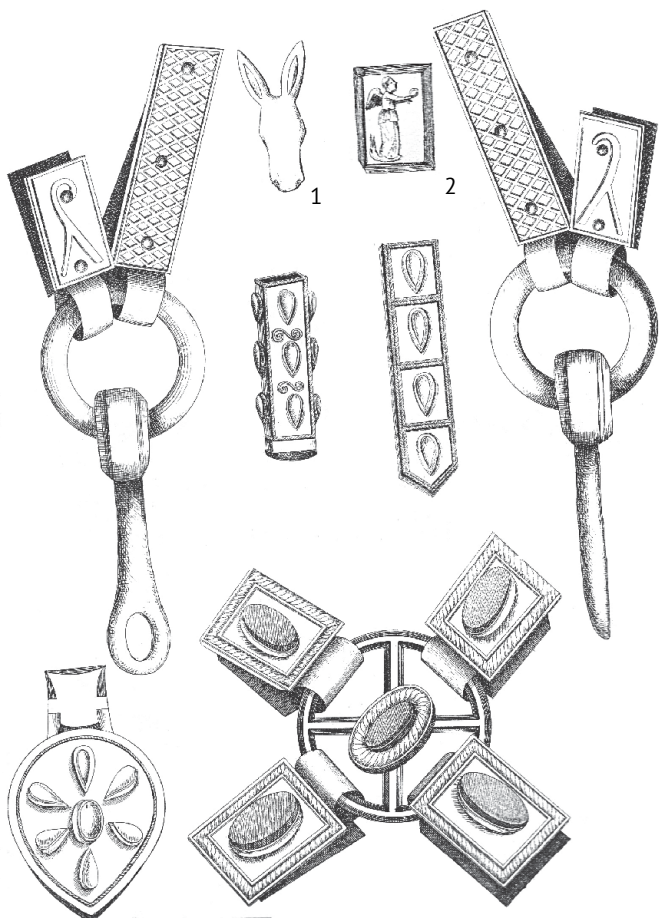

Рис. 32. Детали конской сбруи из керченской гробницы 1841 г. (по: Ашик 1849)

Несмотря на это, следует подчеркнуть, что готское вторжение не привело к краху Боспорского государства²²⁴. В аристократических погребениях этого времени сохраняются традиции предшествующего периода. Очень показательно открытие, сделанное А. Б. Ашиком в 1841 г. В кургане, расположенном по дороге к Аджимушкайским каменоломням, он обнаружил склеп с уступчатым перекрытием²²⁵, который, скорее всего, был построен в IV в. до н. э., но повторное погребение в нем, как показал О. В. Шаров, было сделано значительно позднее — в первой трети IV в. н. э.²²⁶, т. е. уже после готского вторжения. Среди показательных находок из этого комплекса — узда, украшенная золотыми накладками, сходными с аналогичными предметами из погребения с золотой маской (рис. 32), но наряду с ними здесь имеются украшения в виде позолоченных ослиных голов (рис. 32, 1), а также золотая пластинка с изображением крылатой женской фигуры с венком в руке (рис. 32, 2).

Закат античного Боспора

Завершая очерк истории взаимоотношений Боспора со степным миром, необходимо хотя бы кратко сказать о таком важном историческом событии, как вторжение в Северное Причерноморье гуннов. Аммиан Марцеллин по этому поводу сообщает: «Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный

²²⁴ Щукин 2005: 448–451.

²²⁵ Ашик 1848: 47–48, § 39; 1849: 72.

²²⁶ Шаров 2012.

дикой жадой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов <...>» (Amm. Marc. XXXI. 2. 12). Тесня аланов и готов, гунны начали свое продвижение на запад в 70-х гг. IV в. н. э.²²⁷ Историк Евнапий, современник этих событий, описал их следующим образом: «Побежденные скифы²²⁸ были истреблены гуннами, и большинство их погибло; одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе и обратившись в бегство, числом не менее двухсот тысяч самых способных к войне, сошлись... Двинувшись и став на берегах Истра (Дуная. — Ю. В.), они издали простирали руки с воплями и криками и протягивали молитвенные ветви, прося позволения переправиться через реку, оплакивая свои бедствия и обещая присоединиться к союзникам (римлян. — Ю. В.)» (Eunap. Fr. 42; ВДИ. 1948. № 3: 273).

О взаимоотношениях гуннов с античными государствами северного берега Понта нам известно очень немного. Тем не менее, до сравнительно недавнего времени было принято считать, что описание Евнапия вполне соответствует ситуации, сложившейся тогда на Боспоре²²⁹. И. Т. Кругликова по этому поводу нарисовала почти апокалипсическую картину: «Данные древних историков о вторжении гуннов на

²²⁷ См.: Васильев 1921: 289; Бернштам 1951: 143; Артамонов 2002²: 68; Засецкая 1994: 5, 132; 2012: 169.

²²⁸ Скифами историки этого времени стали называть готов.

²²⁹ См.: Гайдукевич 1949: 479 сл.; Бернштам 1951: 144; Якобсон 1958: 459; Кругликова 1966: 23–24; Сокольский 1968.

Боспор подтверждаются археологическими раскопками. Все города и поселения азиатской части Боспора подверглись разгрому во второй половине IV в. Небольшие поселения были уничтожены полностью, крупные города — Фанагория, Патрей, Кепы — были сильно разрушены. Переправившись в европейскую часть Боспора, гунны подвергли опустошению и эту часть государства. Даже хорошо укрепленные крупные города типа Пантикапея сильно пострадали от разрушений. Боспорское царство так и не смогло оправиться от потрясений. С гуннским погромом кончается история античного Боспора»²³⁰.

В отношении столь красочного пассажа необходимо заметить, что античная письменная традиция о гуннских погромах в этом районе вообще ничего не сообщает. Она сохранила информацию о переправе гуннов, следующих за ланью или быком, через Керченский пролив; этот переход якобы и вывел гуннов на историческую арену²³¹. Некоторые исследователи считают, что переправа была связана с одним из маршрутов продвижения номадов на запад²³², другие настаивают на ее сугубой мифологичности²³³. Вслед за А. А. Васильевым все же предпочтительней полагать, что основная масса гуннов устремилась на запад, перейдя Танаис, но часть их, вероятно, не очень многочисленная, прошла через Боспор и Крым²³⁴.

²³⁰ Кругликова 1966: 24.

²³¹ Айбабин 1999: 56–57; Боталов 2013: 32–33; Казанский 2021: 108–109.

²³² Васильев 1921: 290, 297; Засецкая 1994: 139; Болгов 1996: 46; Казанский 1999: 284.

²³³ Гадло 1979: 14, 16; Тортика 2003: 70–71.

²³⁴ Васильев 1921: 290.

Известный специалист в области средневековой истории Крыма А. И. Айбабин считает, что гунны появились на территории полуострова после своего утверждения в Северном Причерноморье, т. е. лишь на рубеже IV–V вв.²³⁵ В отношении Боспора эта точка зрения вызывает некоторые сомнения, если учесть, что кочевники обычно быстро брали под свой контроль этот важный, можно сказать, стратегически важный пункт. Дело в том, что есть основания, пусть и не очень надежные, взглянуть на проблему несколько иначе и предполагать, что Боспор был затронут гуннским вторжением с самого начала. Имеется в виду одно загадочное место из «Римской истории» Аммиана Марцеллина, где он повествует о деяниях императора Юлиана (361–363 гг.), вошедшего в христианскую историографию под прозвищем Отступника. Военная мощь империи и вызванный ею страх были столь велики, что ко двору этого владыки устремились посольства от различных народов. По словам историка, «ехали посольства боспорцев и других неведомых ранее народов с мольбой о том, чтобы за внесение ежегодной дани им позволено было мирно жить в пределах родной их земли» (Amm. Marc. XXII. 7. 10). Пассаж действительно кажется загадочным. Откуда взялись «неведомые ранее народы»? Почему все они, а в особенности боспорцы, молили императора позволить им проживать в родных краях? Соответственно, почему они были вынуждены их покинуть?

Не претендуя на бесспорность ответа на эти вопросы, рискну предположить, что виновниками опи-

²³⁵ Айбабин 1999: 73.

санной ситуации были гунны, которые в тексте Аммиана не упоминаются, но очень может быть, что в начале 60-х гг. IV в. они уже продвинулись к Танаису и Меотиде, т. е. к границам Боспорского государства. Такие передвижения, как правило, сбивали с «насиженных мест» народы или какие-то их части, оказавшиеся на пути кочевнических орд. Так на исторической арене появлялись этнические группы, которые условно можно назвать беглецами или «неведомыми ранее народами». До этого времени они могли вообще никогда не проявить себя в орбите интересов цивилизованных государств, но тут невольно были вовлечены в водоворот большой истории. В отношении боспорцев вполне допустима догадка, что часть их, сильно напуганная вторжением азиатских варваров, решила покинуть родные края и перебраться в более безопасное место. Узнав о мощи армии Юлиана и активности его действий против врагов империи, они сделали попытку вернуться назад под защитой императорских войск. Позднее, как сообщает Прокопий Кесарийский, жители Боспора «отдали себя» под власть императора Юстина (518–527 гг.) (Procop. BP. I. 12. 8).

Такое объяснение может показаться слишком умозрительным, но в истории греческих государств Северного Причерноморья имеются прецеденты такого рода. Из декрета в честь Протоген (IOSPE. I². 32) известно, что в III в. до н. э. часть ольвиополитов, узнав о планах нападения на город галатов в союзе со скирами, решила покинуть Ольвию (см. гл. 3, раздел «Боспор и падение Великой Скифии»). В греческом городе Никонии, расположенном западнее Ольвии, ситуация была еще более драматичной.

Из декрета, найденного в 1986 г., стало известно, что граждане вынуждены были покинуть его где-то в начале III в. до н. э., но при поддержке Истрии вернулись в родной город в 70-х гг. этого столетия²³⁶. Однако прошло совсем немного времени, и, как показывают археологические материалы, Никоний прекратил свое существование приблизительно в середине III в. до н. э.²³⁷

Возвращаясь к гуннской истории в Северном Причерноморье, можно согласиться с точкой зрения исследователей, которые считают, что к 420 г. эти варвары не владели Боспором Киммерийским²³⁸. В более позднее время они, однако, стали для Боспорского государства очень важным внешнеполитическим, а, возможно, и внутривполитическим фактором. Прокопий Кесарийский в «Войне с персами» засвидетельствовал: «Расположенные между Херсоном (Херсонесом Таврическим. — Ю. В.) и Боспором местности заняты гуннами» (Прокор. ВР. I. 12. 7). В том же сочинении историк рассказал о посольстве императора Юстина на Боспор, направленном, «чтобы, склонив дарами войско гуннов», послать их на Кавказ (Прокор. ВР. I. 12. 6).

Археологические исследования последних лет позволяют считать, что тотального разгрома боспорских городов, связанного с появлением новых номадов в степях Северного Причерноморья, не было²³⁹,

²³⁶ Виноградов Ю. Г. 1999: 65.

²³⁷ Секерская 1997: 10; 2013: 501; Брумяко 2005–2009: 360.

²³⁸ Казанский 2021: 109–110.

²³⁹ Болгов 1996: 45–46; Айбабин 1999: 78–79; Казанский 1999: 284; 2021: 110; Яйленко 2002: 323 сл.

хотя, по всей видимости, обстановка на берегах пролива периодически была очень напряженной. Вероятно, после смерти Аттилы через Боспор прошли гунны-утигуры, которые «решили вернуться домой», т. е. в Приазовье (Procop. BG. IV. 5. 16–17)²⁴⁰. Гунны обрушились не только на Европу, они прошли через Кавказ и прорвались в Междуречье и сиро-финикийское побережье²⁴¹. А. И. Айбабин полагает, что именно тогда, в 395 г., одно из гуннских племен по пути на Кавказ напало на боспорские города, оставив следы разрушений²⁴².

Тем не менее, приходится повториться, что к катастрофическим последствиям для Боспора все эти передвижения не привели. В отношении Пантикапея А. К. Амброз даже заметил, что при гуннах город, вероятно, несколько оправился от последствий готского нашествия III в.²⁴³, и этот исследователь, скорее всего, был абсолютно прав. В конце IV–V в. в Пантикапее существовали некрополи, в которых представлены весьма богатые захоронения²⁴⁴. Имеющиеся материалы позволяют считать, что гунны оказали определенное влияние на историческое и культурное развитие Боспора, но о степени гуннского воздействия мнения исследователей расходятся диаметрально.

По заключению Ю. Г. Виноградова, эпиграфические памятники позволяют судить о стабильном

²⁴⁰ Грот 1881: 36; ср. Айбабин 1999: 81; Артамонов 2002²: 107–108.

²⁴¹ Пигулевская 1941: 40–41.

²⁴² Айбабин 2017: 186.

²⁴³ Амброз 1971: 103.

²⁴⁴ Амброз 1971: 103; Засецкая 1979: 14–15; 1990: 102.

существовании боспорской монархии вплоть до конца V в.²⁴⁵ А. И. Айбабин уверенно утверждает, что Боспорским царством управляла прежняя династия, а археологические материалы V — начала VI в. не подтверждают точку зрения о захвате Боспора гуннами²⁴⁶. Н. Н. Болгов трактует эту проблему совсем по-другому: «Сохранив в неизменности внутренний уклад своей жизни, Боспор органически вошел в систему культуры южнорусских степей гуннского времени»²⁴⁷. В научной литературе даже осторожно ставится вопрос о гуннском «протекторате» над Боспором²⁴⁸. Пока трудно сказать, кто из участников дискуссии ближе подошел к истине, но не очень верится в то, что в это время Боспорское государство вообще было независимо от влияний, исходивших из степей.

Археологические материалы демонстрируют наличие на Боспоре погребений гуннской аристократии, которые М. М. Казанский определил как «вожде-ские» или «воинские»²⁴⁹, однако в их составе имеются и женские комплексы. Наиболее известный памятник такого рода — «Марфовский клад», т. е. женское погребение, открытое в 1925 г. в Восточном Крыму²⁵⁰. В него входили замечательные золотые украшения, исполненные в полихромном стиле, — диадема, ку-

²⁴⁵ Виноградов Ю. Г. 1998: 245–246.

²⁴⁶ Айбабин 1999: 78–79; 2017: 189.

²⁴⁷ Болгов 1996: 43.

²⁴⁸ Болгов 1996: 107–109; 2002: 53; Казанский 1999: 284.

²⁴⁹ Казанский 2021: 110–117.

²⁵⁰ Марти 1926: 48, 90, рис. 25; Застрожнова, Шаров 2017.

лоны и колты²⁵¹. Датировка этого комплекса у современных специалистов вызывает споры — последняя четверть IV — первая половина V в.²⁵², 420–445 гг.²⁵³, конец V в. н. э.²⁵⁴ Несмотря на имеющиеся расхождения, нет сомнений в том, что погребение у деревни Марфовки относится к эпохе Великого переселения народов и принадлежит культуре кочевых гуннских племен.

В высшей степени показательна диадема, украшенная гранатовыми и стеклянными вставками, которая была найдена на северном склоне горы Митридат в 1907 г. (рис. 33). Она принадлежит к числу типичных женских украшений степных кочевников гуннского времени²⁵⁵.

Как это ни странно, но важная находка, относящаяся к рассматриваемому периоду, была сделана еще в конце XVIII в., т. е. на заре боспорской археологии, но долгое время она не была идентифицирована²⁵⁶. В те годы голландский военный инженер Г. Ван дер Вейде предпринял раскопки курганов под Фанагорией. В одном из них ему удалось открыть каменный склеп, состоящий из двух помещений. Скорее всего, склеп был построен в III в. до н. э., но, наряду с находками, относящимися к эллинистическому

²⁵¹ Все эти вещи, как известно, были утеряны во время Великой Отечественной войны. См.: Застрожнова, Шаров 2017: 130–132.

²⁵² Засецкая 1994: 86.

²⁵³ Комар 2000: 21, 26; Застрожнова, Шаров 2017: 148.

²⁵⁴ Айбабин 1999: 73.

²⁵⁵ Казанский 2021: 116–117.

²⁵⁶ Тункина и др. 2018а; 2018б.

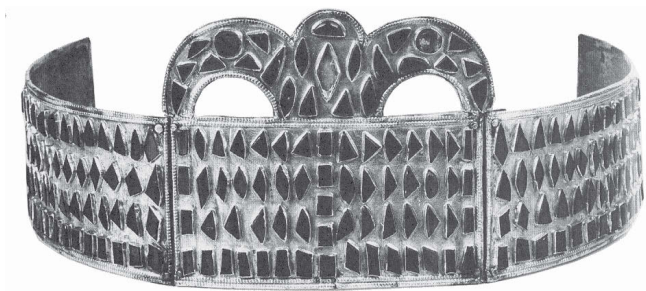

Рис. 33. Гуннская диадема из Керчи
(по: Казанский 2021)

времени, из него происходит золотой браслет с головами драконов на концах, украшенный вставками гранатов и пр. (рис. 34). Его можно уверенно относить ко времени Великого переселения народов и датировать концом IV — первой половиной V в. н. э.²⁵⁷ Вряд ли можно сомневаться, что в античном склепе было совершено еще одно, гуннское погребение.

По мнению М. М. Казанского, наличие гуннских вещей в Восточном Крыму и на Тамани, а также наличие «степных» обычаев в погребальной практике боспорского населения в конце IV — середине V в. связано лишь с эпизодическим присутствием гуннов на территории Боспора. Его реальное вхождение в состав «гуннской империи», как ему представляется, имело место в 440-е гг., когда Атила подчинил гуннов-акациров²⁵⁸. Признавая допустимость такой

²⁵⁷ Тункина и др. 2018а: 380.

²⁵⁸ Казанский 2021: 117. О локализации акациров продолжают споры. См.: Казанский, Мастыкова 2009: 124; Семенов 2016: 327–330.

Рис. 34. Золотой браслет из склепа в Фанагории
(по: Тункина, Застрожнова, Шаров 2018)

трактовки, необходимо еще раз отметить, что наличие кочевнических погребений на территории греческих государств Северного Причерноморья служит важным указанием влияния номадов. Более того, его нельзя исключать даже в том случае, если такие погребения здесь вовсе отсутствуют. Номады могли осуществлять свой контроль над важными для них центрами, базируясь при этом на кочевья, расположенные за сотни километров от них.

Вновь возвращаясь к трудам Прокопия Кесарийского, следует привести его свидетельство из сочинения «О постройках». В нем древний историк сообщил, что Юстиниан, преемник упоминавшегося выше Юстина на византийском престоле (527–565 гг.), много сделал для укрепления городов Крыма. «Особенно

он укрепил стенами Боспор (Пантикапей. — Ю. В.); с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян» (Проспер. *Ad Aedif.* III. 7. 12). Этот, к сожалению, очень краткий пассаж Прокопия, а также другие его замечания, приведенные выше, заставляют считать, что роль гуннов в боспорской истории IV–VI вв. была весьма существенной и, разумеется, не только разрушительной.

Вряд ли можно считать, что деяния Юстиниана в Крыму вообще и на Боспоре в частности имели сколько-нибудь продолжительный стабилизирующий результат. Евразийские степи продолжали быть открытым, широким путем, по которому на запад устремлялись новые и новые кочевые народы. По заключению А. И. Айбабина, в 571 или 572 г. степи, граничащие с азиатским Боспором, были захвачены тюрками, подчинившими утигуров и аланов. По всей видимости, во время их нападения были разрушены жилые кварталы на горе Митридат²⁵⁹. Так волны Великого переселения народов постепенно захватывали остатки Боспорского государства. Теряя связь со средиземноморской цивилизацией, Боспор превращался в придаток варварских государственных или полугосударственных образований Северного Причерноморья. Гуннский эпизод стал важным звеном в цепи событий, которые вели к такому результату.

²⁵⁹ Айбабин 2017: 232–233.

Заключение

Своеобразие Боспора, его отличие от других греческих государств Северного Причерноморья представляется вполне очевидным. Оно проявляется в особенностях государственного устройства, интенсивности взаимодействий с варварским миром, некоторых специфических чертах боспорской материальной и духовной культуры и т. д. Сейчас это своеобразие принято называть «боспорским феноменом»¹, и такое название в значительной степени оправдано.

Многовековая история античного Боспора демонстрирует в высшей степени любопытный, можно сказать, уникальный способ адаптации древнегреческих переселенцев к своеобразным военно-политическим и демографическим условиям Северного Причерноморья. В сфере взаимодействий Боспора с варварским миром особая роль принадлежала кочевым народам, но *особая* в данном случае не означает *неизменная*. Напротив, она была очень изменчивой, что подтверждается десятью выделенными периодами боспорской истории конца VII в. до н. э. — VI в. н. э. Эта изменчивость определялась военно-политической ситуацией, которая складывалась

¹ Виноградов 2000.

в степях Северного Причерноморья. Ее кардинальные перемены, связанные с продвижениями из глубин Азии на запад новых кочевнических этносов, накладывали отпечаток на исторические судьбы не только мира номадов, но и пограничных со степью народов и государств. Объяснение всех отмеченных выше культурно-исторических пиков и падений, всех периодов регулярного движения вверх и вниз логично искать в обозначенных «ритмах Евразии». Все это отнюдь не означает, что я пытаюсь преуменьшить или даже игнорировать значение внутренних закономерностей в развитии греческих государств региона. Нет, все они шли своим путем — Ольвия, Херсонес Таврический, Боспор Киммерийский демонстрируют очевидные отличия по многим аспектам своего политического устройства, пространственной организации, взаимодействий с местными племенами и т. д. Внешний, исходящий из степей фактор отнюдь не нивелировал этих отличий, но придавал истории греческих государств заметную ритмичность. Стоит отметить при этом, что своеобразие их исторического пути определяли не столько «ритмы Евразии» сами по себе, сколько особенности адаптации греков к этим «ритмам». Десять охарактеризованных периодов тысячелетней истории Боспора можно назвать периодами адаптации к изменяющейся военно-политической ситуации (правильнее сказать, ситуациям) в степях Северного Причерноморья².

Мировая история на многих примерах демонстрирует, что внешние факторы порой оказывали весьма

² Виноградов 2014б: 73.

существенное влияние на внутреннее развитие различных народов и государств. Здесь следует указать на одну весьма отдаленную, но показательную аналогию: Русь домонгольская и Русь после монгольских завоеваний — это принципиально различные этапы российской истории.

Динамический процесс боспорской истории может быть вполне адекватно описан словами Ю. В. Готье, высказанными им более 80 лет назад. Исследователь считал, что взаимодействия греческого (городского) и местного (степного) элементов были неравномерными, так сказать, пульсирующими; порой владения властителей Боспора простирались очень далеко, знаменуя собой периоды расцвета государства, но в закономерно наступавшие периоды ослабления и упадка «степь освобождалась от преобладания боспорских городов и переходила в наступление, доводила свое варварское влияние почти до самых ворот Пантикапея»³. Ю. В. Готье, на мой взгляд, смог выразить идею, представляющую большое значение для современной науки.

Вместе с тем обозначенные выше десять этапов, несмотря на их явное различие, демонстрируют одно в высшей степени важное обстоятельство. Оно связано с тем, что Боспор всегда стремился, если использовать образное выражение китайских источников, «не потерять варваров», «удержать их на привязи» (см. гл. 2, раздел «Восток и запад степного коридора. Сходство в различии»). Такая «потеря», особенно во взаимоотношениях с кочевниками, грозила государству очень большими бедами. Имеющиеся материалы

³ Готье 1925: 187.

в ряде случаев позволяют судить о достаточно серьезных изменениях в боспорской политике по отношению к местным племенам, особенно после радикальных демографических и военно-политических перемен в степях, которые в известном смысле позволяли правителям Боспора спасти ситуацию, уменьшить неизбежные потери, наладить конструктивные отношения с господствующим кочевым этносом. Все эти очень важные и очень непростые для изучения явления заслуживают самого пристального внимания современных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон С. М.* Форма родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // ТИЭ. 1951. Т. XIV. С. 132–156.
- Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. № 3. С. 4–135.
- Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре на Северном Кавказе // СА. 1978. № 1. С. 72–82.
- Абрамова М. П.* Катакомбы и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 54. М., 1982. С. 9–19.
- Абрамова М. П.* Ранние аланы на Северном Кавказе III–V вв. н. э. М., 1992.
- Абросов В. Н.* Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон // Известия Всесоюзного Географического общества. 1962. Т. 94. Вып. 4. С. 325–328.
- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И.* Крым в эпоху Великого переселения народов // История Крыма. Т. I. М., 2017. С. 183–200.
- Айонс У.* Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 99–108.
- Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии. VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.
- Алексеев А. Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.

- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2. С. 15–45.
- Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2. С. 96–123.
- Андреев Ю. В. Кто изобрел греческую фалангу? // ПАВ. 1993. № 7. С. 36–42.
- Андреев Ю. В. Греки и варвары в Северном Причерноморье // ВДИ. 1996. № 1. С. 3–17.
- Андреев Ю. В., Марченко К. К. Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 400–415.
- Андрианов Б. В. Историческое взаимодействие кочевых культур и древних земледельческих цивилизаций в свете концепции о хозяйственно-культурных типах // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 8–21.
- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Вып. 3. С. 71–112.
- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996 (перевод с греч. Я. Н. Любарского).
- Анучин Д. Н. О древних искусственно-деформированных черепах, найденных в пределах России // Известия ОЛЕАЭ. 1887. Т. XLIX. Вып. 4. С. 367–413.
- Анфимов Н. В. Раскопки Семибратнего городища // КСИ-ИМК. 1951. Вып. 37. С. 238–244.
- Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов Н. В. Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 157–165.

- Анфимов Н. В.* Меоты и их взаимодействия с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967. С. 127–131.
- Арешян Г. Е.* Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизации Евразии // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 21–24.
- Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. № 1. С. 29–39.
- Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966.
- Артамонов М. И.* Скифское царство // СА. 1972. № 3. С. 56–67.
- Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
- Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. С. 4–13.
- Артамонов М. И.* История хазар. СПб., 2002².
- Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.* М., 1986.
- Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
- Ашик А.* Воспорское царство. Т. II. Одесса, 1848.
- Ашик А.* Воспорское царство. Т. III. Одесса, 1849.
- Ашик А.* Часы досуга. С присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850.
- Базаров А.* Исторический опыт и вклад кочевых обществ Азии в евразийскую цивилизацию // Власть. 2012. № 9. С. 47–51.
- Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 113–161.
- Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. I. М., 1963.
- Барфилд Т.* Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М., 2002. С. 59–85.

- Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб., 2009.
- Баталов С. Г.* О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 32–87.
- Бациева С. М.* Бедуины и горожане в *Мукаддима* Ибн Халдуна // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 311–356.
- Безрученко И. М.* Древнегреческая Киренаика в VII–IV вв. до н. э. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 61–166.
- Безуглов С. И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азов и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 80–87.
- Бернштам А.* Социально-экономический строй орхоненисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946.
- Бернштам А. М.* Очерки истории гуннов. Л., 1951.
- Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.
- Бичурин (Иакинф) Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950.
- Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959.
- Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья // ПИСП. М., 1959. С. 7–39.
- Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // ВИ. 1960. № 10. С. 76–88.
- Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.

- Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985.
- Богоявленский С. К.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVI в. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 48–101.
- Болгов Н. Н.* Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени. Белгород, 1996.
- Болгов Н. Н.* Северное Причерноморе позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Белгород, 2002.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В., Крадин Н. Н.* Введение: Социальная эволюция, альтернатива и номунизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М., 2002. С. 9–36.
- Бондарь Р. Д.* О дунайском лимесе провинции Нижняя Мёзия // Древнее Причерноморье. II чтения памяти профессора П. О. Крышковского. Одесса, 1998. С. 8–9.
- Боплан (Г.)* Описание Украины. СПб., 1832.
- Борухович В. Г.* Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972. С. 457–499.
- Боталов С. Г.* О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 32–87.
- Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века). СПб., 2002.
- Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- Бруйко И. В.* О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. 1999. № 3. С. 76–91.
- Бруйко И. В.* Феномен «всадничества» евразийских степей (рубеж II–I тыс. до н. э.) // Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства. Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2001. С. 12–15.

- Бруяко И. В.* От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // *Stratum plus*. 2005–2009. № 3. С. 329–370.
- Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе X–V вв. до н. э. Кишинев, 2005.
- Бубенок О. Б.* Относительно монгольского присутствия на Боспоре в 1222–1223 гг. // *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. БЧ. Вып. IV. Керчь, 2003. С. 26–31.
- Буровский А. М.* Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // *Цивилизации*. 1995. Вып. 3. С. 151–164.
- Бурчинова Л. С., Гоголданова З. Э.-Г.* Калмыки и Калмыкия (Краткий этнографический очерк) // *Калмыки: перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития*. М., 1993. С. 22–48.
- Бутягин А. М.* Боспорские терракотовые фигуры в виде повозок из коллекции Государственного Эрмитажа // *Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. К 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова*. СПб., 2021. С. 101–111.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Симферополь; Керчь, 2014.
- Быков Н. И., Быкова В. А.* Колебания климата и смена материальных культур на Алтае // *Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками*. Барнаул, 2007. С. 6–7.
- Вайнберг Б. И.* Монетное дело Хорезма. М., 1977.
- Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // *СЭ*. 1976. № 4. С. 42–62.
- Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. 1972.
- Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. Т. I. Петроград, 1917.
- Васильев А. А.* Готы в Крыму // *ИРАИМК*. 1921. Т. I. С. 265–344.

- Васильев А. Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 111–128.
- Васильева Г. П.* Юрта — переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана (опыт сравнительного анализа конструктивных особенностей) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000. С. 20–49.
- Васильевский В.* Византия и печенеги // ЖМНП. 1872. Ч. 11. С. 116–165.
- Васютин С. А.* Типология потестарных и политических систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М., 2002. С. 86–98.
- Васютин С. А., Крадин Н. Н., Тишкин А. А.* Реконструкции социальной структуры ранних кочевников и археология // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 10–38.
- Вахтина М. Ю.* Греко-варварские контакты VII–VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1984.
- Вахтина М. Ю.* Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н. э. (к проблеме первых контактов) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 74–88.
- Вахтина М. Ю.* О древнейших оборонительных сооружениях древнего Порфмия // Фортификация в древности и средневековье (Материалы Методологического семинара ИИМК). СПб., 1995. С. 31–33.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А.* Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование

государства. Материалы Международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2001. С. 41–45.

Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Rogov E. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, 1997.

Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Ноннос и Феофан Византиец / Пер. с греч. Л. Дестуниса. СПб., 1860.

Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99–120.

Виноградов Ю. А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // Античный мир и археология. 1993. Вып. 9. С. 79–96.

Виноградов Ю. А. Ритоны из кургана Карагодеуашх // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 66–71.

Виноградов Ю. А. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. Вып. 1. СПб., 1998. С. 62–68.

Виноградов Ю. А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Hyperboreus. 1999. Vol. 5.1. С. 56–82.

Виноградов Ю. А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 101–115.

Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 98–128.

Виноградов Ю. А. Две Скифии и скифы царские // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы Международной научной конференции. Ч. II. СПб., 2001. С. 124–127.

Виноградов Ю. А. Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // ВДИ. 2001. № 4. С. 77–87.

Виноградов Ю. А. О двух победах Неоптолема на Боспоре Киммерийском // ANAXAPΣIΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. ХСб. 2001. Вып. 11. С. 65–69.

- Виноградов Ю. А.* Архаические комплексы поселения Артющенко I // Таманская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 61–66.
- Виноградов Ю. А.* Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 183–196.
- Виноградов Ю. А.* Усобица сыновей царя Перисада I // Материалы по археологии Кубани. 2003. Вып. 3. С. 77–92.
- Виноградов Ю. А.* Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Stratum plus. 2003–2004. № 3. С. 198–207.
- Виноградов Ю. А.* О двух волнах сарматских миграций в Причерноморских степях доримского времени // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 20–28.
- Виноградов Ю. А.* Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. 2004. Вып. 7. С. 89–111.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–296.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2006. С. 36–43.
- Виноградов Ю. А.* Еще раз о дате Федуловского клада // In situ. К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 207–227.
- Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н. э. // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 118–139.
- Виноградов Ю. А.* Кочевники и земледельцы. Соперничество на поле боя // БЧ. Вып. IX. Militaria. Керчь, 2008. С. 60–66.
- Виноградов Ю. А.* Некоторые итоги археологических исследований в районе акрополя Мирмекия (По мате-

- риалам раскопок 1992–1994 гг.) // ВДИ. 2008. № 1. С. 42–54.
- Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. Вып. XXII. Симферополь; Керчь, 2009. С. 5–90.
- Виноградов Ю. А.* Куль-Оба // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010. С. 420–425.
- Виноградов Ю. А.* Железодельная мастерская на поселении Артюшенко I (Таманский полуостров) // БЧ. Вып. XI. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 80–84.
- Виноградов Ю. А.* Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // БИ. Вып. XXX. Симферополь; Керчь, 2014. С. 535–552.
- Виноградов Ю. А.* Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского государства. М., 2014. С. 64–75.
- Виноградов Ю. А.* Скифия и Боспор. Два века развития научной идеи в отечественной историографии // Скифия. Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции. М., 2015. С. 18–22.
- Виноградов Ю. А.* Номады и земледельцы. Проблемы мирного сосуществования // БЧ. Вып. XVIII. Торговля: пути — товары — отношения. Симферополь; Керчь, 2017. С. 60–67.
- Виноградов Ю. А.* Вместо введения. Об элите Боспора и не только // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 3–24.
- Виноградов Ю. А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 112–223.
- Виноградов Ю. А.* Элита Боспора в митридатовское и постмитридатовское время // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристокра-

- тической культуре доримского времени. БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 261–287.
- Виноградов Ю. А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь; Керчь, 2017. (БИ. Supplementum 17).
- Виноградов Ю. А.* Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб., 2017. С. 67–110.
- Виноградов Ю. А.* Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора Киммерийского // БИ. 2019. Вып. XXXVIII. С. 3–16.
- Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб., 2020².
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2009.
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь; Керчь, 2012. (БИ. Supplementum 9).
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1. С. 145–155.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. 1995. № 1. С. 80–84.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 27–41.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // АВ. 2014. № 20. С. 143–162.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. 1997. № 3. С. 92–103.

- Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1. С. 54–63.
- Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила. Политическая и дипломатическая история скифов в первой половине V в. до н. э. // СА. 1980. № 3. С. 92–108.
- Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Древняя Греция. Т. I. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 366–420.
- Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–86.
- Виноградов Ю. Г.* Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989.
- Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
- Виноградов Ю. Г.* Херсонесский декрет «О несении Диониса» IOSPE. I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124.
- Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.
- Виноградов Ю. Г.* Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 59–62.
- Виноградов Ю. Г.* Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // Нумизматика и эпиграфика. Т. XVI. М., 1999. С. 50–71.
- Виноградов Ю. Г.* Херсонес, Боспор и их варварское окружение в III в. до н. э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 269–277.
- Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П.* Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского (предварительная публикация) // Археологія. 2003. № 1. С. 44–53.
- Виноградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П.* Новые эпиграфические источники по истории митридатовой

- эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 589–600.
- Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–371.
- Винокуров Н. И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Власова Е. В.* Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К шестидесятилетию М. Б. Пиотровского. СПб., 2004. С. 158–174.
- Власова Е. В.* Ахтанизовский клад // ВДИ. 2009. № 3. С. 63–78.
- Власова Е. В.* Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. Т. III. М., 2010. С. 199–262.
- Габуев Т. А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1996.
- Гаврилюк Н. А.* История экономики степной Скифии VII–III вв. до н. э. Киев, 1999.
- Гаврилюк Н. А., Черненко Е. В.* «Скифский» поход Зопириона // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 65–69.
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–IX вв. Л., 1979.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. I. М.; Л., 1955. С. 23–147.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 58. С. 9–148.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспор и скифы (тезисы доклада) // ПИСП. 1959. С. 276–278.
- Гарбузов Г. П.* Анализ пространственного размещения крепостей Фонталовского полуострова // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 77–94.
- Геннинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.

- Голубовский П. В. С какого времени можно проследить на юге России способ защиты табором? // Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. II. М., 1902. С. 72–79.
- Голубцова Е. С., Кошеленко Г. А. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье. XIV Международный конгресс исторических наук. М., 1980.
- Горлов Ю. В. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. Т. 11. С. 86–105.
- Горнчаровский В. А. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ПАВ. 1993. № 6. С. 79–83.
- Горнчаровский В. А. Боспорская кавалерия первых веков н. э. // ANAXAPΣΙΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. ХСб. 2001. Вып. 11. С. 72–85
- Горнчаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 161–170.
- Горнчаровский В. А. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб., 2003.
- Горнчаровский В. А. Аспургiane и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. Материалы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 43–53.
- Горнчаровский В. А. Оборонительная система Илурата // РА. 2006. № 4. С. 119–130.
- Горнчаровский В. А. На подступах к столице Боспора. Античная крепость Илурат в Восточном Крыму. СПб., 2019.
- Горнчаровский В. А., Никоноров В. П. Илуратский катафрактарий (к истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213.
- Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л., 1925.
- Граков Б. Н. Материалы к истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–315.

- Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36.
- Греч Н. Л.* Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. 1984. Т. 24. С. 100–109.
- Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда. Л., 1937.
- Григорьев А. П., Фролова О. Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Каллкашанди // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. 1999. Вып. XVIII. С. 42–88.
- Григорьев В. В.* Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. 1875. Вып. 178. С. 1–27.
- Грот К. Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.
- Грязнов М. П.* Некоторые вопросы сложения и развития кочевых обществ Казахстана и южной Сибири // КСИЭ. 1955. Вып. 24. С. 19–27.
- Гумилев Л. Н.* Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии (опыт историко-географического синтеза) // НАА. 1966. № 4. С. 85–94.
- Гумилев Л. Н.* Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР. 1967. № 1. С. 53–66.
- Гумилев Л. Н.* Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968. С. 262–269.
- Гумилев Л. Н.* Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44–52.
- Гумилев Л. Н.* Люди и природа Великой степи (Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников) // ВИ. 1987. № 11. С. 64–77.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
- Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.
- Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

- Д'Асколи Э. Д.* Описание Черного моря и Татари, составленное Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префекта Каффы, Татари и проч. // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. С. 96–180.
- Дашевская О. Д.* О скифах Северо-Западного Крыма в период греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 218–227.
- Де-Люк Ж.* Описание перекопских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана Де-Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. 1879. Т. XI. С. 473–493.
- Демьянчук С. Г., Туровский Е. Я.* Греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье III в. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 91–94.
- Десятчиков Ю. М.* Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 131–144.
- Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. М., 1974.
- Десятчиков Ю. М.* Арифарн — царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45–48.
- Джоунс У. Р.* «Варвары» в мировой истории: миф и реальность // Культура. 1987. № 3. С. 156–175.
- Дигар Ж.-П.* Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 33–54.
- Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, переводы, комментарии. М., 1982.
- Доманский Я. В.* Ольвия и Скифия в раннеэллинистическое время // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 233–242.
- Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской перифе-

- рии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.
- Дробинский А. И.* Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки. 1948. Вып. 26. С. 95–127.
- Дюби Ж.* Европа в Средние века. М., 1994.
- Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новороссийск, 1977.
- Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи). АГСП. I. М.; Л., 1955. С. 248–296.
- Жамбалова С. Г.* Кочевой образ жизни монголов // Кочевничество и миграции в современной Монголии. Улан-Удэ, 2017. С. 8–46.
- Жданко Т. А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане (Некоторые исторические и этнографические проблемы) // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 274–281.
- Жебелев С. А.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ИГАИМК. 1933. Вып. 70.
- Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории. М.; Л., 1953.
- Железняков А. С.* Монгольский полюс политического устройства мира. М., 2009.
- Жуковская Н. Л.* Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М., 1990.
- Жуковская Н. Л.* (составитель). Калмыки. М., 2003.
- Завойкин А. А.* Боспор: территориальное государство и полис // БФ. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. С. 22–29.
- Завойкин А. А.* «Боспорский феномен» или псевдоэллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 150–181.
- Завойкин А. А.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. № 4. С. 103–111.
- Завойкин А. А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы

- Спартокидов. *Bosporos Studies. Supplementum* 10. Симферополь; Керчь, 2013.
- Завойкин А. А., Масленников А. А.* Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // БЧ. Вып. VI. ОΙΚΟΣ. Керчь, 2006. С. 110–128.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь, 2003.
- Зайцев Ю. П.* Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 2017. С. 121–131.
- Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
- Заметки XII–XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судак), приписанные на греческом синаксаре* // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 595–628.
- Засецкая И. П.* Назначение вещей Федуловскогоклада // АСГЭ. 1965. Вып. 7. С. 28–36.
- Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5–17.
- Засецкая И. П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV — начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 97–106.
- Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая И. П.* Гунны Восточной Европы в конце IV — V веке н. э. // Кочевники Азии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 169–172.
- Застрожнова Е. Г., Шаров О. В.* Погребение «Марфовский клад»: история открытия и исследований комплекса // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до гетузов. СПб., 2017. С. 130–156.

- Зинько А. В.* «Готы» в Восточном Крыму // БИ. 2008. Вып. 19. С. 129–138.
- Зинько В. Н.* Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 12–20.
- Зинько В. Н.* Кризис хоры городов западного побережья Боспора Киммерийского в последней трети IV в. до н. э. // БЧ. Вып. VI. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 111–116.
- Зинько В. Н.* Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI–I вв. до н. э.) // БИ. 2007. Вып. 15.
- Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // ВИ. 1955. № 4. С. 72–80.
- Златкин И. Я.* А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // ВИ. 1971. № 2. С. 88–102.
- Златкин И. Я.* Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // НАА. 1973. № 1. С. 61–71.
- Зубарь В. М., Зинько В. Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономического развития. БИ. 2006. Вып. 12.
- Иванов В. М.* Греческая фортификация Северного Причерноморья VI — первой половины I вв. до н. э. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005.
- Иванова А. П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
- Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Степные народы Евразии. Т. II. М., 2001.
- Иванчик А. И.* Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Pontus Septentrionalis. III. М., 2005.
- Иванчик А.* Крымская Скифия III–II вв. до н. э. и ее отношения с греческими государствами Северного Причерноморья // Крымская Скифия в системе культурных

- связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.). Симферополь; Москва, 2017. С. 34–55.
- Игнатенко А. А.* Ибн-Халдун. М., 1980.
- Исмагилов Р. Б.* Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему судьбы «классической» Скифии // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 62–65.
- История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этническая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007.
- Казанский М. М.* Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. 4. 1994. С. 238–256.
- Казанский М. М.* Готы на Боспоре // Сто лет черняховской культуры. Киев, 1999. С. 277–297.
- Казанский М. М.* Гунны на Боспоре Киммерийском // БИ. Вып. XLII. 2021. С. 108–131.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В.* «Царские гунны» и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009: С. 114–126.
- Каллистов Д. П.* Этюды по истории Боспора. I. Боспор, Митридат Евпатор и Рим // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 276–278.
- Каллистов Д. П.* Этюды по истории Боспора римского времени // ВДИ. 1938. № 4 (5). С. 174–183.
- Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
- Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981.
- Кирпичников А. Н.* К оценке военного дела средневековой Руси // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 141–147.
- Клейн Л. С.* Археологические признаки миграций. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). М., 1973.
- Клейн Л. С.* Генераторы народов // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 126–134.

- Клейн Л. С.* Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 30–36.
- Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993.
- Клейн Л. С.* Миграции: археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. № 1. С. 52–71.
- Клейн Л. С.* Введение в теоретическую археологию. СПб., 2004.
- Кляшторный С. Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Книга 2. Улан-Удэ, 2005. С. 23–31.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Книга Марко Поло. М., 1956.
- Ковалевская В. Б.* Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2005.
- Колосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М., 2000.
- Комар А. В.* Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I. Донецк, 2000. С. 9–53.
- Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 210–247.
- Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. № 4. С. 170–176.
- Копылов В. П.* Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII–I вв. до н. э. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2006. С. 80–88.

- Копылов В. П., Ларенок П. А.* Таганрогское поселение. Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Вып. II. Ростов-на-Дону, 1994.
- Королькова Е. Ф.* Кочевники Восточноевропейских степей в эпоху средневековья // Кочевники Азии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 224–227.
- Крадин Н. Н.* Особенности классообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Т. II. М., 1991. С. 301–324.
- Крадин Н. Н.* Кочевые общества (Проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.
- Крадин Н. Н.* Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993. С. 192–210.
- Крадин Н. Н.* Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII — начале XIII века // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. М., 1995. С. 48–66.
- Крадин Н. Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 164–179.
- Крадин Н. Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. № 5. С. 21–32.
- Крадин Н. Н.* Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М., 2002. С. 109–125.
- Крадин Н. Н., Кан Ин Ук.* Современные исследования по археологии хунну в Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 11–31.
- Крадин Н. Н., Тишкин А. А., Харинский А. В.* Введение // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Изд-во Иркутского гос. Технического университета, 2005. С. 6–9.

- Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крамаровский М. Г.* Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды (по материалам чингисидской торевтики XII–XV вв.). СПб., 2002.
- Крапивина В. В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 1993.
- Красножон А. В.* Путь Дария // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XIII. Запоріжжя, 2006. С. 75–82.
- Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. СПб., 2003.
- Крюков М. В., Курылев В. П.* К ранней истории юрты (по китайским источникам III в. до н. э. — XIII в. н. э.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000. С. 10–19.
- Кривошеев Ю. В.* Русь и Золотая Орда // Россия и степной мир Евразии. СПб., 2006. С. 129–193.
- Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической жизни). М., 1966.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыжицкий С. Д.* Ольвия и скифы в V в. до н. э. К вопросу о скифском «протекторате» // АВ. 2002. № 9. С. 208–221.
- Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Кузнецов В. Д.* Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 31–37.
- Кузнецов В. Д.* Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М. 1992, С. 28–45.
- Кузнецов В. Д.* Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаическую эпоху // ВДИ. 2000. № 1. С. 16–40.
- Кузнецова Т. М.* Анахарсис и Скил // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 11–17.
- Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на чертомлыцкой амфоре // СА. 1976. № 3. С. 68–75.

- Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
- Кулаковский Ю.* История Византии. Т. III (602–717). Киев, 1915.
- Кутайсов В. А.* Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 291–307.
- Кучера М. П.* Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.
- Кшибеков Д.* Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984.
- Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Кычанов Е. И.* Сведения «Юань-ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. 1999. Вып. XVIII. С. 160–169.
- Кычанов Е. И.* О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань-ши») // Тюркологический сборник, 2001. М., 2002. С. 75–83.
- Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010.
- Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. М., 1897.
- Лашук Л. П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. 1967. № 4. С. 25–39.
- Лашук Л. П.* О характере классовообразования в обществах ранних кочевников // ВИ. 1967. № 7. С. 105–121.
- Лашук Л. П.* Кочевники и общие закономерности истории // СЭ. 1973. № 2. С. 83–95.
- Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001.

- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.
- Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
- Мавродина М. И.* Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Л., 1983.
- Мазетти К.* Война Дария I со скифами и вавилонская пророческая литература // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–110.
- Максимова М. И.* Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55–58.
- Манцевич А. П.* 1949. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // СА. 1949. № 2. С. 196–220.
- Манцевич А. П.* Горит из кургана Солоха // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 107–121.
- Манцевич А. П.* 1975. К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья // Studia Thracia. София, 1975. С. 112–125.
- Манцевич А. П.* Открытие царской гробницы у деревни Виргина в Северной Греции (античная Македония) // ВДИ. 1980. № 3. С. 153–167.
- Маринович Л. П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 5–29.
- Марков Г. Е.* Некоторые вопросы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ. 1973. № 1. С. 102–112.
- Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
- Марков Г. Е.* Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 21–29.
- Марков Г. Е.* Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества // СЭ. 1982. № 4. С. 80–87.

- Марти Ю. Ю.* Сто лет Керченскому музею. Керчь, 1926.
- Марченко И. Д.* Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея // КСИА. 1962. Вып. 89. С. 51–53.
- Марченко И. Д.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 2. С. 146–156.
- Марченко И. И.* Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1. С. 131–143.
- Марченко К. К.* Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // РА. 1996. № 2. С. 70–80.
- Марченко К. К.* К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье в V–IV вв. до н. э. (Сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum plus. 1999. № 3. С. 145–172.
- Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis. II. Moakau, 2000.
- Масанов Н. Э.* Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1985. С. 20–26.
- Масанов Н. Э.* Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 55–58.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.
- Масленников А. А.* Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. № 3. С. 61–71.
- Масленников А. А.* Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы в конце века // РА. 1997. № 3. С. 60–70.

- Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Масленников А. А.* Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 2001. Т. 4. С. 291–323.
- Масленников А. А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Масленников А. А.* Хора Боспора в III–II вв. до н. э. // РА. 2020. № 1. С. 76–89.
- Масленников А. А., Миляева Ю. В.* Кризисы и катастрофы в истории Боспора // БЧ. Вып. VI. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 191–203.
- Массон В. М.* Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций, 1989. С. 81–89.
- Массон В. М.* Древние всадники Азии в контексте всемирной истории // Роль ахалтекинського коня в формуванні мирового коннозаводства. Матеріали Міжнародної наукової конференції. Ашхабад, 2001. С. 34–36.
- Массон В. М.* Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие. Бишкек, 2003.
- Материалы по истории древних кочевников группы дунху.* М., 1984.
- Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, переводы, комментарии. М., 1979.
- Махмуд Кашгари.* Девон лугат ат-турк. Ташкент, 1963.
- Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 30–54.
- Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 122–132.
- Мачинский Д. А.* О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 232–240.

- Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 131–151.
- Мачинский Д. А.* Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н. э. // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 7–30.
- Мачинский Д. А.* Скифия и Боспор // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 5–10.
- Мачинский Д. А.* Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993. С. 6–27.
- Медведев А. П.* К истолкованию феномена Воронежских курганов скифского времени // Исторические записки. 1996. Вып. 1. С. 174–182.
- Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. САИ. Д. 1–4. М., 1964.
- Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Мелюкова А. И.* По поводу скифских походов на территории Средней Европы // Древности скифской эпохи. М., 2006. С. 25–40.
- Мещанинов И. И.* О доисторическом переселении народов (в связи с работой G. Wilke). Анализ вопроса в яфетидологическом освещении // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XXIX (5). С. 190–238.
- Михайлова И. Б.* Древняя Русь и степь // Россия и степной мир Евразии. СПб., 2006. С. 7–128.
- Мищенко Ф. Г.* Не в меру строгий суд над Геродотом // Геродот. История в девяти книгах (пер. Ф. Г. Мищенко). Т. II. М., 1888. С. I–LX.
- Момзен Т.* История Рима. Т. II. От битвы при Пидне до смерти Суллы. СПб., 1994.

- Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976.
- Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Молев Е. А.* Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995.
- Молев Е. А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Ниж. Новгород, 2007.
- Мордвинцева В.* «Крымская Скифия» и «позднескифская культура Крыма». Формирование и развитие понятий // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.). Симферополь; Москва, 2017. С. 15–33.
- Мордкович В. Г.* Степные экосистемы. Новосибирск, 2014².
- Мордкович В. Г., Гиляров А. М., Тишков А. А., Баландин С. А.* Судьба степей. Новосибирск, 1997.
- Мосс М.* Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
- Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.
- Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.
- Назаренко А. В.* К этимологии этнонима Σκόλοτοι (Геродот. IV. 6) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 233–237.
- Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963.
- Науменко В. Е.* Византийская фема Хиос // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 5. С. 92–101.
- Нефёдкин А. К.* Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени // Мнемон. 2004. Вып. 3. С. 453–464.
- Нечаева Л. Г.* О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 7–49.

- Никоноров В. П.* Военное дело евразийских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // ЗВОРАО. 2002. Т. I (XXVI). С. 223–323.
- Никоноров В. П.* «Катафракты» или «катафрактарии»? Еще раз по поводу двух обозначений античной панцирной конницы // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 66–72.
- Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999. С. 141–154.
- Никулин В.* К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра // МАСП. 1957. Вып. I. С. 85–90.
- Обрушански Б.* Гунны позднего времени в Карпатской котловине // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013: 307–320.
- Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. 1977. № 4. С. 108–128.
- Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3. С. 52–65.
- Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- Онайко Н. А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира. М., 1966. С. 159–176.
- Онайко Н. А.* Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2. С. 155–168.
- Онайко Н. А.* Античный импорт в Поднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. САИ. Вып. Д. 1–27. М., 1970.
- Онайко Н. А.* О взаимодействии греческого искусства на меото-скифский звериный стиль // СА. 1976. № 3. С. 76–86.

- Оразов А.* Этнографические очерки хозяйства туркмен Ахала в XIX — начале XX в. Ашхабад, 1985.
- Осипова К. А.* Государственный строй // История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 33–40.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1809.
- Паромов Я. М.* Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 56–69.
- Паромов Я. М.* К вопросу о пространственном размещении крепостей Фонталовского полуострова (в связи со статьей Г. П. Гарбузова) // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 95–103.
- Паромов Я. М.* Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н. э.) // ДБ. 2006. Т. 10. С. 365–383.
- Парцингер Г.* Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // ВДИ. 1998. № 2. С. 104–115.
- Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.
- Пашуто В. Т.* Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 210–227.
- Першиц А. И.* Данничество. М., 1973.
- Першиц А. И.* Война и мир на пороге цивилизации. Кочевое скотоводство // Война и мир в ранней истории человечества. Т. II. М., 1994. С. 129–244.
- Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
- Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л., 1964.
- Плано Карпини Дж.* История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 19–74.

- Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С. 151–226.
- Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. 1964. № 1. С. 133–140.
- Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 180.
- Плетнева С. А.* Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1–19. М., 1973.
- Плетнева С. А.* Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. 1981. № 6. С. 50–63.
- Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990.
- Подосинов А. В.* Образование Боспорского царства в свете теории протоэллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского государства. М., 2014. С. 123–140.
- Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Полин С. В.* О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Древности скифов. Киев, 1994. С. 86–102.
- Полин С. В., Симоненко А. В.* Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 87–98.
- (Потанин Г. Н.)* Записка чл.-с. Г. Н. Потанина о предпринятом им путешествии в северо-западную Монголию // Известия Императорского русского географического общества. 1876. Т. 12. Вып. 3. С. 147–152.
- Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6. С. 73–89.
- Прушевская Е. О.* Художественная обработка металла // АГСП. I. 1955. С. 323–355.
- Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкала. Ташкент, 1989.
- Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. 1964. № 3. С. 16–37.
- Пьянков И. В.* Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб., 2013.

- Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 1970. № 3. С. 90–101.
- Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сарматских племен. М., 1977.
- Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Раевский Д. С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. М.; Л., 1946.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I, кн. 1–2. М.; Л., 1952.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960.
- Рогов Е. Я.* Укрепленные поселения Таманского полуострова // БФ. Греческая культура на периферии античного мира. Материалы Международной конференции. СПб., 1999. С. 153–157.
- Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 137–210.
- Романов В. К.* Статья 1224 г. о битве при Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники, 1980. М., 1981. С. 79–103.
- Рона-Таш А.* По следам кочевников. М., 1964.
- Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
- Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.
- Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991.
- Ростовцев М. И.* Боспорское царство и южнорусские курганы // Вестник Европы. 1912. Июнь. С. 101–120.
- Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1913 — Альбом; 1914 — Текст.
- Ростовцев М. И.* Научное значение истории Боспорского царства // Сборник к 40-летию профессорской деятельности Н. И. Кареева. СПб., 1914. С. 195–210.
- Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. (Л.), 1925.

- Ростовцев М. И.* Сарматские и индо-скифские древности // *SKUQIKA*. Избранные работы академика М. И. Ростовцева. ПАВ. 1993. № 5. С. 39–56.
- Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С. 75–173.
- Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. 1961. Вып. 1. С. 2–15.
- Рябова Т. В.* Кочевники Евразии на пути к империи // Кочевники Азии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2012. С. 4–7.
- Самойлова Т. Л.* Поход Зопириона в Северо-Западное Причерноморье // Древности причерноморских степей. Киев, 1993. С. 46–51.
- Сандаг Ш.* Образование единого монгольского государства и Сингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 23–45.
- Сапрыкин С. Ю.* Аспургiane // СА. 1985. № 2. С. 65–78.
- Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11–35.
- Секерская Н. М.* Итоги исследований Никония за 40 лет (1957–1997) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 7–13.
- Секерская Н. М.* Никоний // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса, 2013. С. 493–552.
- Семенов И. Г.* К этнической карте кавказской периферии гуннской державы: соросги, акациры и «гунны» Восточного Кавказа // КСИА. Вып. 244. 2016. С. 323–339.

- Силантьева П. Ф.* Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. САИ. Вып. Г 1–11. М., 1974. С. 5–37.
- Симоненко А. В.* Европейские аланы и аланы-танаиты // РА. 2001. № 1. С. 77–91.
- Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Симоненко А. В.* Конский убор из Большого кургана Васюринской горы // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 598–602.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991.
- Скорий С. А.* Курган Переп'ятиха. Київ, 1990.
- Скорый С. А.* К вопросу о скифских походах в лужицкие земли // СА. 1990. № 1. С. 34–41.
- Скорый А. С.* Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев, 1997.
- Смирнов К. Ф.* Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981. С. 3–26.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Сокольский Н. И.* Гунны на Боспоре (по археологическим источникам) // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968. S. 251–261.
- Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976
- Соловьев С. Л., Бутягин А. М.* Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. Вып. 4. СПб., 2002. С. 67–80.
- Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Сорокина Н. П.* Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 374–382.
- Спицын А. А.* Фалары южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 18–53.

- Столба В. Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н. э. (по данным письменных источников) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. № 6. С. 56–61.
- Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1991.
- Таиров А. Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахских степей в I тыс. до н. э. // Кочевники урало-казахских степей. Екатеринбург, 1993. С. 3–23.
- Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб., 2009.
- Таскин В. С. Значение китайских источников в изучении истории монголов // Материалы по истории древних кочевников группы дунху. М., 1984. С. 3–62.
- Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941.
- Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М., 1982: 89–145.
- Ткачук М. Е. Nerusskaја идея. Опыт патриотической герменефтики // Стратум: структуры и катастрофы. СПб., 1997. С. 240–266.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991 (перевод с англ.).
- Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
- Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.
- Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3. 24–48.
- Толстиков В. П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 88–112.

- Толстиков В. П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 46–65.
- Толстиков В. П.* Новые материалы к изучению древнейшей истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса // ПИФК. 2015. № 1. С. 261–281.
- Толстиков В. П.* Пантикапей. К археологическому портрету столицы Боспора Киммерийского. Симферополь, 2017.
- Толстиков В. П., Муратова М. Б.* К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 1. С. 176–196.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. СПб., 1889.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. Классические древности Южной России. СПб., 1889.
- Толыбеков С. Е.* О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // ВИ. 1955. № 1. С. 75–83.
- Тортика А. А.* К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский // БИ. 2003. Вып. 3. С. 62–72.
- Тохтасьев С. Р.* Scythica в «Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979) // ВДИ. 1984. № 3. С. 133–143.
- Тохтасьев С. Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // БЧ. Вып. II. Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001. С. 161–164.
- Тохтасьев С. Р.* Проблемы скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași, 2005. P. 59–108.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н. э. // Eirene. 1988. XXV. С. 63–79.

- Трейстер М. Ю.* Матрица из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н. э.) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989. С. 89–101.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 66–110.
- Трейстер М. Ю.* Ионийские ремесленники – скифам // ВДИ. 1998. № 4. С. 130–141.
- Трейстер М. Ю.* Тема амазономахии в торевтике поздней классики и раннего эллинизма (к вопросу о фаларах из кургана Большая Близница) // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб., 2001. С. 243–283.
- Тункина И. В., Застрожнова Е. Г., Шаров О. В.* Первое золото Фанагории: «браслет Ван дер Вейде» // Stratum plus. 2018. № 4. С. 371–383.
- Тункина И. В., Застрожнова Е. Г., Шаров О. В.* Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 4. М., 2018. С. 142–155.
- Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи. София, 1900.
- Федосеев Н. В.* Матрица с изображением грифона из Мирмекия // ВДИ. 1994. № 4. С. 75–77.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Изд-во МГУ, 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. Изд-во МГУ, 1973.
- Филипсон Г. И.* Воспоминания. 1837–1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 76–197.
- Хазанов А. М.* О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М., 1973. С. 5–10.
- Хазанов А. М.* Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. IX Международный конгресс ан-

- тропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Доклады советской делегации. М., 1973.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
- Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Т. 5. М., 2002. С. 37–58.
- Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008².
- Хайрединова Э. А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. 1994. Вып. 4. С. 517–529.
- Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Омар Ибн-Даста, арабского писателя X века // ЖМНП. 1868. Декабрь. С. 657–771.
- Хохоровски Я. Скифские набеги на территории Средней Европы // РА. 1994. № 3. С. 49–64.
- Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004.
- Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004.
- Худяков Ю. С. Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985. С. 105–111.
- Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 227–250.
- Цветаева Г. А. Бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 227–229.
- Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. И. Народы, расы, культуры. М., 1985.

- Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Монголо-татары в Азии и Европе. М., 1977. С. 186–209.
- Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 35–38.
- Черненко Е. В.* О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 185–186.
- Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко Е. В.* Скифо-персидская война. Киев, 1984.
- Чернопицкий М. П.* Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода // Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 176–186.
- Чернопицкий М. П.* Генезис курганной традиции // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1983. № 2. С. 72–76.
- Чернопицкий М. П.* Курган в системе древней обрядности // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов Второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 70–75.
- Шаров О. В.* О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // БИ. 2009. Вып. 22. С. 283–323.
- Шаров О. В.* Золотая маска из Керчи // РА. 2009. № 3. С. 89–93.
- Шаров О. В.* Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Ажимукайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Statum plus. 2012. № 4. С. 201–237.
- Шаров О. В.* Элита позднеантичного Боспора: погребение с золотой маской // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 168–175.
- Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.
- Шелов Д. Б.* Танис и Нижний Дон III–I вв. до н. э. М., 1970.

- Шелов Д. Б.* Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. С. 55–72.
- Шелов Д. Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 40–58.
- Шелов Д. Б.* Танаис — эллинистический город // ВДИ. 1989. № 3. С. 47–54.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* Из истории Боспора в VI–V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М., 1985. С. 5–187.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* О периоде «протоэллинизма» на греческой периферии (на примере Боспора) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 320–333.
- Широкова Н. С.* Идеализация варваров в античной литературной традиции // Античный полис. Л., 1979. С. 124–138.
- Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. М., 1996.
- Штерн Э.* Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 13–30.
- Щеглов А. Н.* О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинского мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 185–198.
- Щеглов А. Н.* Еще раз о причинах денежного кризиса III в. до н. э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье (чтения памяти проф. П. О. Карышковского). Одесса, 1989. С. 56–58.
- Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Щукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Эвлия Челеби.* Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь, 1996.
- Эдаков А. В.* Поход Дария I в Северное Причерноморье в свете египетской исторической традиции // Международные отношения в бассейне Черного моря

- в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1986. С. 14–22.
- Эфендиев М. М., Першиц А. И.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 11. С. 65–75.
- Яйленко В. П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128–193.
- Яйленко В. П.* Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 4–200.
- Яйленко В. П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 128–215.
- Яйленко В. П.* Гунно-болгары во II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропологии // ДБ. 2002. Т. 5. С. 303–333.
- Якобсон А. Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85. С. 458–501.
- Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 128–137.
- Яковенко Э. В.* Скифы на Боспоре (Греко-скифские отношения в VII–III вв. до н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1985.
- Яковенко Э. В.* К проблеме происхождения предметов торевтики из раннеэллинистических курганов Скифии и Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 345–352.
- Яковенко Э. В.* О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея (К истории международных отношений в Причерноморском регионе) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и Средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 43–54.

- Якубов Н. В. Русско-казахская торговля (1760–1860 гг.) // НАА. 1977. № 6. С. 127–136.
- Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе мало-азийских турок на Судак, половцев и русских // Византийский временник. 1927/1928. Т. 25. С. 53–76.
- Яценко И. В., Раевский Д. С. Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // НАА. 1980. № 5. С. 102–117.
- Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н. э. (локализация и политическая история) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. Вып. 6. С. 83–88.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Anthony D. Prehistoric Migrations as Social Process // Migrations and Invasions in Archaeological Explanations. BAR International Series 664. Oxford, 1997. P. 21–32.
- Asad T. The bedouin as a military force: notes on some aspects of power relations between nomads and sedentaries in historical perspective // The Desert and the Sown. Nomads in the Wider Society. Berkeley, 1973.
- Barfield T. J. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge, 1992.
- Barfield T. J. The shadow empires: imperial state formations along the Chinese-Nomad frontier // Empires. Cambridge, 2001. P. 10–41.
- Barth F. A general perspective on nomad-sedentary relations on Middle East // The Desert and the Sown. Nomads in the Wider Society. Berkeley, 1973. P. 11–21.
- Boardman J. The Greek Overseas. Penguin books, 1964.
- Bonte P. Ecological and Economic Factors in the Determination of the Pastoral Specialisation // Change and Development in Nomadic and Pastoral Societies. Leiden, 1981. P. 33–49.
- Brandis C. G. Bosphoros // RE. 1897. Bd. III. Sp. 757–789.
- Braund D. Greater Olbia: Ethnic, Religious, and Political Interactions in the Region of Oldia, c.600–100 BC // Classical Olbia and the Scythian World From the Sixth Cen-

- ture BC to the Second Century AD. Oxford University Press, 2007. P. 37–77.
- Chapman J., Hamerow H.* On the Move Again: Migrations and Invasions in Archaeological Explanation // *Migrations and Invasions in Archaeological Explanation*. BAR International Series 664. Oxford, 1997. P. 1–10.
- Childe G.* Man Makes Himself. London, 1939.
- Clutton-Brock J.* Horse Power. A History of the Horse and the Donkey in Human Society. Massachusettes, 1992.
- Cole D. P.* Bedouin and Social Change in Saudi Arabia // *Change and Development in Nomadic and Pastoral Societies*. Leiden, 1981. P. 128–149.
- Coleman J. E.* Ancient Greek Ethnocentrism // *Greeks and Barbarians. Essays of the Interactions between Greeks and Non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Eurocentrism*. Bethesda; Maryland, 1997. P. 175–220.
- Cunliffe B.* Greeks, Romans and Barbarians. Spheres of Interactions. London, 1988.
- Detienne V.* La phalange. Problèmes et controverses // *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 1968. P. 119–142.
- Diehl E.* Saumakos // *RE*. 1935. Bd. VI. Sp. 653–654.
- Foxhall L.* Farming and fighting in ancient Greece // *War and Society in the Greek World*. London and New York, 1995. P. 134–145.
- Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.
- Gardiner-Gerdner J. R.* Dareios' Scythian Expedition and its Aftermath // *Klio*. 1987. Bd. 69.2. P. 326–350.
- Gorontcharovskiy V. A.* Iluraton: A Fortress of the 1st – 3rd Centuries AD on the European Bosphorus // *Ancient Greek Colonization in the Black Sea*. Vol. 2. BAR International Series 1675. Oxford, 2007. P. 987–926.
- Gribb R.* Nomads and Archaeology. Cambridge, 1993.
- Hall E.* Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy, 1989.

- Hall E.* Asia Unmanned: Images of victory in classical Athens // War and Society in the Greek World. London and New York, 1995. P. 108–133.
- Hanson V. D.* Warfare and Agriculture in Classical Greece. Berkeley, Los Angeles, London, 1998.
- Heinen H.* Greeks, Iranians and Romans on the Northern Shore of the Black Sea // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Brill: Leiden, Boston, Köln, 2001. P. 1–23.
- Höckmann O.* Naval and Others Graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1999. Vol. 5, 4. P. 303–356.
- Isaac B.* The Meaning of the Terms *Limes* and *Limitanei* // Journal of Roman Studies. 1988. No. 78. P. 125–147.
- Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.
- Koshelenko G. A., Kuznetsov V. D.* Greek Colonization of the Bosphorus // The Greek Colonization of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart, 1998. P. 249–263.
- Kryzhitsky S. D.* Olbia and the Scythians in the Fifth Century BC. The Scythian 'Protectorate' // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire. Exeter, 2005. P. 122–130.
- Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. New York, 1951.
- Lattimore O.* Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1955. Paris, 1962.
- Lorimer H. I.* Hoplite Phalanx with Special Reference to the Poems of Archilochus and Tyrtaeus // BSA. 1947. No. XLII. P. 76–138.
- Marčenko K., Vinogradov Yu.* The Scythian period in the northern Black Sea region (750–250 BC) // Antiquity. 1989. Vol. 63. No. 241. P. 803–813.
- Marčenko K. K., Vinogradov Ju. A.* Das nordliche Schwarzmeergebiet in der scythischen Epoche. Periodisierung der Geschichte // Klio. 1989. 71.2. S. 539–549.
- Maslennikov A. A.* The Development of Graeco-Barbarian Contacts in the Chora of the European Bosphorus

- (sixth – first centuries) // *Scythians and Greeks. Cultural Interpretation in Scythia, Athens and the Early Roman Empire*. Exeter, 2005. P. 153–166.
- McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator of Pontus. Leiden, 1986.
- Mielczarek M.* Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1989.
- Mielczarek M.* The Army of the Bosporan Kingdom. Łódź, 1999.
- Minns E.* Scythian and Greeks. Cambridge, 1913.
- Mohammed A.* The nomads and the sedentary: polar complementaries – not polar opposites // *The Desert and the Sown. Nomads in the Wider Society*. Berkeley, 1973. P. 97–112.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. 2001. Bd. 11.
- Murzin V. Yu., Skory S. A.* An Essay of Scythian History // *Il Mar Nero*. 1994. I. P. 55–98.
- Nikonov V. P.* Cataphracti, cataphractarii and clibanarii: another look at the old problem of their identification // *Военная археология. Оружие и военное дело в истории и социальной перспективе*. СПб., 1998. С. 131–138.
- Noonen T. S.* The origins of the Greek colony at Panticapeum // *AJA*. 1973. Vol. 77. P. 77–81.
- Okhotnikov S. B.* The Chorai of Ancient Cities in the Lower Dniester (6th – 3rd Centuries BC) // *North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies*. Brill: Leiden, Boston, Köln, 2001. S. 91–115.
- Olbrycht M. J.* Der Fernhandel in Ostsarmatien und in den benachbarten Gebieten (zweite Hälfte 2 Jhs. – 1 Jh. V. Chr.) // *Lavarna*. 2001. XII. S. 86–122.
- Olbrycht M. J.* Mithradates VI, Eupator, der Bosporos und die sarmatischen Völker // *Kimmerowie, scythowie, sarmaci*. Kraków, 2004. S. 331–347.

- Pearson L.* Notes on the Text of Plutarch. *De Malignitate Herodoti* // American Journal of Philology. 1959. Vol. 80. P. 225–275.
- Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the Collection. Malibu, California, 1993.
- Potts D.* Barbar Miscellenies // Dilmun. New Studies in the Archaeology and Early History of Bahrain. Berlin, 1983. P. 127–139.
- Roberts H. S.* Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late 4th century BC to early 3rd century BC // Proceedings of the Danish Institute at Athens. 2009. VI. P. 189–2000.
- Robinsohn Z. W.* Saumakos. Ancient History, Modern Politics // Historia. 1980. Bd. XXIX. P. 50–70.
- Roebuck K.* Ionian Trade and Colonization. New York, 1959.
- Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Rostovtzeff M.* The Bosporan Kingdom // CAH. 1930. Vol. 8. P. 561–589.
- Rostowzew M.* Scythian und der Bosporus. Berlin, 1931.
- Rostovtzeff M.* Pontus and it's Neighbours: the First Mithridatic War // CAH. 1932. Vol. 9. P. 211–260.
- Saprykin S. Yu.* The Chora in the Bosporan Kingdom // Surviving the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus, 2006. P. 273–288.
- Shahbazi A.* Darius in Scythia and Scythians in Persepolis // Archäologische Mitteilungen aus Iran. 1982. Bd. 15. P. 189–235.
- Shelov D. B.* Coinage of the Bosporus 6–2 Centuries BC. BAR. Suppl. 46. Oxford, 1978.
- Simonenko V. A.* The problem of the Sarmatian penetration in the North Pontic area according to archaeological data // Il Mar Nero. 1994. 1. P. 99–136.
- Spence I. G.* The Cavalry of Classical Greece. A Social and Military History with Particular Reference to Athens. Oxford, 1993.
- Strong D. E.* Greek and Roman Gold and Silver Plate. London, 1966.

- Sulimirski T.* The Sarmatians. Thames and Hudson, 1970.
- Swidder W. W.* Adaptive processes regulating nomad-sedentary interactions in the Middle East // *The Desert and the Sown. Nomads in the Wider Society.* Berkeley, 1973. P. 23–41.
- Tainter J. A.* The Collapse of Complex Society. Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney, 1988.
- Tompson M., Mørkholm O., Kraay C.* (eds.). An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973.
- Tolstikov V. P.* L'apport de la fortification l'histoire du Bosphore antique // *La fortification dans l'histoire du monde Grec.* Paris, 1986. P. 167–178.
- Tsetskhladze G. R.* A survey of the major urban settlements in the Cimmerian Bosphorus // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis.* Stuttgart, 1997. P. 39–81.
- Tsetskhladze G. R.* Greek Colonization of the Black Sea Area. Stages, Models, and Native Population // *The Greek Colonization of the Black Sea Area, Historical Interpretation of Archaeology.* Stuttgart, 1998. P. 9–67.
- Tuplin D.* Greek Racism? Observation on the Character and Limits of Greek Ethnic Prejudice // *Ancient Greeks West and East.* Leiden–Boston–Köln, 1999. P. 47–75.
- Van Wees H.* The development of the hoplite phalanx. Iconography and reality in the seventh century // *War and Violence in Ancient Greece.* Duckworth and the Classical Press of Wales, 2000. P. 125–166.
- Vinogradov Yu. A.* Selected Findings from Myrmekion Acropolis // *Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Études et Travaux.* 1999. T. 18. P. 280–293.
- Vinogradov Ju. A.* Two Waves of Sarmatian Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period // *The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday.* Aarhus University Press, 2003. P. 217–226.
- Vinogradov Yu. A.* Cimmerian Bosphorus: Main Phases of Pre-Roman History // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th – 1st Centuries BC.* Proceedings of

Список литературы

- the International Conference. BAR International Series 1729. Oxford, 2007. P. 145–149.
- Vinogradov Ju. A.* Rhythms of Eurasia and the Main Historical Stages of the Kimmerian Bosphoros in Pre-Roman Times // Meeting of Cultures in the Black Sea Region. Between Conflict and Coexistence. Aarhus University Press, 2008. P. 13–27.
- Vinogradov Yu. A., Lebedeva E. V.* Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2005. Vol. 11. Fasc. 2. P. 316–319.
- Vinogradov Ju. G.* Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes in 5. Jahrhundert v. Chr. // Chiron. 1980. Bd. 10. S. 53–100.
- Vinogradov Ju. G.* Pontische Studien. Mainz, 1997.
- Wells P. S.* Culture Contact and Culture Change. Early Iron Age Central Europe and the Mediterranean World. Cambridge etc., 1980.
- Whittaker C. R.* Frontier of the Roman Empire. A Social and Economic Study. Baltimore, 1997.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести
АГСП — Античные города Северного Причерноморья.
М.; Л., 1955
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эр-
митажа
БИ — Боспорские исследования
БС — Боспорский сборник
БФ — Боспорский феномен. Материалы Международ-
ной научной конференции
БЧ — Боспорские чтения
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная Академия истории матери-
альной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ДБ — Древности Боспора
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВРАО — Записки Восточного отделения Российского
археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древ-
ностей
ИАК — Известия Императорской археологической ко-
миссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии исто-
рии материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории ма-
териальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965

Список сокращений

- КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- НАА — Народы Азии и Африки
- ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
- ПАВ — Петербургский археологический вестник
- ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры
- РА — Российская археология
- РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительного искусства им. А. С. Пушкина
- СЭ — Советская этнография
- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
- ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
- ХСб — Херсонесский сборник
- AJA — American Journal of Archaeology
- BAR — British Archaeological Reports
- BSA — Annual of British School at Athens
- CAH — The Cambridge Ancient History
- IOSPE — Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1885–1916
- RE — Pauli — Wissowa — Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Степь, варвары, эллины	11
Своеобразие Северного Причерноморья в античной ойкумене	11
Эллины и варвары. Проблемы сосуществования	22
Глава II. Евразийская степь	30
Восток и запад степного коридора. Сходство в различии	30
Кочевые империи	41
Динамика степей Евразии	52
Миграции кочевников и археология	73
Татаро-монгольское завоевание как пример миграции кочевников	90
Номады и оседлые народы. Соперничество на поле боя	100
Номады и земледельцы. Мирные контакты	124
Древние греки Северного Причерноморья и номады	143
Глава III. Боспор Киммерийский и номады	157
Ритмы Евразии и периодизация истории Боспора Киммерийского	157

Содержание

Греческая колонизация и ранняя история апоийки Боспора Киммерийского (конец VII в. — 480/79 гг. до н. э.)	163
Правление Археанактидов	176
Ранние Спартокиды	182
Боспор и падение Великой Скифии	207
Новый расцвет Боспора	216
Боспор и новая волна сарматских миграций ...	222
Боспор под властью Митридата	225
Борьба за власть над государством	230
Последний расцвет Боспорского государства ..	234
Закат античного Боспора	251
Заключение	263
Список литературы	267
Список сокращений	316

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Виноградов Юрий Алексеевич

**БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ
И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ**

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 04.06.25
Формат 10,0×19,0 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

В научной литературе не так много работ, которые трактуют проблемы взаимодействий греческих колоний Северного Причерноморья с миром кочевников Евразии. История Боспора Киммерийского (район современного Керченского пролива) в этом отношении является наиболее показательной. Волны миграций кочевников, периодически выплескивавшиеся по степному коридору из глубин Азии на запад, в Северном Причерноморье сразу наталкивались на Боспор. Эти «ритмы Евразии» накладывали отпечаток на его многовековую историю от скифов до гуннов. Появление «новых» кочевнических этносов на северном берегу Черного моря приводило к дестабилизации военно-политической ситуации в регионе. Требовалось немало времени, чтобы пришельцы могли утвердить свою власть в степях и подчинить местные земледельческие племена. Для понимания особенностей этих взаимоотношений принципиальное значение имеет адекватная оценка своеобразия кочевнических обществ, их отличия от мира оседлых земледельцев.